

АРХЕОЛОГИЯ КАК НАУКА

Археология - специализированная отрасль исторической науки, которая исследует быт и культуру древних племен и народов по вещественным источникам, сохранившимся до наших дней.

Название происходит от двух слов «архайос» - древний и «логос» - учение., т.е. «наука о древностях, что мало отражает ее содержание. Историческая наука имеет в распоряжении два вида источников – письменные и вещественные. Причем, письменные источники составляют только 1/100 часть от всего количества источников. Отсутствие письменных источников для древнего периода истории – одна из причин обособления археологии в особый отдел истории. Подавляющая часть человеческой истории с момента возникновения не знала письменности. Другая причина – в скудости сведений, сообщаемых древними письменными источниками о жизни человека. Чем ближе к нашему времени, тем богаче и полнее письменные источники. Ранее археология изучала прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляли сведения, извлеченные из письменных источников. Обычно, это был XV-XVI вв. Теперь археология дает сведения по XX в. включительно.

Когда это становится возможным, археологические данные соединяются с письменными источниками, они дополняют друг друга, и дают более объективную картину памятника, который исследуется либо образа жизни людей.

Вещественные источники встречаются повсеместно. Небольшая часть найденных источников находится в хранилищах, большая часть осталась в земле. Сложным путем археологи добились умения анализировать древние вещи и сооружения, доказали возможность их использования как исторического источника. Методы анализа вещественного источника существенно отличаются от методики исследования письменного документа. Научное обоснование этих методов сделало археологию исторической наукой.

Найденные вещи подвергаются тщательному изучению. Но изучение древних вещей – не самоцель. Их ценность в том, что они выступают в качестве материала для исторических исследований, т.е., в качестве исторического источника. Вещи нельзя отрывать от среды в которой они созданы. Они должны изучаться, но реконструкция исторических явлений производится на основе совокупности исторических источников, имеющих в распоряжении исследователя. Вещи, изучаемые археологами, разнообразны: орудия труда, оружие, украшения, посуда, монеты, жилища, мастерские, укрепления и т.д.

Археологические источники

Предметы, изучаемые археологами, могут быть найдены, главным образом, или в древних погребениях, или там, где в древности находились поселения. Непосредственно на поселениях они использовались в быту, а в погребения попадали как следствие веры в загробную жизнь: их клали покойникам в могилы, чтобы онигодились «на том свете».

Понятие «археологический источник»

Итак, в реконструкции прошлого применяется два вида источников: письменные и вещественные. Отсутствие или скудость письменных источников определяет значение археологии в проведении исторических реконструкций и выдвигает на первый план изучение вещественных источников. В археологии вещественные источники обычно именуют «археологическими». Они представлены орудиями труда, оружием, украшениями, предметами искусства, остатками жилищ, хозяйственных построек, захоронений, святилищ.

В понятие «археологический источник» входит любой вещевой материал или объект, содержащий этот материал, полученный в результате археологического исследования.

Круг археологических источников определяют объекты, созданные в процессе деятельности человека, они являются отражением его культуры. В археологии для обозначения искусственно созданных предметов используется понятие «артефакт» (то, что сделано рукой человека). Во время археологических работ исследуются также «экофакты» - «то, что создано природой». Например, семена, зерно злаковых, косточки плодов дают возможность сделать вывод о том, что выращивали люди в древности и средневековье.

Как и любой источник, археологический содержит важную информацию о событиях прошлого, но, в отличие от письменных свидетельств, эта разновидность источников не дана нам в готовом виде. Получить информацию из нее мы можем, основываясь на знаниях о природе происхождения самой вещи с помощью соответствующих методов, позволяющих ее идентифицировать и интерпретировать.

На месте, где поселения никогда не было, обычно имеется сравнительно тонкий слой почвы,

покрытый растительностью, а под ним – нетронутая порода или материк. Материк – это слой земли, в котором нет следов жизнедеятельности человека и органических остатков. Современная дневная поверхность – уровень почвы в настоящее время. Согласно археологическим методикам раскопки должны продолжаться до тех пор, пока археологи не дойдут до «материка». Там, где люди никогда не жили, нельзя найти древних вещей, кроме случайных и крайне редких находок потерянных предметов. Первые поселенцы строили себе жилище. Если оно было деревянным, то при строительстве оставались щепки, хворост, солома, втопанные в землю. Из жилища выметали мусор, выбрасывали кости, рваную обувь, одежду, испорченные предметы домашнего обихода, битую посуду. Эти остатки заносила пыль, и со временем уровень земли незаметно повышался. При ремонте дома вновь образовывался строительный мусор. Иногда жилища горели, и тогда пожар оставлял в земле прослойку угля и пепла. Если дом разбирали, то в земле оставалась нижняя его часть. Кроме выброшенных поломанных вещей, в образовавшиеся напластования попадали и целые утерянные или забытые вещи.

Находки в этих наслоениях отражают уровень культуры оставившего их общества, а поэтому образовавшийся таким способом слой называют культурным слоем. Следовательно, культурный слой – это исторически сложившаяся система напластований, образовавшаяся в результате деятельности человека. Толщина культурного слоя зависит от многих причин, и в разных поселениях различна. Она колеблется от нескольких сантиметров до 30-35 метров.

Механизм формирования культурного слоя в археологии до конца не выяснен, но распространенным является тот факт, что наиболее древние напластования залегают глубже культурных слоев позднего времени. Изучение состава и последовательности залегания культурных слоев и сооружений, их отношение друг к другу называется стратиграфией (описанием слоев). В археологии это своеобразный метод, позволяющий проводить реконструкцию этапов заселения, определять хронологию памятника.

Археологи различают открытые и закрытые археологические комплексы.

Главная черта закрытых комплексов – это их неизменяемость во времени и одновременность их комплектования. Имеется только три типа закрытых комплексов. Это клад (монетный, вещевой или монетно-вещевой) погребение (с вещами или сооружениями), остатки сгоревшего или разрушенного жилища. Вещи или сооружения, составляющие закрытый комплекс, могли быть сделаны или сооружены в разное время, но были изолированы от внешних изменений в один и тот же момент. К ним ничего нельзя добавить, из них ничего нельзя изъять. Закрытый комплекс – комплекс одновременно существовавших вещей и сооружений, он отражает лишь один момент времени и тем важен для датировок.

Если, например, в склеп впущено второе погребение, оно могло нарушить комплекс первого, который перестает быть закрытым. Случайная яма, достигшая развалин жилища, нарушает закрытый комплекс. Открытый комплекс в определенных пределах допускает его изменения. Например, толщина пласта земли, снимаемого во время раскопок, зависит от археолога, и может быть уменьшена или увеличена. пласт – открытый комплекс. Напластования и вещи в нем накапливались на протяжении определенного времени, а не мгновенно, поэтому открытый комплекс отражает не момент времени, а его отрезок. Открытый комплекс используется при датировках. При этом они имеют начальную и конечную даты. Например, конец 12 – начало 13 в. полнота и чистота комплекса – важнейшее условие не только для хронологических выводов, но и для заключений об этносе, системе хозяйства, социальных условиях и т.д. При раскопках археологи строго следят за тем, чтобы вещи не были перепутаны, чтобы ни одна из них не потерялась.

Археологические источники обычно поступают в ходе изучения памятников археологии. Под археологическим памятником обычно понимают места, связанные с жизнью людей или их захоронениями. В классификации памятников археологии обычно выделяют следующие виды:

- грунтовые захоронения (в почве, ямах), которые визуально неотличимы от окружающей местности. Первые грунтовые захоронения стали совершать неандертальцы около 100 тыс. лет назад.

- курганные погребения – захоронения умерших, над которыми делали специальные насыпи округлой или вытянутой формы, сооруженные преимущественно из земли или камней. В некоторых культурах внутри курганной насыпи находится погребальная камера – специальная камера, внутри которой находятся останки умершего и погребальный инвентарь. Время появления курганов относят к позднему неолиту.

- кенотафы – «пустые» памятники – насыпи без погребения, которые создавали в память об умершем на чужбине, чей прах нельзя было предать родной земле.

- дольмены – сооружения из крупных камней (до 2-3 м в высоту), напоминающие по форме

ящик, перекрытый сверху каменной плитой, дольмены сооружали в бронзовом веке.

3. Памятники культового и религиозного назначения. Для ранних этапов культур, связанных с язычеством, этот вид памятников называется святилища. Святилища у восточных славян представляли собой сооружения в виде округлой площадки размером от 15 до 30 кв.м, в центре которой находился идол. По краю святилище могло быть окружено валом и рвом, в котором горел священный огонь.

4. Мегалитические памятники – это сооружения из крупных каменных блоков. Наиболее простые из них – менгиры, вертикально поставленные высокие, до 3-4 м, плиты из камня (стелы). Иногда они украшены барельефными изображениями. Менгиры были распространены, начиная с эпохи неолита и связаны либо с погребениями, либо с культовыми сооружениями. Круглые ограды из каменных блоков в археологии называют кромлех. Самый известный кромлех – Стоунхендж. Кромлехи появляются в неолите и бронзовом веке. В отдельную группу выделяют каменные изваяния в виде скульптурных изображений человека (антропоморфные изображения) и животных (зооморфные изображения). К каменным изваяниям относят также идолов.

5. Места древних производств и горной выработки. Этот вид памятников связан с добычей сырья и его переработкой. Их топография зависела от близкой расположенности ресурсов. Иногда производственные места находятся рядом с поселением. Среди производственных мест следует выделить места горных выработок и добычи камня (шахты). Остатки таких шахт были обнаружены и на территории Беларуси недалеко от поселка Красносельский в бассейне реки Рось (Понеманье). В связи с зарождением металлургии известны места добычи руды, места выплавки металла, мастерские, кузницы и т.д.

6. Памятники искусства характеризуют духовную культуру человека. Они представлены остатками росписей стен в пещерах, наскальными изображениями, прочерченными по поверхности рисунками, скульптурными изображениями человека из кости камня, глины.

7. Клады. Понятие «клад» для археологии имеет широкий смысл. К нему относятся места массового скопления находок – монет, украшений, оружия и даже орудий труда и заготовок сырья, специально спрятанных в тайниках. Первые клады каменного сырья, изготовленных из него орудий появляются еще в эпоху палеолита.

8. Случайные находки.

Археологическая культура.

В результате всестороннего исследования вещей, поселений и погребений определенной территории часто выявляется общность находящихся на ней археологических памятников. В процессе изучения археологических памятников имеется возможность установления их принадлежности к определенной археологической культуре. Под археологической культурой понимается общность археологических памятников, существовавших на определенной территории приблизительно в одно и то же время, единых по остаткам материальной культуры. Следовательно. Понятие «археологическая культура» объединяет общие территориальные и хронологические признаки. Ей свойственны специфические черты, проявляющиеся в орудиях труда, украшениях, формах посуды и ее орнаментации, домостроительстве, погребальном обряде и т.д.

Каждая археологическая культура имеет свое название. Оно может даваться по

- эталонному (эпонимному) памятнику, давшему наиболее представительные материалы, например, лингбийская культура (по стоянке Лингби в Дании)

- территории распространения памятников – днепро-двинская культура

- отличительной черте вещевого комплекса – культура шаровидных амфор

- по имени исследователя – городцовская культура (в честь русского археолога В. Городцова).

Археологическая культура – объективно существующая реальность, связанная с определенной группой населения. Для каждой эпохи существуют свои критерии определения своеобразия той или иной археологической культуры. В палеолите общность черт археологической культуры характеризуют техника обработки камня и отдельные формы орудий труда. В мезолите сюда добавляются наконечники стрел, в неолите и бронзовом веке, кроме орудий труда, археологические культуры выделяются формами керамической посуды и ее орнаментацией, а в железном веке, кроме этого, - типами поселений, жилищ и погребений.

Методика археологических исследований

Одной из задач археологии является поиск, фиксация и изучение археологических памятников. Эти задачи выполняет один из разделов археологической науки – полевая археология. Археологические исследования осуществляются специалистами на основании специально выданного разрешения – «Открытого листа». На территории нашей страны это

разрешение выдается особым органом, действующем при Институте истории Академии наук Беларуси – полевым комитетом. Существуют четыре формы открытого листа. На основании заявления соискателя, который впервые получает разрешение, выдается форма № 3. Она предусматривает проведение разведок без вскрытия площади на памятнике, сбор подъемных материалов, съемку и составление планов археологических объектов. После предоставления отчета выдается форма № 2 – разведки со вскрытием площади на одном памятнике до 24 кв.м. следующая форма разрешения – форма № 1 – разведки и раскопки памятника на доступной для исследователя площади. И, наконец, форма № 4 – спасательные работы на объектах, подвергающихся разрушению или полному уничтожению.

Первоначальным в деятельности каждого исследователя-археолога является так называемая разведка. Одним из источников информации о местонахождении археологических памятников являются случайные открытия. Чаще археологи организывают и проводят систематические работы с целью открытия новых археологических памятников. Наиболее распространенным и опробованным является непосредственное обследование определенных территорий путем обхода или объезда. В ходе подобного обследования фиксируются видимые на поверхности земли следы неподвижных археологических объектов, а также все подвижные предметы: фрагменты керамики, каменные и железные изделия и т.д. все открытые археологические памятники фотографируются, создаются ситуационные планы, на которых обозначаются места захоронений, жилищ, скопления или одиночно найденные вещи. Оформляются паспорта, в которых дается следующая информация: приводится привязка к ближайшим населенным пунктам, рекам, озерам, болотам. Обозначается административное размещение, указываются местные названия памятника, автор археологической разведки. В полевом дневнике описывается сам памятник и найденные вещи.

Для определения стратиграфии, площади памятника и его предварительного датирования проводятся зондажные работы. Это шурфы - небольшие по площади зондажи, размерами 1х1, 2х2, 2х4 м. По результатам, полученным при изучении информации и материалов, археолог принимает решение о целесообразности проведения археологических раскопок. Сегодня используются такие методы разведки как аэрофотосъемка, которая позволяет выявить не видные с земли мелкие формы рельефа, например, уничтоженные валы или курганы. Используется также электроразведка, основанная на том, что все тела неодинаково проводят электрический ток и магниторазведка, которая позволяет находить аномалии магнитного поля, связанные с нахождением в земле железных предметов.

Этапы археологического исследования.

В полной мере исследование памятника могут дать только археологические раскопки. Раскопки – наиболее ответственная часть в системе полевых исследований. Предметом археологических раскопок является размещение неподвижных объектов и подвижных предметов, которые находятся под землей в антропогенных или природных отложениях и называются слоями или пластами. Культурный пласт – принятое в археологии название пласта земли, который образовался в некотором месте в результате жизни и деятельности человека. Он имеет свою консистенцию (гумус, уголь, пепел, глину, песок, строительный мусор и т.д.), структуру (плотную или рыхлую), специфический цвет (черный, коричневый, серый) специфический запах двуокиси углерода. В культурном пласте сохраняются остатки древних жилищ, хозяйственных построек, памятников монументального строительства, предметов материальной культуры (орудия труда, посуда, оружие. Украшения, кухонные отходы, кости птиц и животных и т.д.). на формирование толщины культурного слоя влияет интенсивность жизни и род занятий людей, степень концентрации жителей на определенной площади, а также внешние обстоятельства (войны, пожары, стихийные бедствия). Во время раскопок культурные напластования уничтожаются, поэтому главной целью каждого исследователя является точнейшая фиксация размещения в культурных напластованиях выявленных подвижных и неподвижных материалов.

2. Камеральный. На следующем этапе найденные во время археологических раскопок предметы должны быть обработаны, законсервированы, реконструированы. Должна быть составлена опись. Производится очистка и реставрация, реконструкция предметов, которая может быть графической, пластической, атропологической, исторической.

3. Кабинетный. По результатам раскопок составляется научный отчет, готовятся публикации. Методы датирования в археологии

Изучение памятников археологии и самих предметов дают представление об археологической хронологии и периодизации. Различают относительную и абсолютную хронологию.

Относительная хронология определяет последовательность тех или иных событий, полученных на основе археологического изучения памятников, их стратиграфии, типологии

вещей. Обычно она отвечает на вопрос «до и после чего», т.е. что было раньше, а что позже или одновременно. Иногда, основываясь на данных стратиграфии, можно встретить понятия «нижняя дата» (самая ранняя) или «верхняя дата» (самая поздняя). Абсолютная хронология основана на датировках, полученных на основе естественнонаучных методов, полученных на основе естественнонаучных методов. Абсолютная хронология дает возможность говорить о конкретных датах. Выделяют следующие методы:

Радиоуглеродный. Используется для датировки вещей из органики (кость, дерево), древесного угля. Метод основан на изучении остаточного количества радиоактивного изотопа углерода C^{14} . В течение жизни любой организм усваивает этот изотоп с космическими лучами. Со смертью организма углерод прекращает усваиваться и начинает распадаться. Зная период полураспада C^{14} и сравнивая его с современными образцами, можно точно установить, когда произошла остановка накопления углерода в изучаемом образце.

Термолюминесцентный метод. Используется, в основном, для датировки керамики. Он основан на изучении остаточного количества альфа-частиц при повторном нагревании предметов и степени их свечения.

Дендрохронологический метод основан на изучении последовательной смены годовых колец деревьев, их цвета и структуры, что позволяет не только определить возраст памятника археологии, но и реконструировать климат.

Палинологический или спорово-пыльцовый. Сведения о датировке получают на основании изучения пыльцы древних растений.

Для типологического метода имеют значение массовые находки похожих, одинаковых по назначению вещей. В процессе работы археологи распределяют древности по категориям, т.е. по назначению. Первоначально изучают каждую категорию: серпы, мечи, топоры, браслеты и т.д. Внутри каждой категории распределяют вещи по материалу: железные, бронзовые, деревянные. Полученную серию вещей. Сделанных из одного материала, делят на типы по их внешним признакам. Тип – это группа похожих вещей одинакового назначения, отличающихся друг от друга некоторыми особенностями. Из вещей каждого типа составляется эволюционный ряд, внутри которого они распределяются от простых к сложным (иногда, наоборот). Зная время, в которое бытовали эти вещи, можно установить хронологию памятника.

Название происходит от двух слов «архайос» - древний и «логос» - учение, т.е. «наука о древностях, что мало отражает ее содержание. Историческая наука имеет в распоряжении два вида источников – письменные и вещественные. Причем, письменные источники составляют только 1/100 часть от всего количества источников. Отсутствие письменных источников для древнего периода истории – одна из причин обособления археологии в особый отдел истории. Подавляющая часть человеческой истории с момента возникновения не знала письменности. Другая причина – в скудости сведений, сообщаемых древними письменными источниками о жизни человека. Чем ближе к нашему времени, тем богаче и полнее письменные источники. Ранее археология изучала прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляли сведения, извлеченные из письменных источников. Обычно, это был XV-XVI вв. Теперь археология дает сведения по XX в. включительно.

Когда это становится возможным археологические данные соединяются с письменными источниками, они дополняют друг друга, и дают более объективную картину памятника, который исследуется либо образа жизни людей.

Найденные вещи подвергаются тщательному изучению. Но изучение древних вещей – не самоцель. Их ценность в том, что они выступают в качестве материала для исторических исследований, т.е., в качестве исторического источника. Вещи нельзя отрывать от среды в которой они созданы. Они должны изучаться, но реконструкция исторических явлений производится на основе совокупности исторических источников, имеющихся в распоряжении исследователя.

Вещи, изучаемые археологами, разнообразны: орудия труда, оружие, украшения, посуда, монеты, жилища, мастерские, укрепления и т.д.

Круг археологических источников определяют объекты, созданные в процессе деятельности человека, они являются отражением его культуры. В археологии для обозначения искусственно созданных предметов используется понятие «артефакт» (то, что сделано рукой человека). Но о время археологических работ исследуются также «экофакты» - «то, что создано природой». На время археологических работ исследуются также «экофакты» - «то, что создано природой». Например, семена, зерно злаковых, косточки плодов дают возможность сделать вывод о том, что выращивали люди в древности и средневековье.

Механизм формирования культурного слоя в археологии до конца не выяснен, но

распространенным является тот факт, что наиболее древние напластования залегают глубже культурных слоев позднего времени. Изучение состава и последовательности залегания культурных слоев и сооружений, их отношение друг к другу называется стратиграфией (описание слоев). В археологии это своеобразный метод, позволяющий проводить реконструкцию этапов заселения, определять хронологию памятника.

Археологи различают открытые и закрытые археологические комплексы. Главная черта закрытых комплексов – это их неизменяемость во времени и одновременность их комплектования. Имеется только три типа закрытых комплексов. Это клад (монетный, вещевой или монетно-вещевой) погребение (с вещами или сооружениями), остатки сгоревшего или разрушенного жилища. Вещи или сооружения, составляющие закрытый комплекс, могли быть сделаны или сооружены в разное время, но были изолированы от внешних изменений в один и тот же момент. К ним ничего нельзя добавить, из них ничего нельзя изъять. Закрытый комплекс – комплекс одновременно существовавших вещей и сооружений, он отражает лишь один момент времени и тем важен для датировок. Если, например, в склеп впущено второе погребение, оно могло нарушить комплекс первого, который перестает быть закрытым. Случайная яма, достигшая развалин жилища, нарушает закрытый комплекс. Открытый комплекс в определенных пределах допускает его изменения. Например, толщина пласта земли, снимаемого во время раскопок, зависит от археолога, и может быть уменьшена или увеличена. Пласт – открытый комплекс. Напластования и вещи в нем накапливались на протяжении определенного времени, а не мгновенно, поэтому открытый комплекс отражает не момент времени, а его отрезок. Открытый комплекс используется при датировках. При этом они имеют начальную и конечную даты. Например, конец 12 – начало 13 в. Полнота и чистота комплекса – важнейшее условие не только для хронологических выводов, но и для заключений об этносе, системе хозяйства, социальных условиях и т.д. При раскопках археологи строго следят за тем, чтобы вещи не были перепутаны, чтобы ни одна из них не потерялась.

6. Памятники искусства характеризуют духовную культуру человека. Они представлены остатками росписей стен в пещерах, наскальными изображениями, прочерченными по поверхности рисунками, скульптурными изображениями человека из кости, камня, глины.

2. Камеральный. На следующем этапе найденные во время археологических раскопок предметы должны быть обработаны, законсервированы, реконструированы. Должна быть составлена опись. Производится очистка и реставрация, реконструкция предметов, которая может быть графической, пластической, антропологической, исторической.

Изучение памятников археологии и самих предметов дают представление об археологической хронологии и периодизации. Различают относительную и абсолютную хронологию. Относительная хронология определяет последовательность тех или иных событий, полученных на основе археологического изучения памятников, их стратиграфии, типологии вещей. Обычно она отвечает на вопрос «до и после чего», т.е. что было раньше, а что позже или одновременно. Иногда, основываясь на данных стратиграфии, можно встретить понятия «нижняя дата» (самая ранняя) или «верхняя дата» (самая поздняя). Абсолютная хронология основана на датировках, полученных на основе естественнонаучных методов, полученных на основе естественнонаучных методов. Абсолютная хронология дает возможность говорить о конкретных датах. Выделяют следующие методы:

Для типологического метода имеют значение массовые находки похожих, одинаковых по назначению вещей. В процессе работы археологи распределяют древности по категориям, т.е. по назначению. Первоначально изучают каждую категорию: серпы, мечи, топоры, браслеты и т.д. Внутри каждой категории распределяют вещи по материалу: железные, бронзовые, деревянные. Полученную серию вещей, сделанных из одного материала, делят на типы по их внешним признакам. Тип – это группа похожих вещей одинакового назначения, отличающихся друг от друга некоторыми особенностями. Из вещей каждого типа составляется эволюционный ряд, внутри которого они распределяются от простых к сложным (иногда, наоборот). Зная время, в которое бытовали эти вещи, можно установить хронологию памятника.

Археологическая периодизация

Археологическая периодизация – деление истории на крупные по протяженности эпохи, века, представление о которых на изменении в развитии материальной культуры. В связи с этим выделяют каменный, бронзовый и железный века.

Каменный век (2,8 (2,5 млн лет назад – 3 тыс. лет до н.э.) делится на палеолит, мезолит и неолит.

Палеолит (древнекаменный век) – 2,5 (2) млн. лет назад – 10 тыс. лет назад делится на:

Ранний (нижний) палеолит – олдувайская эпоха – 2,5 (2) млн – 700 тыс. лет назад (появление архантропов, зарождение орудийной деятельности); ашель – 700 – 150 лет назад (начало использования огня и создание первый искусственных жилищ);

Средний палеолит (эпоха мустье) – 150 (120) – 40 (35) тыс. лет назад (период существования палеоантропов, неандертальца, распространение техники скалывания камня левалла, первые погребения);

Поздний (верхний) палеолит 40 (35) – 14 (12) тыс. лет назад (время неоантропов – человека современного вида, развитие отжимной техник скалывания камня, появление первобытного искусства);

Финальный палеолит - 14 (12) – 10 тыс. лет назад (в приледниковой Европе появляются лук и стрелы, распространяются культуры охотников на северного оленя)

Мезолит (средний каменный век) – 10 – 7 (6) тыс. лет назад (распространение лука и стрел, развитие вкладышевой техники, расцвет присваивающих форм хозяйства – охоты, собирательства и рыболовства).

Неолит – 8-3 тыс. до н.э. (зарождение производящего хозяйства - земледелия и скотоводства, появление керамической посуды, ткачества; первые цивилизации протогородского типа).

Переходной эпохой между каменным и бронзовым веками считается энеолит (халколит, медно-каменный век) – 5-3 тысячелетие до н.э. Эта эпоха связана с появлением первых орудий из металла – меди, становлением первых цивилизаций городского типа на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Северо-Восточном Средиземноморье.

Бронзовый век – 3-2 – начало 1 тысячелетия до н.э. эпоха, связанная с возникновением и развитием металлургии сплавов на медной основе. Развитие древних государств в Балканской Европе, Средней и Южной Азии, на Дальнем Востоке. Первые цивилизации городского типа на территории Мезоамерики.

Железный век как эпоху зарождения и развития черной металлургии делят на два периода – ранний начало 1 тыс. до н.э. – 5 век н.э. и поздний (до начала развитого Средневековья).

Антропоген – (антропос – человек, генос – рождение) – в геологической истории земли иначе называют четвертичным периодом, на который приходится эоплейстоцен, плейстоцен и современная геологическая эпоха – голоцен. На протяжении палеолитического времени происходило постоянное изменение природы и климата. Особенно контрастными эти изменения были во время неоднократных оледенений. Древние ледники оказывали огромное влияние на климат, развитие природы, возможности освоения палеолитическим человеком древней ойкумены. В настоящее время выделено пять ледниковых эпох. Смена оледенений на более теплые межледниковые периоды очень существенно отражалась на развитии животного и растительного мира. Происходило постоянное смещение природных зон: то на юг (во время оледенений), то на север (во время межледниковий).

Наиболее ранней эпохой палеолита является олдувайская (2,5 (2) млн. – 700 тыс. лет назад. Эпоха получила название по ущелью Олдувай в Танзании (Восточная Африка), где археологом Луисом Лики в конце 1950-х гг. были найдены орудия и костные останки предков рода Номо. Кроме Олдувайского ущелья находки самой ранней эпохи палеолита были сделаны также в Кооби Фора (Камборг (Тунис) и др. Эпоха характеризуется появлением первых примитивных орудий из камня. Ее еще называют «галечной эпохой» или «периодом обитой гальки». Наиболее архаичные формы орудий представлены грубообитой галькой, примитивными рубящими орудиями, обитыми с одной стороны – чопперами, орудиями, рабочий край которых обит с двух сторон – чоппингами, сфероидами, многогранниками.

По времени олдувайская эпоха совпала с появлением архантропов – древнейших людей – прародиной которых считают Африку. Их предшественниками являются австралопитеки. Свое название они получили по находке черепа, обнаруженного в 1924 г. Раймондром Дартом в пещере Тонг в Южной Африке. Первооткрывателем находка была определена как «обезьяна из Южной Африки». В последние годы возраст австралопитека удревлен до 5-5,5 млн. лет. Находка Дарта, затем открытие ископаемых останков в Омо (Эфиопия) в начале XX в. вызвала оживленный интерес. В 1950-е гг. наступила очередь Рифтовой долины, огромного разлома, который тянется более 3 тыс. км по Восточной Африке. Именно здесь Л.Лики и его жена Мэри с сыном Ричардом в ущелье Олдувай в Танзании обнаружили череп одного из ранних представителей архантропов – Номо Habilis – «человека умелого». Возраст его оценивался в 1,7-1,8 млн. лет, что, по сравнению с прежними находками удревняло возраст предков человека более чем на 1 млн. лет.

Череп архантропа

В современной схеме происхождения человека, кроме «человека умелого», также выделяют

Homo ergaster – человек деятельный и Homo erectus – человек прямоходящий. Их возраст (по современным данным), составляет до 1,7-1,9 лет.

Homo erectus

Сегодня установлено, что первые представители рода Homo были невысокого роста – около 150-165 см. объем мозга равнялся у австралопитеков всего 500-600 см куб., у архантропов он не превышал 900-1000 см куб. они владели техникой изготовления примитивных орудий, были всеядны. Могли организовывать первые примитивные стоябища.

В 1974 г. был найден почти целый скелет женской особи австралопитековых «Люси». Она подтверждала идею перехода австралопитековых к прямохождению и двуногости.

Следующей эпохой за олдуваем следует ашель. Эпонимным памятником этой эпохи, давшим ей название, стала стоянка Сент-Ашель во Франции, где были найдены характерные для этого времени орудия труда. Известные ашельские комплексы также обнаружены на стоянках Вертеселеш, Терра Амата, Торральба в Европе, пещере Кударо I и III на Кавказе.

На этом этапе появляется технологическое новшество – ручное рубило или бифас (овальное орудие, обработанное с двух сторон). Рубило – орудие универсальное, использовалось для разбивания костей, как режущий и строгальный инструмент. Вместе с ним в ашельскую эпоху появляются орудия меньших размеров: массивные проколки, остроконечники, примитивные скребла и зубчато-выемчатые орудия. Изменения произошли в технике обработки камня. В конце эпохи появляется способ склывания с дисковидного каменного ядрища (нуклеуса) немного удлинённых и треугольных по форме пластин. Такой способ обработки камня получил в археологической литературе название «техника леваллуа». Сколотые с нуклеуса пластины являлись заготовками орудий.

Бифас

Ашель – время обитания Homo erectus – человека прямоходящего. Они жили в пещерах и на открытых местах, связанных с охотой и собирательством, добычей каменного сырья для орудий. Находки остатков кострищ свидетельствуют, что в ашельское время использовали огонь. Не исключено, что в ашеле оседлый образ жизни привел к разделению мужского и женского труда.

С наступлением кратковременного потепления на территории Евразии распространились культуры эпохи мустье. В это время происходит дальнейшее развитие техники скалывания заготовок, возникшей еще в ашельское время. Основой этой техники стало получение заготовок треугольной формы с дисковидного нуклеуса. Кремневой инвентарь мустьерского типа более разнообразен. Это различные по форме скребла, остроконечники на треугольных пластинах, ручные рубила. В охоте стали использоваться копья и дротики.

По времени мустьерская эпоха соответствует палеоантропу – человеку неандертальского типа. Одна из первых находок неандертальца была сделана в августе 1856 г. недалеко от Дюссельдорфа, в Германии, в долине реки Неандерталь. С тех пор останки палеоантропов стали известны на территории Европы, Азии и Африки. Их возраст сегодня оценивается от 400 (300) до 40 (20) тыс. лет назад. Это были люди невысокого роста – до 160-165 см. имели череп крупных размеров: стенки его очень толстые (в полтора раза больше толщины черепа современных людей). Черепная крышка неандертальцев низкая, лоб сильно наклонен вперед. Надглазничный валик сильно развит, а подбородочный выступ отсутствует. Объем мозга у неандертальца составлял в среднем до 1050 куб см. наличие предъязычной кости позволяют думать о существовании у неандертальца членораздельной речи. Неандертальцу суждено было в конце мустьерской эпохи приспособиться к суровым условиям наступившего последнего оледенения, им сделаны новые шаги на пути прогресса, который связан с появлением одежды, совершенствованием способов охоты, добычи огня.

В мустьерское время начинает изменяться облик жилищ. Кроме часто заселяемых пещер, гротов и навесов под скалами в горных районах, люди стали устраивать жилища из костей крупных животных, преимущественно, из костей мамонта. Каркас таких жилищ покрывался шкурами диких животных. Внутри такие жилища отапливались, о чем свидетельствуют остатки очагов.

В мустьерское время люди старались селиться на берегах рек – недалеко от источников воды и места водопоя диких животных. Сами поселения проявляют определенное разнообразие. Среди памятников эпохи мустье встречаются стоянки, мастерские, охотничьи лагеря.

В эпоху мустье человек стал устраивать первые захоронения. Об этом свидетельствуют находки погребений неандертальского человека на территории Европы и Азии, совершенные около 100 тыс. лет назад. Это захоронения в грунтовых ямах, расположенных, преимущественно, на территории поселений. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине или в скорченном положении. Захоронения связаны с появлением религиозных

верований, связанных с тотемизмом и фетишизмом. В захоронении Тешик-Таш возле человеческих костей найдено несколько пар рогов козла, выложенных в круг, а в мустьерской пещере Драхенлох обнаружены черепа медведей, обложенные каменными плитами. Имеются также неандертальские захоронения, в которых содержится пыльца растений (цветов), принесенных издалека и специально положенных в могилу.

С началом позднего (верхнего) палеолита происходит дальнейшее развитие материальной и духовной культуры человека. Это время расселения неантропов, представителем которых был человек современного типа – *Homo sapiens*. По современным данным истоки его происхождения следует искать в Восточной Африке. Здесь обнаружены самые ранние костные останки *Homo sapiens*, возраст которых оценивается около 200 тыс. лет. Ранняя форма человека современного типа получила название кроманьонец.

Кроманьонец. Сравнение черепов кроманьонца и неандертальца.

Появление человека современного типа стало решающим моментом в развитии материальной культуры. Основу техники обработки камня теперь составляло скалывание заготовок с призматического нуклеуса. С такого ядрища стало возможным получать ножевидные пластины с ровными параллельными краями. Усилился интерес к поиску подходящей формы исходного сырья для получения заготовок правильной формы. В некоторых позднепалеолитических культурах кроме обивки (ударных способов), начинает использоваться техника отжима заготовок с помощью давления.

Заметен прогресс и в технике изготовления орудий труда, что позволило расширить их ассортимент и повысить производительность труда. В позднем палеолите известно 100 типов орудий против 60 мустьерских. Распространяется так называемая «отжимная ретушь». Регулярно надавливая отжимником на края заготовки, позднепалеолитический человек научился не только заострять или притуплять рабочий край орудия, но и придавать ему нужную форму.

Нуклеус и отщепы

Среди орудий на стоянках позднего палеолита встречаются многочисленные скребки, острия, проколки, рубящие орудия, гарпуны, наконечники для копий, особое распространение получает такое орудие как резец.

Игла

Нож, проколка, резец, скребок.

Палеолит. Первоначальное заселение территории Беларуси

На каждом источниковедческом этапе трансформация представлений о каменном веке Бела-руси обеспечивалась качественно новым методологическим подходом. Поэтому в истории изучения этого древнейшего периода можно выделить несколько этапов.

Первый этап (до начала XX в.) связан с периодом собирания и коллекционирования находок, первых попыток поиска памятников и обоснования каменного века на территории Беларуси. В этот период была высказана мысль о заселении Беларуси в палеолитическую эпоху (Е.Р. Романов, А.А. Спицын).

Второй этап (1920-1930-е гг.) по времени совпал со становлением научных учреждений в БССР и организацией археологических работ в западных районах Беларуси, территориально от-носившихся тогда к Польше. Этот период связан с началом систематического изучения памятников каменного века. Были обнаружены местонахождения орудий мустьерского облика, позднепалеолитические стоянки Бердыж и Юровичи, утверждено понятие о мезолите, поставлен вопрос о культурном своеобразии неолитической эпохи. Открытие польскими исследователями шахт у пос. Красное Село стало отправной точкой в изучении горнодобывающего дела в каменном веке, специализации производственной деятельности первобытного человека.

Третий этап приходится на 1950-1980-е гг. Основу работ составляли раскопки памятников на широких площадях, использование комплексного подхода в изучении источников. Все это позволило утвердить идею о культурном своеобразии каменного века отдельных регионов Беларуси, что было обосновано материалами свидерско-гренской культуры позднего палеолита (В.Д. Будько), неманской неолитической культуры (М.М. Чернявский), восточнополесского варианта днепро-донецкой культуры эпохи неолита (В.Ф. Исаенко), культуры гребенчато-ямочной керамики (И.М. Тихоненков), сожской позднемезолитической

культуры (В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц), днепро-деснинской культуры эпохи мезолита (В.П. Ксензов), памятников нарочанского типа, мезолит (В.П. Ксензов, М.М. Чернявский), памятников типа Бабиновичи, неолит (Э.М. Зайковский), верхнеднепровской неолитической культуры (И.М. Тюрина, В.П. Третьяков, Е.Г. Калечиц), нарвской и усвятской культур эпохи неолита (М.М. Чернявский) и др.

С начала 1990-х гг. и до настоящего времени отмечается переход на новый уровень интерпретации источников, использования новейших методов исследования памятников и вещевого материала. Разрабатываются проблемы генезиса и хронологии отдельных культурных явлений, вопросы взаимодействия человека и окружающей среды, методологии и источниковедения археологической науки.

В первую очередь нас будут интересовать находки орудий, характеризующих эпоху ашель. Мы знаем, что эта эпоха стала временем появления устойчивых и целенаправленно созданных рукой человека форм орудий труда. Примером тому может являться ручное рубило или бифас. Для ашельских стоянок Восточной Европы, в том числе и тех местонахождений, которые расположены недалеко от Беларуси, эти орудия имеют небольшие размеры, миндалевидную или треугольную форму с острым концом и «пяткой» для удобного захвата рукой.

Большинство орудий делали из грубых и массивных сколов, которые получали с каменного ядрища - нуклеуса.

Этот способ, появившейся в конце ашельской эпохи, получил название «техники леваллуа». В его основе лежал принцип радиального скалывания заготовок с кремневого желвака. В итоге остаточное ядрище, получавшееся с желвака (т.е. нуклеус), приобретало характерную для леваллуазской техники дисковидную форму. На поверхности нуклеусов сохраняются негативы от многократно нанесенных сколов, которые сходятся в центре ядрища. Сами же сколы - отщепы и пластины - имели неправильную треугольную форму и использовались в качестве заготовок для орудий труда. В ашельских комплексах, кроме рубил, также встречаются скребущие и скобящие орудия с прямыми, вогнутыми, выпуклыми и зубчатыми лезвиями, остроконечники, проколки. Известны находки деревянных копий с заостренным концом и рогатин.

Поиск стоянок эпохи палеолита на территории Беларуси ведется со второй половины XIX в. Отправной точкой для него всегда являлись сведения о костных останках животных ледникового периода прежде всего представителей мамонтовой фауны и самого мамонта - как одного из основных объектов добычи человека того времени. (Вспомним, что по месту находок костей этого животного были обнаружены позднепалеолитические стоянки Бердыж и Юровичи).

На территории Беларуси известно более двухсот местонахождений костных останков мамонта. Большая часть находок концентрируется на востоке республики и обнаружена случайно во время земляных или строительных работ. Кости животных ледниковой эпохи представляют собой «местную» гордость и открывают экспозицию по первобытной истории практически любого районного краеведческого музея. Но могут ли находки мамонтовой фауны быть неоспоримым свидетельством появления человека на территории нашей страны? А если это так, то насколько успешным был процесс ойкуменизации северных широт Европы в «век мамонта» и какое влияние на эти события оказывала окружающая среда?

Начало заселения территории Беларуси приходится на четвертичный период или антропоген последней в геологической истории нашей планеты кайнозойской эры. Этот период по времени совпал с появлением представителей рода Homo, развитием их физического облика, поэтому второе название «антропоген» (от греч. «антропос» - человек; «генос» - появление, рождение) ему дано не случайно.

Все события антропогена проходили на фоне глобальных изменений окружающей среды, связанных с общепланетарным похолоданием климата, периодическим и обширным распространением покровных ледников, особенно в северном полушарии.

Ледники, приходившие на территорию Беларуси, формировались на севере Европы, в горах Скандинавии. В начале оледенения, на фоне увеличения влажности за счет испарения вод в мировом океане, в горах накапливался снег. За короткое лето он не успевал таять и превращался в лед, а тот в свою очередь, по мере увеличения массы, начинал движение вниз по склонам гор и выходил за пределы предгорий. Сформировавшийся на большом пространстве ледниковый покров на долгое время становился катализатором холодного климата.

Климат каждой из последующих ледниковых эпох становился все более прохладным и суровым. Возле ледника формировалась перигляциальная (приледниковая) область шириной от 100 до 300 км с однообразными ландшафтами, покрытыми травянистой

растительностью, редкими кустарниками и колками деревьев - елей и берез. Тон погодным условиям здесь задавали холодные и сухие ветра, шедшие со стороны ледника.

Процесс наступления льдов сопровождался грандиозными изменениями ландшафтов, на которых еще недавно произрастали многочисленные леса, представленные теплолюбивой фауной. С движением ледниковых масс перемещалось огромное количество грубого обломочного материала в виде каменных глыб, валунов, сорванных со скал древней Фенноскандии. Под тяжестью много-тонного ледника они, словно плуг, выпаживали поверхность земли, скапливались во время таяния у границ ледникового щита, образуя бесчисленное число холмов и гряд, сложенных из грубого обломочного материала - морены.

С потеплением климата площадь ледников заметно сокращалась. Талая вода с бесчисленным количеством песка и обломков камней устремлялась в устье древних рек. Возле края ледников формировались многочисленные пресноводные озера, заполнявшие понижения рельефа. Поэтому не случайно последнее оледенение на территории Беларуси получило название «поозерского». Его «озерное наследие» сохранилось до сих пор на севере Беларуси. Здесь даже выделена особая гео-графическая провинция - Белорусское Поозерье.

Климат межледниковий на время становился теплым, способствовал распространению лесов и теплолюбивой фауны - например, лесного и южного слона, первобытного быка, гигантского биворого оленя, носорога Мерка, гигантского широколобого лося, лошади, медведя, волка, бобра и др. С наступлением холодов многие виды этих животных были обречены на вымирание, другие мигрировали на юг, третьи адаптировались к новым условиям.

Примерно 150-130 тыс. лет назад на территории Беларуси распространяется своеобразная фауна, приспособленная к холодному климату - мамонт, шерстистый носорог, овцебык, северный олень и др. Их тело покрывала густая шерсть с мягким подшерстком. Некоторые животные имели крупные размеры и толстый слой подкожного жира, что способствовало сохранению тепла внутри организма в условиях сурового климата. Высота мамонта, например, доходила до 3 м, а взрослое животное весило до 6-7 тонн. Современник мамонта - шерстистый носорог - тоже был не малых размеров: длина его тела достигала до 3,5 м, при высоте до 2 м.

Резкие колебания климата, начавшиеся 14-10 тыс. лет назад во время отступления последнего поозерского ледника, не спасли этих животных от вымирания. Окончательное таяние льдов, произошедшее около 10 тыс. лет назад, привело к исчезновению более 30 видов животных, приспособленных к холодному климату. Среди них, в том числе были мамонт и шерстистый носорог.

Таким образом, смена оледенений и более теплых межледниковых периодов существенно влияла на животный и растительный мир. Происходило постоянное смещение природных зон: то на юг (во время оледенений), то обратно на север (во время межледниковий). Естественно, обитание человека во время ледниковых периодов, когда территория Беларуси была покрыта льдами, вряд ли представляется возможным. Вместе с тем природные условия теплых межледниковий создавали благоприятную почву для заселения территории нашей страны в разные периоды раннего палеолита. Учитывая тот факт, что первые люди на территории Европы появляются около 1 млн лет назад, исключать появление представителей рода *Homo* на землях Беларуси в столь раннее время, нельзя. Однако если гипотетически представить, что древний человек уже тогда мог достичь территории нашей страны, то следы его проживания уничтожены мощными отложениями древних ледников, что осложняет поиск памятников, соответствующих раннему палеолиту. Тогда возникает один единственный вопрос: какие данные позволяют говорить о первоначальном заселении территории Беларуси?

Вопрос о первоначальном заселении Беларуси был поставлен еще в конце XIX - начале XX вв., а после открытия первых палеолитических местонахождений в конце 1920-х гг. он был решен в пользу мустьерской эпохи. С тех пор мало что изменилось и начальная история белорусских земель связывается с появлением здесь человека неандертальского типа - *Homo neanderthalensis* (Гомо неандерталенсис).

В качестве доказательства приводятся сведения о единичных находках мустьерского облика, найденных на территории Юго-Восточной Беларуси. Это:

1) скребло-нож или «небольшое мустьерское рубильце, или остроконечник» (по определению К.М. Поликарповича). Орудие обнаружено в 1928 г. К.М. Поликарповичем на правом берегу р. Сож, во время раскопок Бердыжской стоянки у д. Подлужье Чечерского района Гомельской области. К сожалению, находка утрачена в годы войны, сохранилось только ее описание, фото и иллюстрация.

2) остроконечник или скребло («заостренное скребло», как считал К.М. Поликарпович). Орудие найдено в 1929 г. местным краеведом П.Н. Чайковским на правом берегу р. Беседь

около д. Светиловичи (Чемерня) Ветковского района Гомельской области, в урочище Каменная Горка. Место находки представляет собой овраг, глубоко прорезающий высокую (до 20 м) террасу. Судя по опи-санию, остроконечник был изготовлен из массивной кремневой пластины размером 9,6×4,6×1,2 см. Орудие, очевидно, долго находилось в воде: его поверхность приобрела окраску буроватого цвета и была сильно окатана. Однако, несмотря на это, на изделии «читались» все признаки артефакта: на-личие выраженного ударного бугорка, на котором сохранился «изъянец», участки крупной ретуши, нанесенной по всему правому краю и частично по левому с обратной стороны орудия;

3) скребло мустьерского типа. Случайно обнаружено в 1960 г. Л.Д. Поболем и С.Н. Бибиковым на левом берегу р. Днепр, недалеко от д. Обидовичи Быховского района Могилевской области. Орудие имеет архаичный облик и обработано по периметру крупной ретушью. Его размеры таковы: длина - 12 см, ширина - 8 см, толщина - 3,5 см.

Следующий этап заселения территории Беларуси приходится на поздний (верхний) палеолит (40 (35) - 14 (12) тыс. лет назад).

Около 40 (35) тыс. лет назад на территории Ев-ропы начинается расселение неолантропов, или людей современного физического типа - *Homo sapiens* (Гомо сапиенс), или «Человека разумного». Их культура, образ жизни, уровень хозяйства и общественных отношений резко отличались от проживавших здесь неандертальцев.

Новейшие исследования показывают, что корни человека современного типа следует искать в Восточной и Южной Африке. Именно здесь обнаружены самые ранние костные останки *Homo sapiens*, возраст которых насчитывает около 200 тыс. лет назад. Следовательно, на территорию Европы группы людей современного физического типа пришли с юга. Вначале они появились на Ближнем Востоке, а затем оттуда около 40-35 тыс. лет назад через сухопутные мосты, временно образовавшиеся в последнюю ледниковую эпоху на месте проливов Босфор и Дарданеллы, про-никли на территорию Европы.

Ранняя форма человека современного типа получила название «кроманьонца». Это были люди высокого роста с хорошо сложенными пропорциями тела, так называемого «грацильного типа». Заметны были изменения и в строении черепа. По сравнению с неандертальцем, череп *Homo sapiens* характеризовался более высоким лбом с едва заметными надбровными дугами, вы-раженным подбородком, развитыми теменными долями мозга. Южное (африканское) происхожде-ние пришельцев выдавали длинные ноги, плоское лицо и смуглый цвет кожи.

Появление неолантропов в Европе стало ключевым моментом в судьбах неандертальцев, которые, очевидно, не выдержали конку-ренции с *Homo sapiens* и исчезли около 28-24 тыс. лет назад. При-способленный к условиям жизни на открытых пространствах, *Homo sapiens* сумел за короткое время освоить новые территории и даже приспособиться к крайне суровому климату начавшейся ледниковой эпохи. Исследования последних лет свидетельствуют о проживании человека 40-35 тыс. лет назад на севере Восточной Европы в пре-делах 58-68° северной широты.

С появлением *Homo sapiens* происходят изменения в орудийной деятельности, организации поселений, домостроительстве, погре-бальном обряде; широко распространяется искусство, неразрывно связанное с первобытной религией и магией. В качестве примера можно привести результаты изучения памятников позднего палео-лита в Восточной Европе, особенно тех, которые находятся в цен-тре Восточно-Европейской (Русской) равнины, где собственно рас-положена и территория Беларуси. Среди них это представительная и эталонная для европейского палеолита группа стоянок у с. Костенки и Боршево недалеко от Воронежа на Среднем Дону, а выше - Гагарино и Липецкая стоянка. Концентрация памятников отмечается в Среднем Поднепровье и на Десне. Это известные нам стоянки Мезин, Межиричи, Пушкари, Супонево, Юдиново, Елисеевичи, Хотылево, Авдеево, а севернее - Зарайская стоянка в Подмоскowie, Сунгирь и Русаниха под Владимиром, Мамонтова Курья, Бызовая и Медвежья пе-щеры на Печоре и др.

В начале позднего палеолита происходят изменения в технике обработки камня. Усилился ин-терес к поиску подходящей формы исходного сырья для получения заготовок правильных форм и размеров. В основе техники расщепления лежал принцип скалывания ножевидных пластин с приз-матического нуклеуса. При этом в качестве нуклеуса использовали не только камень (кремь), но и кость, рог, бивень. В некоторых культурах, кроме ударных способов (например, оббивки) начинает использоваться отжимная техника, позволявшая с помощью давления контролировать процесс по-лучения заготовок и их обработки.

Заметен прогресс и в технике изготовления орудий, что позволило расширить их ассортимент и повысить производительность труда. В позднем палеолите известно более 100 типов орудий. На сто-янках позднего палеолита Восточной Европы встречаются многочисленные

скребки, острия, прокол-ки, рубящие орудия, гарпуны, наконечники копий и дротиков копье-металок. Особое распространение получает такое орудие как резец, появление которого свидетельствует о фундаментальных сдвигах в познавательных способностях человека, развитии его мышления и сознания. Обладая универсальными качествами режущего орудия, резец использовался как инструмент для гравировки поверхности костяных, роговых и деревянных изделий, создания скульптурных изображений.

Нож

Проколка

Охота на стадных животных стимулировала распространение загонных методов. Но теперь процесс охотничьей добычи становится более эффективным. В позднем палеолите кроме копья стали использовать копье-металку - короткое копье (дротик), которое приводилось в движение быстрым рывком руки с помощью державшей его снизу дощечки с крючком на конце.

Копье-металка

А около 30-15 тыс. лет назад дистанционные виды оружия дополнились появлением лука и стрел, сведения о которых известны по находкам наконечников стрел. Очевидно, в конце позднего палеолита была приручена собака. Ближайшие к территории Беларуси костные останки этого животного обнаружены на стоянке Елисеевичи под Брянском и датируются примерно 15 тыс. лет назад.

С началом позднего палеолита изменения коснулись и домостроительства. В приледниковой полосе в условиях холодного климата люди вынуждены были строить утепленные жилища. Остатки таких жилищ обнаружены на стоянках Мезин, Межиричи, Костенки, Гагарино, Юдиново и т.д. Это были округлые или овальные постройки, основу которых составляли черепа и челюсти мамонтов, поддерживающие каркас из бивней. Жилища плотно покрывались шкурами. По материалам Восточной Европы выделено два основных типа жилищ. Первый из них представлен землянками и наземными строениями округлого или овального типа, диаметром до 6-8 м, с очагом в центре. Второй тип жилищ характеризуют постройки, вытянутые до 36 м в длину при ширине 15 м, с несколькими очагами внутри, рассчитанные на несколько семей родовой общины.

Поздний палеолит связан с развитием духовной культуры, которая отражена в произведениях искусства, погребальных памятниках, свидетельствах первобытной религии и мифологии. Палеолитическое искусство представлено находками скульптурных и гравированных изображений человека и диких животных, пещерной живописью.

Наибольшую известность получили скульптурные изображения женщин. В литературе они известны как «палеолитические Венеры». В них запечатлен образ обнаженных женщин с преувеличенными формами отдельных частей тела - груди, живота, бедер и ягодиц. Находки таких «Венер» обнаружены на стоянках Авдеево, Гагарино, Елисеевичи, Костенки.

Большую известность в позднем палеолите получила пещерная живопись. Она хорошо представлена среди памятников Франко-Кантабрии в Западной Европе - пещеры Альтамира, Фон де Гом, Ляско, Нио, Труа Фрер и др. С помощью минеральных красок (охра, мел) и угля создавались вполне реалистичные изображения животных ледниковой эпохи: бегущие быки, лошади, мамонты, олени. Имеются изображения и самого человека. Примеры монументального искусства обнаружены и на территории Восточной Европы - Каповая пещера в Башкортостане и Игнатьевская пещера в Челябинской области. «Галереи» рисунков обеих пещер относятся к заключительной поре позднего палеолита - 14-10 тыс. лет назад. Особый интерес вызывают изображения в Каповой пещере (14-13 тыс. лет назад). Пожалуй, это единственная пещера в Европе, где сохранились многочисленные изображения мамонта, шерстистого носорога и лошади, выполненные охрой.

В позднем палеолите дальнейшее развитие получает погребальный обряд, о чем свидетельствуют захоронения неолитов. В Восточной Европе наибольшую известность получили погребения в Костёнках-14 (Маркина гора), где обнаружены останки людей двух расовых типов - европеоидного и негроидно-гримальдийского. Список погребальных памятников дополняется находками захоронений подростка в Костёнках-15, пожилого кроманьонца и двух подростков - мальчика и девочки, положенных головами друг к другу в Сунгире; ребенка в сидячем положении на Городцовской стоянке и т.д. Но важен не только сам факт захоронения человека, который бесспорно обогащает нас знаниями по палеоантропологии позднего палеолита, а находки, обнаруженные в могилах. И если обряд захоронения в сравнении с мустьерской эпохой существенных изменений не претерпел (это все те же грунтовые могилы со скорченными и вытянутыми костями), то изменилось само содержание погребений за счет присутствия в них вещей - орудий труда, оружия и украшений. Могилы умерших посыпали охрой.

Так, своим богатством поражает погребальный инвентарь в захоронениях Сунгиря. В могиле «старика-кроманьонца» были обнаружены костяная подвеска на груди, браслеты из бивня мамонта запястьях рук и более 3,5 тыс. бус из костей и зубов диких животных, нашитых на головной убор и обувь умершего. В детских захоронениях, расположенных рядом, лежало два копыта из бивня мамонта, кремневый нож, костяной кинжал, дротик и шило. Одежда детей также была украшена тысячами нашитых на нее костяных бус. Такой погребальный инвентарь позволяет заключить о существовании сложной системы религиозных представлений, связанных с верой в загробный мир.

На территории Беларуси поздний палеолит представлен материалами отдельных памятников, среди которых наибольший интерес вызывают находки Юровичского местонахождения и стоянки Бердыж (Подлужье). Местонахождение Юровичи расположено на высоком мысу правого берега р. Припять в центре одноименной деревни Калинковичского района Гомельской области. Напомним, что начало истории изучения этого памятника связано с находкой кости мамонта в 1928 г. местным учителем Ю.Ю. Попелем. В 1929 и 1931 гг. К.М. Поликарповичем здесь были проведены первые раскопки. В последующие годы стоянка изучалась под руководством В.Д. Будько (1959, 1960), В.П. Ксензова (1976) и Е.Г. Калечиц (2006).

Материалы раскопок позволяют утверждать о наличии одного культурного слоя на памятнике, перекрытого мощной (до 5-6,5 м) толщей отложений из песка и глины. За годы раскопок в Юровичах было обнаружено 53 артефакта, изготовленных из мелового кремня темно-серого цвета. Большая часть находок относится к продуктам расщепления - отщепам и пластинам, снятым с одно- и двух-площадочных нуклеусов. Отдельные сколы были использованы для производства орудий труда. Среди них выделяются двойной скребок, проколка, массивная пластина с ретушью, пластина со скошенным ретушью концом, микропластина с ретушированным краем.

Юровичи

Примером охотничьей деятельности могут служить находки костей мамонта, лошади, быка, шерстистого носорога, северного оленя и песка. Значительная часть костных останков концентрируется в пределах скопления камней, принятых в свое время В.Д. Будько за остатки выкладки основания жилища, что не подтвердилось на современном этапе исследований памятника. Оказалось, что скопление валунов имеет естественное происхождение и никак не связано с остатками жилых конструкций на стоянке. Отдельные из них имеют очень крупные размеры (диаметром более 1 м и высотой до 1,5 м).

Новейшие исследования памятника позволяют рассматривать его не как стоянку, связанную с проживанием человека, а как место забоя и разделки диких животных. Вот почему на памятнике обнаружено мало находок, имеющих явно не поселенческий облик.

Следовательно, перед будущим поколением исследователей открывается перспектива поиска поселения тех, кто оставил нам следы охотничьей деятельности на Юровичском местонахождении.

Геологический возраст Юровичей соответствует времени до начала последней (двинской) фазы максимального похолодания в период поозерского оледенения. Для памятника по костям мамонта получены две радиоуглеродные даты. Одна из них соответствует 26470 ± 420 лет назад. Вторая дата, уточненная в 2009 г. в Гронингеме (Нидерланды), на несколько сот лет омолодила возраст памятника - 25660 ± 160 , -150 лет назад.

Более конкретно о культурной принадлежности памятников позднего палеолита на территории Беларуси позволяют судить материалы стоянки Бердыж (Подлужье). Это древнее поселение расположено на правобережье р. Сож, южнее д. Подлужье Чечерского района Гомельской области. Стоянку обнаружил К.М. Поликарпович в 1926 г. и им же вплоть до 1954 г. на памятнике велись раскопки. В последующие годы исследования в Бердыже проводили В.Д. Будько (1959, 1968-1970) и Е.Г. Калечиц (1970-1972) в тесном сотрудничестве с геологами и палеонтологами.

Стоянка Бердыж расположена на высоком участке береговой террасы между Северным и Южным оврагами урочища Колодежки. Культурный слой стоянки изучен в отложениях Южного оврага и залегает в хорошо заметной супеси серо-зеленого цвета, которая выделяется наличием костей животных ледниковой эпохи.

В результате раскопок собрано около 2 тыс. костей животных. Большая их часть принадлежит 50 особям мамонта (черепа, челюсти, ребра и их фрагменты, зубы, кости с пробитыми отверстиями). Остальные костные останки относятся к северному и благородному оленям, песцу, первобытному зубру, шерстистому носорогу, бобру, косуле, лошади, медведю, волку, лисице, зайцу-беляку, филину, мелким грызунам. Как видим, животный мир в окрестностях Бердыжа в последнюю ледниковую эпоху был пестрым и разнообразным. Он характеризуется

сочетанием тундровой, таежной и степной фауны.

Скопления костей на отдельных участках стоянки В.Д. Будько связывались с остатками четырёх жилищ и пяти хозяйственных ям. По мнению ученого, жилища имели овальную форму и были слегка углублены в материк. Их основу составляли черепа, плоские и трубчатые кости мамонта. В центре одного из жилищ мог находиться очаг.

Однако вопрос о наличии жилых конструкций и вообще каких-либо объектов хозяйственно-бытового назначения в Бердыже находится в области дискуссий. Культурные остатки памятника переотложены, поэтому если на стоянке и были жилища, что отрицать нельзя, то они в результате действия водно-ледниковых потоков были просто смещены со своего перво-начального места. Есть мнение (В.И. Громов), что концентрация костей мамонта - не что иное, как свидетельство многолетнего намыва туш погибших животных, снесенных рекой к месту расположения стоянки.

Коллекция стоянки Бердыж дополняется находками из кремня. На этом памятнике собран представительный комплекс артефактов - почти 2 тыс. ед. Для производства орудий население Бердыжской стоянки эксплуатировало меловой кремень темно-серого цвета, встречающийся в окрестностях стоянки. Первичная обработка кремневого сырья была направлена на получение пластин и отщепов. Их скалывали с одно- и двухплощадочных нуклеусов, отдельные из которых имеют призматическую форму.

Около 14 тыс. лет назад началось отступление последнего ледника. На фоне начавшихся глобальных изменений климата происходит трансформация культуры позднеледниковых охотников, образа их жизни. Эти изменения закономерно были связаны с исчезновением мамонтового фаунистического комплекса и распространением популяции северного оленя, что стало причиной сезонных миграций древнего населения, стимулировало появление новых способов добычи, основанных на использовании лука и стрел.

В конце последнего оледенения исчезло более 30 видов млекопитающих, приспособленных к сухому холодному климату и малоснежью - мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь и др. Некоторые животные (например, северный олень и овцебык) адаптировались к кардинальной перестройке природы и климата и продолжают обитать сегодня в прохладных северных широтах или предгорьях.

Изучение фаунистических остатков на территории Беларуси позволяет предполагать, что в позднеледниковое время и в начале голоцена здесь обитала популяция тундровых северных оленей. Эти животные обладают большой подвижностью и живут по так называемой «пространственно-временной системе», осуществляя постоянные сезонные миграции. Они и теперь осенью откочевывают в лесотундру, где можно добыть корм, а весной и летом, спасаясь от гнуса - в тундру. Протяженность кочевков северных оленей составляет от 200 до 700 км.

Исчезновение крупных стадных животных (мамонт, шерстистый носорог), распространение фауны северного оленя, наложили свой отпечаток на образ жизни человека, его материальную культуру, восприятие окружающего мира в целом. Охота на северного оленя определила высокую мобильность первобытных коллективов, способствовала освоению новых пространств, наложила свой отпечаток на характер расселения человека. Насколько далеко человек в финальном палеолите уходил вслед за своим объектом добычи, об этом можно судить по названию некоторых культур, материалы которых известны на территории Беларуси, но эталонные и эпонимные памятники удалены от ее территории на значительное расстояние, о чем будет сказано далее.

Охота на северного оленя стимулировала широкое распространение соответствующих форм и способов его добычи. Использование копья и загонных способов охоты против животных, которые хорошо ориентировались на открытой местности и перемещались быстрее, чем человек, оказались неэффективными. С этого времени актуальное значение приобретают дистанционные виды оружия - лук и стрелы, позволявшие увеличить дистанцию между охотником и его добычей на несколько десятков метров. Продолжали использовать метательное оружие, особенно при совершении массового покола животных на переправах рек, когда скорость движения добычи в воде была ограничена.

Миграции северного оленя наложили свой отпечаток на характер и условия проживания человека. Это были кратковременные места обитания, располагавшиеся у воды на возвышенных участках рельефа местности (береговых террасах и их останцах, высоких дюнах, холмах и т.д.). Такая стратегия расселения была не случайной. Выбирались сухие, не подтапливаемые во время весеннего половодья участки, дававшие хороший обзор местности. Часто стоянки устраивались недалеко от мест переправы диких животных, где совершался массовый покол животных. Наблюдается приуроченность поселений к местам

выхода кремневого сырья, использовавшегося для производства орудий.

Таким образом, изменение образа жизни палеолитического человека в момент отступления ледника, распространение фауны северного оленя, ставшего объектом добычи и определившие высокую подвижность первобытных коллективов, появление и использование лука и стрел являются важными критериями в выделении финального палеолита как отдельной исторической эпохи. Ее еще иначе называют «веком северного оленя». Формирование культуры охотников на северного оленя археологически фиксируется 14000 (12000) лет назад и подтверждается находками орудий, в первую очередь - наконечников стрел. В литературе даже закрепилось общее название для культур финального палеолита Европы - «культуры черешковых наконечников стрел».

Исследователи отмечают возможность появления первых охотников на северного оленя в начале позднеледниковья. В частности, в Западной Беларуси в последнее время обнаружены единичные находки одной из ранних культур финального палеолита - гамбургской. Свое название эта древняя культура получила по находкам стоянки Мейендорф близ Гамбурга (Германия), изученной в 1930-е гг. немецкими археологами Г. Швантесом и А. Рустом.

О мобильном характере быта охотников гамбургской культуры свидетельствуют остатки кратковременных стоянок, которые фиксируются по слабо насыщенным локализациям находок. На отдельных поселениях сохранились остатки жилищ - небольшие по размеру и легкие наземные конструкции округлой или овальной формы. Кровля отдельных жилищ поддерживалась камнями, обложенными по периметру постройки.

Инвентарь гамбургской культуры крайне беден и определяется находками нескольких типов орудий труда, сделанных из камня (кремня), кости и рога. В качестве заготовки для орудий использовали крупные пластины и отщепы, снятые в технике «твердого» (каменного) и «мягкого» (рогового) отбойников с нуклеусов одно- и двухплощадочной формы.

Специфику культуры определяют находки наконечников стрел и дротиков, которые представлены двумя основными типами. Один из них характеризуется ассиметричными наконечниками с выделенным «плечом», второй - черешковыми наконечниками из узких длинных пластин.

На территории Беларуси свидетельством присутствия охотников гамбургской культуры являются находки наконечников из кремня. Они обнаружены в материалах разновременных коллекций, собранных в Западном Полесье: Бокиничи-1, Ботово, Величковичи-2, Вяз-1 (Дубы), Одрижин-2, Погост-Загородский-5, Скорбичи (Дружба)141. Изделия имеют массивный вид, изготовлены из широких и толстых пластинчатых заготовок длиной до 5-7 см. Наконечники характеризует ассиметричная форма за счет скошенного ретушью пера и выделенной в черешковой части выемкой.

Кроме гамбургской культуры на территории Беларуси известны материалы еще трех культур: бромме-лингби, памятники которой концентрируются преимущественно в бассейнах Немана и верхней Припяти, свидерской (от Понеманья на западе до Верхнего Поднепровья на востоке) и гренской (верховья Днепра и его притоков). Дадим краткую характеристику каждому культурному явлению.

Культура бромме-лингби. Эта культура была выделена в 1936 г. английским археологом Г. Кларком на основе материалов стоянки Нёрре-Лингби, расположенной на севере Ютландии в Дании. Первоначально культура получила название «лингби», однако после открытия на острове Зеландия в Дании еще одной стоянки - Бромме, давшей наиболее ранние находки, культуру стали именовать «бромме-лингби», или просто «бромме».

Памятники культуры бромме-лингби распространены на достаточно обширной территории: от Великобритании на западе до верховьев Волги на востоке. Основной ареал культуры охватывает территорию Дании, Северную Германию и Южную Швецию. Именно там обнаружены наиболее выразительные находки по культуре бромме-лингби, и именно оттуда шли миграции этого древнего населения.

Охотники обитали в условиях тундро-степных и лесных ландшафтов, совершая постоянные сезонные миграции вслед за северным оленем. Известны примеры добычи и некоторых видов лесных животных - лося, гигантского оленя, косули, бобра и россомахи.

Памятники культуры бромме-лингби представлены поселениями, расположенными на высоких берегах рядом с источниками воды и запасами кремневого сырья. В зависимости от условий и характера обитания охотников, в культуре бромме-лингби выделяют несколько групп стоянок: крупные базовые поселения, кратковременные охотничьи стоянки, стоянки-мастерские и места забоя диких животных. Каждая из этих групп памятников определяется особенностями топографического положения и характеризуется своим набором орудий труда. Например, стоянки-мастерские культуры бромме-лингби приурочены к

местам выхода кремневого сырья. Здесь присутствует большой процент продуктов расщепления кремня при мизерном количестве орудий. А вот места забоя и разделки охотничьей добычи располагались на высоких холмах и выделяются преимущественно по находкам наконечников стрел. На отдельных поселениях найдены остатки наземных жилищ округлой формы с очагом внутри.

Кремневый инвентарь культуры бромме-лингби проявляет типологическое однообразие. Он представлен всего тремя основными группами орудий: наконечники стрел, скребки и резцы. Для кремневой индустрии культуры характерны массивные одно- и двухплощадочные нуклеусы, с которых каменным (кремневым) отбойником скалывали широкие и толстые пластины и пластинчатые отщепы.

Облик культуры бромме-лингби определяют наконечники стрел с четко выделенным черешком. Перо наконечников сохраняет естественные очертания пластинчатой заготовки, в отдельных случаях оно подправлено (скошено) ретушью. В черешковой части наконечника, с обратной стороны изделия, сохраняется выступающий над поверхностью ударный бугорок.

На территории Беларуси первые стоянки культуры бромме-лингби были открыты еще в 1920-е гг. В послевоенный период и на современном этапе сбор материалов по культуре осуществлялся В.Ф. Исаенко, М.М. Чернявским, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытиным, В.П. Ксензовым, В.Е. Кудряшовым, О.Л. Липницкой, В.С. Обуховским и др. В настоящее время обнаружено более 20 местонахождений культуры. Значительная их часть локализуется на западе Беларуси в верховьях Припяти (стоянки Ботово-1, Глинна-1 и 2, Одрижин-1 и 2, Ополь-2, Мотоль-1 и 5), бассейнах Немана (Баля Сольная-2, Жиличи-1в, Жукевичи-2, Ковальцы-1, 2и4 (верхний слой), Красносельский-5 и 6) и Западного Буга (Каменюки-2 и 9). Есть стоянки и на востоке Беларуси - Берестеново, Коромка (на Днепре), Клёнки-3 и 5, Первокривичский-3 (Посожье). Отдельные памятники относятся к числу стоянок-ма-стерских - Ковальцы-1, 2 и 4 (верхний слой), Красносельский-5 и 6 и др.

Свидерская культура. Культура получила название по находкам стоянки Свидры Вельке-1, расположенной в бассейне р. Висла недалеко от г. Варшава (Польша). Термин «свидерская культу-ра» был употреблен Г. Кларком в 1936 г. На территории Беларуси первые сведения о памятниках свидерской культуры относятся к концу XIX - началу XX вв. (работы З. Глогера и Ю. Ядковского в Понеманье, Е.Р. Романова в Полесье). В межвоенное и послевоенное время описание памятников свидерской культуры встречается в работах К.М. Поликарповича, В. Антоневица, Л. Савицкого, Н.Н. Гуриной, М.М. Чернявского, В.Ф. Исаенко, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытина, В.П. Ксенова, В.П. Кудряшова, В.С. Обуховского, А.В. Колосова и др.

Свидерская культура оставлена охотниками, существовавшими за счет добычи северного оленя. С учетом радиоуглеродных датировок время обитания свидерского населения укладывается в достаточно узкий хронологический диапазон - от 10800 до 9700 лет назад.

География обитания свидерских охотников, с учетом подвижного образа их жизни, определяется достаточно обширными территориальными рамками. Основная часть памятников культуры сконцентрирована в бассейнах Вислы, Немана, Припяти, верховьях Днепра. За пределом этого ареала свидерские стоянки известны на территории Латвии (стоянка Саласпилс-Лаускола возле Риги), России (Иванцов Бор под Псковом, Лукашенки на Западной Двине, Марьино-4 на р. Шексна), Словакии (Большой Славков в Татрах), Румынии (Скауна в Южных Карпатах) и Украины (Игрень-8 в Надпорожье, Врублевцы и Делятин на Днестре). Крайние южные пункты ареала свидерской культуры находятся на Крымском полуострове (Сюрень-2, Буран Кая, Фатма Коба).

На территории Беларуси известно более 250 стоянок свидерской культуры. Локализация памятников отчетливо наблюдается как на западе страны - в бассейнах Немана, Западной Двины и верховьях Припяти, так и на востоке - в Верхнем Поднепровье. Наиболее выразительные материалы получены на стоянках Гожа-1, Жиличи-1 (пункты а и в), Жиличи-2а и 3а, Озеры-1 и 2, Пески-5, Пышки, Черлётка и др. (Понеманье), Глинна-1 и 2, Бобровицы-1 и 2, Заозерье, Мотоль-1, 2, 4, 5, 7, 11-14, 17-21, Ополь-1-5, 7-9 и др. (верховья Припяти). На территории Восточной Беларуси свидерская культура представлена на стоянках Барколабово, Береговая Слобода, Коромка, Нераж (Рдица), Новый Быхов, Яново (на Днепре), Бартоломеевка 2 и 3, Горки, Клёнки-1, 3, 4, 5, Первокривичский-3, Романовичи, Рудня Споницкая-1 (Латки) в Посожье.

Стоянки свидерской культуры обычно расположены на возвышенных участках рельефа местности: на краю береговых террас, или дюнах, возле воды. Следы поселения свидерских охотников устанавливаются по скоплению находок, группирующихся иногда возле очага. Известны также остатки небольших по площади жилищ. На стоянках они выделяются в виде небольших пятен овальной формы, заполненных темным песком с вкраплениями мелких угольков. Считают, что это следы от наземных жилищ конической формы площадью от 2 до

12 кв. м. Отдельные постройки, вероятно, были углублены в грунт. Вход жилища мог дополнительно оборудоваться коридором (сто-янка Рыдно 4/57).

Специфику свидерской культуры определяют техника расщепления кремня, орудия труда и находки наконечников стрел из пластин. Свидерская индустрия была основана на использовании высококачественного кремня, или, там где его не было, местных пород кремня (пример - Посожье).

Облик свидерской культуры определяют наконечники стрел. Для их производства использовали длинные и узкие пластины. Выделяются два основных типа наконечников. Первый тип образуют наконечники с четко выделенным черешком, второй - наконечники, которые повторяют контуры пластинчатой заготовки, похожей на ивовый лист.

Гренская культура: проблема происхождения и хронологии. В финальном палеолите верхнее течение Днепра, бассейны Сожа и Березины занимала гренская культура. Памятники этой культуры расположены на краях речных террас или их останцах - Боровка, Дальнее Пядо, Коромка, Могилевская стоянка, Лудчицы, Орша-1, Хвойна и Чигиринка (на Днепре), Гута-1 на р. Березина и стоянки Гренск, Журавель, Печенеж, Поклады-2 в Посожье. Отдельные находки наконечников гренского типа обнаружены на стоянках в междуречье Немана (Збляны-2, Ковальцы-4, Морино-2, Красно-сельский-6), Припяти (Борки) и Западного Буга (Галачёво-2). Есть памятники гренской культуры и на севере Беларуси - стоянка Песчаница на озере Лепельском.

Данное культурное явление получило название по стоянке, расположенной на правом берегу р. Сож в урочище Гренск, недалеко от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Культу-ра выделена В.Д. Будько в 1960-е гг.

В основе представлений о гренской культуре лежат данные, полученные в итоге изучения кремневого инвентаря ее памятников. Это пока единственный источник информации, который позволяет говорить о специфике гренских древностей на фоне других культурных явлений финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья.

Кремневая индустрия гренской культуры базировалась на использовании местных месторождений сырья - мелового кремня серого цвета. Россыпи такого кремня встречаются в меловых отложениях, залегают не глубоко и очень часто выходят на поверхность, что особенно наблюдается в Посожье¹⁴⁵. Фактор доступности кремня наложил свой отпечаток на технику первичной и вторичной обработки сырья, которого здесь явно не экономили. Кремневый инвентарь гренских стоянок, особенно расположенных на «сырье», характеризуется большим количеством отходов производства (до 80%), наличием большого числа кремневых конкреций, на поверхности которых сохраняются негативы от двух-трех бессистемно нанесенных сколов. В орудийной деятельности также наблюдается стремление к использованию естественных осколков кремня.

Характерным и отличительным признаком культуры являются наконечники стрел, выделенные в отдельный тип - гренский. Это изделия ассиметричной формы, один край которых полностью притуплен крутой ретушью. С противоположенной стороны он подчеркивается боковой выемкой, нанесенной в черешковой части. Известны также и черешковые наконечники стрел с естественным, или скошенным ретушью пером, иногда подправленным резцовыми сколами.

Отсутствие фауны в материалах гренской культуры оставляет открытым вопрос об основных объектах охотничьей добычи. Кроме северного оленя, вполне возможно, гренским охотникам могли быть доступны и лесные виды животных.

Процесс освоения территории Беларуси зависел от той природно-климатической обстановки, на которую свое влияние оказывали ледники, покрывавшие территорию Беларуси в древности. Они сдерживали, в определенной мере, процесс освоения северных широт Европы. Потепление климата, отмечавшееся в период межледниковий, на время создавала благоприятные условия для расселения первобытных коллективов, но следы их раннего обитания на территории Беларуси могли быть полностью уничтожены покровными ледниками.

Находки отдельных орудий труда свидетельствуют о появлении человека на территории Беларуси в эпоху мустье - 100-35 тыс. лет назад. Вполне возможно, этот эпизод заселения следует связывать с культурой человека неандертальского типа - *Homo neanderthalensis*.

Следующий этап заселения территории Беларуси приходится на поздний палеолит, что подтверждается материалами нескольких местонахождений, оставленных человеком современного физического типа (*Homo sapiens*) - Юровичи на Припяти, Бердыж (Подлужье) на Соже. Находки орудий труда и костных останков животных (мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, лошади и др.), возрастом 26-23 тыс. лет назад, свидетельствуют о сложной и многогранной жизни первобытного человека в конце последней и достаточно

холодной поозерской (вюрмской) ледниковой эпохи.

Отступление ледника и исчезновение крупных животных (мамонта, шерстистого носорога) в корне изменили образ жизни человека, ознаменовав начало финального палеолита (14 (12) - 10 тыс. лет назад). Охота на северного оленя, который стал теперь основным объектом охоты, определила подвижный образ жизни первобытных людей и стимулировала появление новых видов охотничьего вооружения - лука и стрел.

На территории Беларуси доказательством существования охотников на северного оленя являются материалы стоянок отдельных культур финального палеолита - гамбургской, бромме-лингби, свидерской и гренской. Однако, несмотря на все успехи в изучении памятников этих культур, проблема их происхождения, определение времени и условий обитания охотников на северного оленя остается открытой. С одной стороны, мы отмечаем миграции древнего населения на территорию Беларуси с запада, примером чему служат материалы гамбургской культуры, культуры бромме-лингби. С другой - нельзя исключать возможность автохтонного пути развития традиций позднепалеолитических культур, население которых с началом отступления ледника адаптировалось к новым условиям жизни. Примером последнего могут служить материалы гренской культуры Верхнего Поднепровья.

Мезолит на территории Беларуси

Термин «мезолит» (средний каменный век) был предложен шведским геологом М. Тореллем в 1874 г. после открытия и описания целого ряда местонахождений с геометрическими микролитами на территории Европы. Открытие во Франции культурных горизонтов с микролитами на стоянках Ле-Фер-ан-Тарденуаз (1885) и Мас-д'Азиль (1887) позволило выделить культурное своеобразие эпохи и предложить периодизацию мезолитических памятников. Понятие о мезолите окончательно утвердилось после выхода в свет работы английского ученого Г. Чайлда «Мезолитические поселения Северной Европы» (1936). С этого времени мезолит стали рассматривать как средний этап каменного века, предшествующий по времени возникновению производящего хозяйства.

Несмотря на открытие первых мезолитических стоянок во второй половине XIX в., эпоха мезолита у нас получила признание только в 1960-е гг. после публикации работ советского ученого М.В. Воеводского. До этого практически около века, особенно в межвоенный период, мезолитические памятники относили к особой стадии каменного века - эпипалеолиту. Господствовало мнение о поступательном развитии материальной культуры общества в этот переходной от палеолита к неолиту период.

Накопление археологического материала, использование данных естественных наук, привлечение антропологического и этнографического материала позволили на современном этапе конкретизировать понятие «мезолит» и расширить наши представления о характере сложения и развития культуры мезолитического человека в отдельных регионах Европы, в том числе и на территории Беларуси.

В начале нашей современной геологической эпохи, получившей название голоцен, вместо однородных и безлесных пространств ледниковой эпохи сформировалось ландшафтное многообразие с богатой флорой и фауной. Основу этих ландшафтов, начиная с 50 параллели северной широты и выше, составляли широколиственные, смешанные и хвойные леса. Однако после окончания ледниковой эпохи оптимальная для жизни среда сформировалась не сразу. Цикл потепления и увлажнения климата растянулся на 2,5-3 тысячелетия. Кроме этого, голоцен - эпоха цикличная и характеризующаяся сменами потеплений и похолоданий (вспомним, например, о недавнем «малом ледниковом периоде» XVII-XVIII вв.).

Теперь обратим внимание на еще один важный момент. Территория Беларуси находится в западной части Восточно-Европейской равнины, в зоне лесов смешанного типа. Лес - особая экологическая система, определявшая облик культуры человека, его образ жизни в древности. На основании данных этнографии, палеогеографии, ландшафтоведения, этологии (науки о поведении) лесной фауны, для реконструкции мезолитической культуры запада Восточной Европы используется модель адаптации лесных охотников, для которой характерен свой «лесной» культурно-хозяйственный тип.

Первые подвижки климата в сторону потепления отмечаются в начале пребореального времени (10200-9000 лет назад). Климат в Европе формировали теплые ветра, приносимые с Атлантики. И только в Скандинавии пребореальный период оставался прохладным, что было обусловлено присутствующим здесь ледником, несшим сухие холодные ветра на полуостров и прилегающие территории.

В пребореальное время происходит окончательное оттаивание грунтов, широкое распространение заболоченных почв. Этому способствовал теплый и влажный климат, правда еще прохладный - температура на 1,5-2° была ниже современной. На территории Беларуси распространяются сосново-березовые леса. Появляется травянистый покров. В пребореальных лесах водились лось, зубр, волк, медведь. Вплоть до конца пребореала продолжал обитать северный олень.

Следует отметить, что популяция северного оленя имеет свою особенность. На территории Беларуси существовала разновидность северного оленя - тундровая. Следует обратить внимание на разное поведение тундрового и лесного оленей, которое заключается в размерах площади кормовой территории и масштабах миграций этих животных. Если тундровый олень совершает постоянные сезонные миграции на большие расстояния (до 700 км), то лесной олень держится определенной кормовой территории и мигрирует слабо, на расстояние не более 200 км. Кроме этого, тундровый северный олень образует крупные стада, лесной - небольшие группы.

Данные об изменениях природы и климата в начале голоцена Беларуси с использованием археологических источников являются основой для хронологических построений, отражают характер развития хозяйства мезолитического человека, специфику выделенных археологических культур.

Итак, после таяния ледника около 10 тыс. лет назад на территории Европы происходит постепенное потепление и увлажнение климата, а вместе с ним складываются природно-климатические зоны со своеобразными ландшафтами, флорой и фауной. Потепление климата способствовало быстрому освоению территорий, в том числе и тех, которые ранее были заняты ледником. И несмотря на небольшое число проживавших тогда охотников и собирателей, им все же удалось окончательно освоить практически всю ойкумену на севере постледниковой Европы - Северо-Восточную Прибалтику, Карелию, Кольский полуостров, Шотландию и др.

Изменение климата способствовало дальнейшему развитию присваивающих форм хозяйства. С распространением современной флоры и фауны в мезолитических сообществах наблюдается расцвет охотничьей деятельности, собирательства и рыболовства. Считается, что хозяйственный уклад эпохи мезолита формировался еще в недрах финального палеолита. О роли охоты в мезолитическое время нам говорят не только находки костей диких животных, предметов вооружения, но и организация поселений. В этот период, кроме базовых стоянок, известны кратковременные охотничьи лагеря, места забоя диких животных и разделки охотничьей добычи, направленные на создание запасов мясной пищи. В степной полосе, в условиях открытых пространств, на которых обитали стадные травоядные - бизон, тур, лошадь, в качестве мест добычи использовались глубокие, с отвесными стенками, овраги, куда мезолитический охотник гнал диких животных. На дне таких оврагов археологи находят огромное скопление костей животных и орудий, связанных с разделкой добычи. В горной местности в качестве мест обитания продолжали использовать пещеры, гроты или скальные навесы.

Данные о размерах жилищ и поселений показывают, что в эпоху мезолита обитали небольшие по численности группы охотников-собирателей-рыболовов, объединенные в малые семьи по 5-7 человек, родовые коллективы и общины численностью до 25-30 человек. Это были постоянные и устойчивые в хозяйственном отношении коллективы, осознающие свое кровное единство по определенной линии родства.

Находки орудий труда, предметов вооружения, украшений, сведения о структуре поселений, данные по мезолитическим захоронениям свидетельствуют о четкой половозрастной организации труда. Например, в обязанности мужчины входила добыча мясной пищи во время совершения охоты, женщины - собирательство, обустройство жилищ, воспитание детей. Есть сведения, что мужчины и женщины могли жить раздельно, имели свои тайные праздники, обряды и верования.

В целом установлено, что мезолитическая община - пример коллективной собственности на промысловую территорию, площадь которой составляла до 25 кв. км и включала источники кремневого сырья, охотничьи загоны, поселения, жилища и т.д.

Примером расцвета охотничьей деятельности в эпоху мезолита являются повсеместные находки наконечников стрел, самих стрел и луков. Также как и для финального палеолита, наконечники стрел из камня (кремня), кости, рога и дерева являются хронологическим и культурным показателем для характеристики мезолита отдельных регионов Восточной Европы. Но по сравнению с предшествующим периодом, форма самих наконечников становится более разнообразной, стандартизированной.

Охота с помощью дистанционных видов оружия известна по находкам лука и стрел. Они обнаружены на ряде торфяниковых стоянок севера европейской части России (Вис, Веретье), Восточной Прибалтики (Звейниэки) и отдельных захоронениях Оленеостровского могильника на Онежском озере в Карелии. Длина лука, для изготовления которого использовали преимущественно сосну, достигала 0,65-1,50 м. На костях диких животных сохраняются следы от удара наконечников стрел. В отличие от палеолитического времени охота становится индивидуальной, особенно в лесной полосе. В условиях особой этологии (поведения) лесных животных, которые обычно держатся по-одиночке или образуют небольшие стада, требовалось использование своеобразных способов их добычи: выслеживание, скрадывание, устройство ловушек, западней, капканов, арканов и т.д. Примеры охотничьей деятельности мезолитического человека зафиксированы в наскальной живописи - знаменитых петроглифах Онежского озера в Карелии и Беломорья (Старая Залавруга, Бесов нос, Бесовы следки; изображение охоты на лося и оленя), в Каменной могиле на юге Украины (изображения быков и козлов), Кобыстане на территории Азербайджана (быки, хищники).

Охота на оленя. Лучник.

Не меньшую роль в мезолите, особенно в голодное время, играло собирательство. На некоторых стоянках обнаружены лесные и водяные орехи, желуди, кости и фрагменты панциря черепах, раковины моллюсков (пример развития аквакультуры). Немаловажное место, очевидно, отводилось сбору ягод, грибов, съедобных и лекарственных растений.

В мезолитическое время начинает распространяться рыболовство. На стоянках VII-V тыс. до н.э. находят кости и чешую рыб. В лесной полосе добывали щуку, сома, леща и окуня, в степях и горных районах занимались ловом осетровых - например, лосося. В мезолите начали осваивать и морской промысел. Занятие рыболовством не обходилось без помощи специальных устройств и снастей - плетеных вершей, сетей, берестяных поплавков, каменных грузил, рыболовных крючков, острог, остей, гарпунов. Возможно, в процессе ловли или закола рыбы использовались лодки-однодревки.

Сеть из коры.

В мезолитическое время в ряде культур своего развития достигает отжимная техника, направленная на получение пластин-заготовок с ровными параллельными краями. Стремление использовать ножевидную пластину в качестве заготовки для орудий труда было не случайным. Она позволяла создать оптимальную (стандартную) форму изделия, особенно если речь шла о предметах вооружения и составных орудиях труда.

Именно в мезолите, кроме дистанционных видов оружия - лука и стрел, широкое распространение получает вкладышевая техника, основанная на использовании микролитов - орудий небольших размеров (до 1-3 см). Простейшая форма вкладыша представляет собой фрагмент (преимущественно медиальный, или средний) пластины, который с помощью клеящего вещества крепился в специально вырезанные резцом пазы деревянных, костяных или роговых орудий. В результате появлялись составные наконечники стрел, гарпуны, пилы, струги, ости. Форма отдельных вкладышей определяется четкой геометрией в виде трапеции, треугольника, сегмента, прямоугольника.

Микролиты.

Известны примеры широкого употребления кости, рога и дерева. Эти виды сырья использовались для изготовления орудий труда (шильев, проколов, скребков, ножей и кинжалов, гарпунов и топоров), предметов вооружения (лука и стрел, наконечников стрел, дротиков, копий, кинжалов, пращей, бумерангов) и украшений. На отдельных изделиях обнаружена гравировка в виде прочерченных линий, зигзагов, елочки, сетки. Продолжала развиваться скульптурная пластика. Из кости и рога делали изображения животных и самого человека.

Большое значение для реконструкции культуры мезолитического человека имеют материалы отдельных мезолитических могильников - Тевьек во Франции, Скатерхолм в Швеции, Оленеостровский и Попово на севере Восточной Европы, Звейниэки в Латвии, Волосский, Васильевский-1 и 3, Чаплинский в Среднем Поднепровье (Украина), Фатьма-Коба и Мурзак-Коба в Крыму, Лепенски Вир в Подунавье (Сербия).

В этих могильниках обнаружены грунтовые захоронения по обряду ингумации, с вытянутыми на спине или скорченными на боку костями. Могилы умерших обильно посыпаны охрой и содержат разнообразный погребальный инвентарь (орудия труда, оружие, украшения). Благодаря изучению могильников получены данные, позволяющие реконструировать социальную и хозяйственную структуру мезолитического населения, демографическую ситуацию, мир духовной культуры, восстановить антропологический облик человека,

обитавшего 10-6 тыс. лет назад.

Около 10-9 тыс. лет назад мезолитическим охотникам и собирателям на территории Беларуси удалось освоить бассейны крупных рек и их притоков. В этот период человек начинает осваивать бассейн Западной Двины с прилегающими к ней многочисленными озерами. Здесь более ранних стоянок, чем мезолитические, пока не обнаружено.

В культурном отношении мезолит Беларуси был неоднородным. Средний каменный век представлен материалами нескольких культур, отдельные из которых либо продолжали существовать и получили свое дальнейшее развитие на мезолитическом этапе, либо впервые появились здесь с началом голоценового потепления.

На территории Беларуси люди эпохи мезолита продолжали селиться у края речных террас, на их останках и других возвышенностях в долинах рек, вблизи озер и заток. Наблюдается концентрация мезолитических памятников у выходов кремневого сырья, что определило специфику отдельных регионов. Например, в Верхнем Поднепровье, особенно в бассейне р. Сож, где месторождения кремня выходят на поверхность и в связи с этим были доступны для мезолитического человека, широко распространен такой тип памятников как стоянки-мастерские.

Отсутствие или низкое качество кремня компенсировалось использованием других видов сырья - кости и рога. На территории Беларуси артефакты из кости и рога встречены в разных регионах. Находки преимущественно носят случайный характер и не имеют какой-либо привязки к культурному слою памятников.

Наибольшее их число обнаружено в карьере под Сморгонью. Здесь в разные годы находили вещи из рога благородного оленя - мотыги, топоры, муфты для орудий и изделия с отверстиями для рукояток. Среди них наибольший интерес вызывает вытянутый предмет из рога оленя, орнаментированный короткими нарезками и линиями в виде зигзагов. В литературе он интерпретируется как «жезл шамана» и мог являться рукояткой от кинжала, или орудием для копания. Не исключено, что это изделие выполняло ритуальные функции. Мезолитическим временем также датируют находки вещей из кости и рога, собранных на озере Вечера в Любанском районе Минской области, а также случайные и единичные находки, среди которых часто упоминаются острия, гарпуны, топоры и кинжал. Поверхность отдельных изделий покрыта гравировкой.

Постоянные места обитания требовали создания жилищ. Как могли выглядеть мезолитические жилища на территории Беларуси - остается неизвестным. Не исключено, что они представляли собой конструкции, напоминавшие чум или ярангу, известные по этнографическим материалам народов Крайнего Севера, Сибири, Северной Америки. Можно только отметить, что остатки мезолитических жилищ археологически фиксируются в виде округлых, овальных или четырехугольных пятен песка темно-серого цвета площадью от 4 до 25 кв. м (в среднем - около 10 кв. м). Внутри жилища или рядом с ним фиксируется очаг - линза темно-серого или черного песка с вкраплениями угольков. На территории Беларуси остатки жилищ зафиксированы на стоянках Аврамов Бугор (2 жилища), Бабулин Бугор (5 жилищ), Береговая Слобода (2 жилища); по одному жилищу найдено на стоянках Дедня, Каменка-5 и Стасевка.

По мощности заполнения выделяются жилища наземного типа (Береговая Слобода, Стасевка), жилища-полуземлянки и землянки (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Дедня). На стоянке Каменка-5 обнаружены остатки жилища, углубленного в грунт на 0,95 м. Постройка имела овальную форму и небольшую пристройку у входа в виде тамбура. В центральной части структуры наблюдалось компактное скопление расщепленного кремня - рабочее место мастера.

В отдельную группу объектов хозяйственно-бытового назначения можно выделить остатки жилой площадки. В отличие от жилища жилая площадка представляет собой место, связанное с разделкой и переработкой охотничьей добычи. Она определяется по локализации орудий, охотничьего вооружения, связанных с конкретным видом деятельности. Остатки жилой площадки зафиксированы на стоянке Дедня. Возможно, подобного рода структура могла быть на стоянке Каменка-5. В культурном слое она выделялась высокой концентрацией орудий, группировавшихся вокруг очагов.

Кроме жилищ, на мезолитических стоянках обнаружены остатки кострищ, очаги, ямы хозяйственного назначения, «клады» кремневого сырья, нуклеусов, сколов-заготовок и орудий труда. На отдельных стоянках присутствуют места производственной обработки сырья.

В начале мезолита на территории Беларуси еще некоторое время обитали группы охотников гренской и свидерской культур, истоки которых, как мы помним, уходят в финальный палеолит. Но с потеплением климата, широким распространением лесов происходит

изменение привычной среды жизни охотников на северного оленя. Миграции этого животного в северные, более прохладные районы Евразии потянули туда за собой человека с его кочевым образом жизни. Часть населения оказалась перед выбором адаптации к условиям жизни среди лесов, что постепенно вело к трансформации хозяйства и культуры древних охотников, формированию оседлости в пределах промысловой территории.

С гренской и свидерской культурами связывают появление целого ряда других культурных явлений на территории Беларуси и сопредельных с ней регионах. В частности, с гренской культурой связывают появление населения иеневской культуры в междуречье Волги и Оки и песочноровской культуры в Подесенье. Памятники последнего культурного явления известны на территории Беларуси.

Свое название эта культура получила по находкам из культурного слоя эпохи мезолита, обнаруженного во время раскопок городища Песочный Ров на р. Десна близ с. Роговка Новгород-Северской области в Украине. Культурное своеобразие мезолита Десны было подчеркнуто еще в 1950-е гг. М.В. Воеводским, выделившим здесь деснинскую культуру. Дальнейший поиск и изучение памятников на Десне позволило А.А. Формозову, Д.Я. Телегину и Л.Л. Зализняку обосновать отдельный тип стоянок, объединенных впоследствии под названием «песочноровская культура».

Памятники песочноровской культуры в настоящее время локализованы в бассейне средней Десны, низовьях Сожа и его притоках - Беседи и Ипути. На территории Беларуси стоянки этого культурного явления стали известны еще в конце XIX в. (Н.Ф. Беляшевский, Е.Р. Романов). Отдельные поселения были открыты К.М. Поликарповичем в 1920-1930-е гг. В послевоенное время и на современном этапе сбор материалов вели Е.Г. Калечиц, Н.Н. Кривальцевич, А.В. Колосов и др.

На территории Беларуси находки песочноровской культуры встречены на стоянках рр. Сож (Загорье-2 (Жавынец), Калинино (Чурилово), Присно-4), Беседь (Бартоломеевка-2, Беседь-3, Новые Громыки-4), Ипуть (Залядь-1, Романовичи, Якубовка-2), а также в междуречье Сожа и Днепра (Абакумы). Большая часть песочноровских стоянок расположена в пределах Предполесья и Полесской низменности. Поселения устраивались на краю первой надпойменной террасы или их останцах рядом с водоемами. Среди стоянок, оставленных на дюнах, являются - Загорье-2 (Жавынец), Залядь-1, Романовичи и Якубовка-2.

Первичное расщепление кремня в песочноровской культуре осуществлялось с помощью каменно-го (кремневого) отбойника. Ее характеризуют грубые одно- и двухплощадочные нуклеусы, с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы, служившие заготовками для орудий труда. Определенное своеобразие песочноровской культуре придают микролиты - симметричные и ассиметричные трапеции высоких пропорций, треугольники, ассиметричные острия. Большинство исследователей рассматривают песочноровскую культуру как этап дальнейшего развития традиций предшествовавшей ей гренской культуры.

В позднем мезолите, соответствующем началу атлантического времени, песочноровская культура представлена памятниками типа Студенок. Размеры орудий «песочноровцев» становятся меньше. Появляются черешковые наконечники стрел на пластинах, массивные сверла. Широкое распространение получают топоры и тесла. Присутствие основной части этих находок на стоянках раннего неолита бассейна Десны делают очевидным для исследователей участие песочноровского населения в формировании местной неолитической культуры.

В эпоху мезолита население этой культуры занимало практически всю Восточную Прибалтику, Прионежье, юг Карелии. Стоянки кундской культуры известны и на территории Беларуси. Они изучены в бассейнах Западной Двины и Немана. Отдельные находки культуры обнаружены в Припятском Полесье, что определяет крайние южные границы обитания кундского населения в древности.

Свое название культура получила по одной из стоянок, расположенных недалеко от совр. г. Кунда на севере Эстонии - Кунда Ламмасмяги. Научное обоснование культура получила благодаря работам эстонских исследователей Р. Индреко, Л.Ю. и К.Л. Яанитсов, латвийского археолога Ф.А. Загорскиса и др.

Поселения кундской культуры занимали береговые террасы или склоны холмов ледникового происхождения - друмлины. На стоянках Кунда и Нарва сохранились остатки овальных и округлых очагов. Отдельные из них обложены плитами из известняка (Нарва). Возле очагов, насколько это позволяют судить находки орудий труда, фрагменты специально расколотых костей диких животных, осуществлялась хозяйственная деятельность мезолитического человека. Основу хозяйства кундского населения составляла охота на лесных животных - лося, медведя, дикого кабана, косули, волка, зайца, россомахи, куницы и др., а также птиц - лебедя, кряквы, гаги, большого баклана. Есть находки костей северного оленя, дикой лошади

и даже тюленя. Кундским охотникам была известна одомашненная собака (Кунда).

По материалам отдельных поселений получены бесспорные доказательства рыболовства - находки костяных крючков, однорядных гарпунов, остей, а также костей некоторых видов рыб - щуки, линя, окуня. На стоянке Сийвертси близ г. Нарва в Эстонии обнаружены фрагменты рыболовной сети и поплавки из сосновой коры.

Известны остатки захоронений. Среди них наибольшую известность получил могильник Звейниэки (Латвия), в котором обнаружены погребения, совершенные в ямах по обряду трупоположения. Умерших хоронили на спине, реже на боку или животе. Погребальный инвентарь представлен орудиями труда и оружием из кремня и кости, украшениями в виде подвесок из зубов диких животных. Могила обильно посыпана охрой.

На начальных этапах развития кундской культуры для производства орудий труда использовали приносной кремень, месторождения которого встречаются на территории Литвы и Западной Бела-руси (бассейн р. Неман) в верховьях Днепра и Волги. Отсутствие сырья компенсировалось использованием других пород камня, например, кварца.

Основным типом заготовки для орудий труда были пластины. Кундская культура и особенно ранние ее памятники дают нам яркий пример высокоразвитой пластинчатой техники.

Пластины получали способом отжима с одноплощадочных нуклеусов конической и призматической формы. Это были узкие, длинные, с ровными параллельными и острыми краями сколы. Они шли на производство угловых резцов, концевых и двойных скребков и многочисленных вкладышей для составных орудий и охотничьего оружия. Среди вкладышей встречаются: сечения ножевидных пластин с ретушью по краю, микропластинки с затупленным ретушью краем, пластины со скошенным ретушью концом, треугольники, микролиты с шипом. Кундским мастерам была известна техника шлифования, применявшаяся для подправки лезвий топоров и тесел, заточки костяных и роговых орудий.

Наконечники стрел представлены несколькими типами. Преимущественно это предметы с выделенным черешком, который с обратной стороны подправлен плоской встречной ретушью. Перо наконечников также обработано плоской ретушью на половину или треть длины заготовки; в черешковой части оно может подчеркиваться с двух сторон специально выделенными шипами. Еще одну группу образуют наконечники с боковой выемкой, которые также имеют характерную для кундской культуры обработку пера плоской встречной ретушью.

Кундская культура представлена большой серией костяных и роговых орудий, компенсировавших недостаток кремневого сырья в отдельных районах. Это находки костяных игловидных и с выступающим зубцом наконечников стрел, дротиков и копий. Отдельные из них имеют специально прорезанные по краю пазы для крепления микролитов. Индустрии из материалов органического происхождения дополняются находками костяных кинжалов, пешней из трубчатых костей, использовавшихся для пробивания льда во время зимней ловли рыбы, роговых муфт для вставок лезвий топора или тесла и т.д. На некоторых предметах сохранилась гравировка в виде зигзагообразных и параллельных линий, нарезок, косых крестиков, заштрихованных треугольников.

На территории Беларуси стоянки кундской культуры обнаружены в межвоенный период (К.М. Поликарпович). Систематическое изучение памятников связано с работами Н.Н. Гуриной, В.П. Ксензова, В.С. Обуховского и др. Наиболее представительные коллекции получены в результате раскопок стоянок Крумплево, Замошье и Плусы (бассейн р. Западная Двина). Отдельные находки кундской культуры собраны в Понеманье (Дрозды-12, Жиличи-2, Личицы, Черлёнка, Шпиль-Городок) и Припятском Полесье (Бобровицы-1, Любань, Озерное-2).

Генезис кундской культуры остается не ясным. Основная часть исследователей называет кундскую культуру «постсвидерской». Полагают, что в начале мезолита именно свидерские охотники вслед за северным оленем проникли на территорию Прибалтики и дали начало культуре кунда.

В любом случае исследователи сходятся во мнении, что кундское население, дожившее до конца эпохи мезолита, приняло участие в формировании нарвской неолитической культуры Восточной Прибалтики и Северной Беларуси.

Понятие об этом культурном явлении сложилось в итоге многолетнего изучения мезолитических памятников междуречья Волги и Оки. Культура выделена российским археологом Л.В. Кольцовым в 1960-е гг. и названа по стоянке Бутово, расположенной в верховьях Волги на территории Тверской области Российской Федерации.

На территории Беларуси памятники бутовской культуры были обнаружены в конце 1920-х гг. (К.М. Поликарпович), но вопрос о принадлежности их к этому культурному явлению был поставлен только в начале 1990-х гг. Раскопки отдельных стоянок В.Ф. Копытиным, О.Л. Липницкой, А.В. Колосовым позволили утвердить мнение о бутовском эпизоде заселения

востока Беларуси в эпоху мезолита.

Значительное число бутовских стоянок обнаружено на р. Сож - Гронов-2 (Строе), Коробчино, Пролетарский-1, Слободка (Коровчинская Слободка) и др. Отдельные памятники исследованы путем раскопок - Витунь-5А (на р. Беседь), Дедня (на р. Кошанка, правый приток Прони) и Криничная (на Соже). Некоторые находки происходят из разновременных коллекций, но также получены в процессе стационарных работ (Горки, Рудня-1, Устье-2, Чериков-2).

Техника расщепления кремня в бутовской культуре была направлена на получение длинных, узких и тонких пластин правильной огранки. Это был основной тип заготовки для производства орудий, прежде всего, вкладышей, наконечников стрел и резцов. В качестве сырья использовали приносной высококачественный полупрозрачный кремнь серого цвета или местный меловой кремнь. Среди орудий ведущее положение занимают резцы. Коллекции посожских стоянок включают также находки многочисленных пластин-вкладышей, микропластинок с затупленным ретушью краем, прямоугольников, использовавшихся в качестве вставок в пазы лезвий охотничьего оружия, концевые скребки, острия, проколки и сверла, изделия с выемкой, рубящие орудия.

Предметы вооружения бутовской культуры представлены наконечниками стрел с выделенным черешком. С обратной стороны черешок дополнительно обработан фасетками плоской ретуши. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который с двух сторон ограничен шипами. Перо наконечников подправлено плоской встречной ретушью со стороны брюшка.

Кроме находок из кремня на торфяниковых стоянках бутовской культуры известны орудия из кости и рога. В первую очередь это многочисленные и весьма разнообразные предметы охотничьего вооружения - наконечники стрел игловидной и листовидной формы, наконечники с коническим, ромбическим и биконическим остриями, наконечники копий, кинжалы. Отдельные орудия по краям имеют специально вырезанные пазы, в которые с помощью клеящего вещества крепились кремневые вкладыши - микропластинки с затупленным краем и/или концами. Комплекс вещей из кости и рога дополняется находками гарпунов, ножей, долотовидных орудий, ретушеров, посредников, рыболовных крючков, подвесок из зубов диких животных и др. На территории Беларуси бутовскую культуру пока характеризуют только находки из кремня.

Интересные данные получены по поселенческой структуре. Речь идет о находках наземных жилищ и жилищ-полуземлянок округлой, овальной или четырехугольной формы размером от 8 до 29 кв. м. В Белорусском Посожье остатки жилищ сохранились на стоянках Дедня и Криничная. В Дедне оно представляет собой овальное пятно (2,1×1,9 м), заполненное зольным песком. Жилище было углублено в грунт на 0,60 м. Находки, собранные в пределах пятна (серия регулярных пластин, отщепы, пластины с ретушью), позволили В.Ф. Копытину интерпретировать изученный объект как «место мастера». На стоянке Криничная остатки жилища четырехугольной формы были изучены на глубине 0,40-0,70 м. В отличие от Дедни, жилище в Криничной имело несколько большие размеры - 3,75×2,5 м.

Эта культура в конце VIII - начале VI тыс. до н.э. территориально охватывала среднее течение Десны, Верхнее Поднепровье, Припятское Полесье, бассейны Немана, Западного Буга и Нарева. Культура получила название по находкам стоянки Кудлаевка (Черниговская область), открытой в 1925 г. украинским археологом М.Я. Рудинским во время археологических работ в бассейне р. Десна. Выделена польским ученым С. Козловским и обоснована в работах украинских и литовских исследователей.

На территории Беларуси памятники кудлаевской культуры стали известны в конце XIX в. (Н.Ф. Беляшевский, Е.Р. Романов). В 1920-1930-е гг. сведения о кудлавских местонахождениях дополняются в результате работ К.М. Поликарповича, Л. и И. Савицких, Ю. Едковского. В послевоенные годы значительное число памятников было открыто и изучено, в том числе путем раскопок, В.Ф. Исаенко, М.М. Чернявским, Е.Г. Калечиц, В.П. Ксензовым, В.Е. Кудряшовым, Н.Н. Кривальцевичем, В.С. Обуховским и др. На современном этапе систематизацией материалов по кудлаевской культуре на территории Беларуси занимается А.Н. Вашанов.

Памятники кудлаевской культуры расположены преимущественно в пределах Полесской низменности, что наложило свой отпечаток на стратегию расселения охотников и собирателей этой культуры. При выборе мест проживания кудлаевское население отдавало предпочтение песчаным всхолмлениям в пойме реки, либо останцам первой надпойменной террасы, высотой 2-5 м над меженным уровнем воды. Некоторые стоянки находятся на

высоких береговых террасах.

На территории Беларуси наиболее выразительные материалы по кудлаевской культуре обнажены в следующих пунктах: Белая Сорока, Кажан-Городок, Липляны-3, Мотоль, Озерное-1, Хвощёвка (бассейн Припяти), Куль-1 (бассейн р. Щара, Понеманье), Рекорд, Речица-2 (правобережье р. Днепр), Бельниччи-1А (бассейн р. Друть), Новые Терешковичи (Крыга), Присно (Замостовье) (на р. Сож), Аврамов Бугор (левобережье Беседи), Залядь-1-3, Романовичи (на р. Ипуть) и др.

Кудлаевская культура дает нам яркий пример развития микролитической индустрии. Изучение кремневого инвентаря культуры демонстрирует факт приспособленности ее населения к использованию сырья невысокого качества. В основе техники расщепления кремня лежал принцип одно-стороннего скалывания пластин и отщепов с нуклеусов одноплощадочной формы. Кудлаевские мастера были ориентированы на получение пластин и отщепов, которые скалывали с помощью каменного (кремневого) отбойника.

В технике вторичной обработки на кудлаевских стоянках широко использовались крутое, полу-крутое и плоское ретуширование заготовки, техника резцового скола, оббивка. Для большинства орудий (скребки, резцы, изделия с выемкой, топоры) заготовками служили отщепы. Специфику кудлаевской культуры определяют различные по форме и способам изготовления микролиты, изготовленные из узких, длинных и неправильной формы пластин.

Эта культура пришла на смену кудлаевскому населению, оттеснив его в позднем мезолите на восток - в деснинский бассейн. Культура выделена польским археологом С. Козловским по материалам памятников бассейна р. Висла. Название дано по месту обнаружения захоронения человека у д. Яниславица в Мазовии (Польша). В древности ареал культуры охватывал бассейн рр. Висла, Немана, Припяти, Верхнего Днепра. Материалы, подобные яниславицким, известны в бассейне Северского Донца в юго-восточной Украине.

На территории Беларуси памятники яниславицкой культуры известны со второй половины XIX в. В разное время их изучали З. Шмит, М. Федоровский, Н.Н. Гурина, М.М. Чернявский, В.Ф. Исаенко, В.П. Ксензов, Е.Г. Калечиц, В.С. Обуховский и др. На современном этапе изучением яниславицкой культуры Белорусского Понеманья, проблемы развития ее кремневого инвентаря занимается В.В. Ашейчик.

Большая часть яниславицких стоянок концентрируется на западе Беларуси - р. Неман и его левом притоке р. Щара, верховьях Припяти и Западном Буге. Наиболее выразительные коллекции на-ходок получены на стоянках Белица-2, Бершты-2 и 6, Личицы-2, Лихачи, Несиловичи-1, Черешля, Черлётка и др. (Понеманье). В Побужье - стоянка Каменюки-2, в Припятском Полесье - поселения у дд. Бухлицкий Хутор, Кончицы, Бобровичи, Мотоль, Мойсеевичи, Терень и др. На территории Верхнего Поднепровья яниславицкая культура представлена на стоянках Красновка-1Б, Старая Лутава (на р. Днепр), Бельниччи-1А (р. Друть), Романовичи (бассейн р. Ипуть).

Яниславицкие поселения обычно расположены на краю боровой террасы или ее останцах, а также на песчаных возвышенностях среди поймы реки. Заметна топографическая приуроченность яниславицких памятников к низменным ландшафтам Полесья и Предполесья, что, в некотором роде, сближает стратегию расселения яниславицких охотников с населением кудлаевской и коморницкой культур. На отдельных стоянках (например, Белица-2) сохранились остатки очагов, обложенных камнями. Сведения о жилищах практически отсутствуют. Предполагают, что это могли быть легкие наземные, слегка углубленные в грунт, конструкции по типу шалаша (чума) размером до 15 кв. м.

Для производства орудий яниславицким населением использовались ножевидные пластины, полученные путем отжима или удара через посредник. Заготовки скалывались с одной стороны нуклеуса, имевшего одноплощадочную форму. Определяющими для яниславицкой культуры являются острия и ланцеты так называемого «яниславицкого типа».

Острия яниславицкого типа формировались в проксимальной части пластин, т.е. на том конце заготовки, где находится ударный бугорок. Для этого древним мастером на пластине делалась глубокая выемка, в месте которой путем нажима или слома заготовка делилась на две части. Один фрагмент пластины с плоским микрорезцовым сколом использовался в качестве острия (наконечника стрелы), другой, представлявший собой отход производства этого острия, являлся микрорезцом. Функцию наконечников стрел также могли выполнять ланцетовидные острия.

Для кремневого инвентаря яниславицкой культуры характерны треугольники из длинных и узких пластинок с затупленным краем, прямым, скошенным или вогнутым основанием, средневысокие, высокие и низкие трапеции. И треугольники, и трапеции использовались в яниславицкой культуре в качестве вкладышей для составного охотничьего оружия или орудий. Среди других орудий труда на стоянках яниславицкой культуры находят концевые

скребки, скробачи, ретушные и на углу сломан-ной пластинчатой заготовки резцы, вкладыши из сечений пластин, изделия с выемкой, проколки, рубящие орудия.

С яниславицкой культурой связывают находки некоторых изделий из рога благородного оленя, собранных в Сморгонском карьере – топоры, мотыги, муфты, орудия остроконечной формы. Яниславицкой культуре принадлежат также многочисленные орудия с отверстиями для рукояток из рога. Одно из них интерпретируется как «жезл шамана». Поверхность предмета украшена нарезками, прочерченными линиями, образующими композиции из зигзагов, точечными углублениями.

В материалах яниславицкой культуры известны места захоронений человека, обнаруженных на территории Польши (Яниславица, Гижицко-Перкуново). Могилы устраивали в ямах, умерших хоронили по обряду вытянутого труположения или сидя. Погребальный инвентарь представлен находками орудий труда, оружия из кремня и кости, украшениями в виде подвесок из зубов благородного оленя, лося, тура, клыков дикого кабана, т.е. тех животных, которые были основными объектами охоты яниславицкого населения. При совершении погребального ритуала отдельные могилы специально посыпали гематитом, придавшим захоронениям красный цвет.

Хронологические рамки яниславицкой культуры укладываются в пределах позднего мезолита (рубеж VII-VI - начало IV тыс. до н.э.), что соответствует первой половине - середине атлантического периода. По данным радиоуглеродного анализа находок некоторых памятников Польши, Литвы и Украины, возраст яниславицкой культуры определяется от 7500 до 5700 лет назад.

Во-первых, благодаря многолетнему изучению мезолитических памятников на территории Беларуси появилась возможность говорить о мезолите как отдельной исторической эпохе, детализировать вопросы хронологии и происхождения отдельных мезолитических культур.

Во-вторых, развитие культуры мезолитического человека приходится на период раннего голоцена (10-6 тыс. лет назад), связанный с потеплением и увлажнением климата после окончания последней ледниковой эпохи, распространением лесной флоры и фауны. В этих условиях происходит расцвет присваивающих форм хозяйства, основу которого составляли охота, собирательство и рыболовство. Совершенствуется техника обработки камня, охотничье вооружение, распространяется вкладышевая техника.

В-третьих, современное состояние источников демонстрирует картину сложного и многообразного процесса освоения территории Беларуси населением разных мезолитических культур - песочноровской, кундской, бутовской, кудлаевской, яниславицкой. Генезис этих культур рассматривается как результат миграций мезолитического населения, эволюции традиций культур предшествующего времени, пример контактов первобытных охотников-собирателей-рыболовов. Население эпохи мезолита приняло участие в сложении неолитических культур на территории Беларуси.

В-четвертых, в развитии мезолита Беларуси можно выделить два этапа - ранний и поздний. Ранний этап (10000-8000 лет назад) по времени совпадает с пребореалом - бореальным периодом. На территории постледниковой Европы, в том числе и Беларуси, еще некоторое время обитали группы кочевых охотников, следующих за северным оленем.

Распространение лесов, появление видового разнообразия фауны, представленной лосем, благородным оленем, диким кабаном, мед-ведем, пернатыми, стимулировало развитие охотничьего вооружения. Основу его составляли лук и стрелы, наконечники которых изготавливали в традициях определенной мезолитической культуры. Наряду с наконечниками на стоянках эпохи мезолита распространяются вкладышевые орудия. В качестве вкладыша использовали обыкновенную пластину, которую делили на несколько частей и крепили в роговую основу с помощью клеящего вещества.

В начале бореального времени в каменных индустриях мезолитических стоянок распространяются вкладыши правильной геометрической формы в виде трапеций, треугольников, прямоугольников, сегментов. В дальнейшем число геометрических микролитов постоянно увеличивалось и к концу мезолита вкладышевая техника достигает своего расцвета. Широкое распространение микролитов, совершенствование техники обработки камня является основой для выделения в мезолите Беларуси позднего этапа (8000-6000 лет назад), который синхронизируется с климатическим оптимумом в начале атлантического времени.

Финал эпохи мезолита на территории Европы совпал с кризисом охотничьего хозяйства, вызванным сокращением поголовья промысловых животных, увеличением численности оседлого мезолитического населения. В результате в лесной полосе отмечается переход к рыболовству, ставшему одним из основных видов промысла на протяжении следующей неолитической эпохи. Фиксируются и первые зачатки производящего хозяйства -

примитивные формы скотоводства (судя по находкам пыльцы сорных растений на стоянках, свидетельствующих об устройстве специальных загонов для скота) и земледелия. В V-IV тыс. до н.э. сообщества лесных охотников-собирателей-рыболовов испытывали сильное воздействие со стороны неолитических племен Центральной Европы. Итогом этих влияний стало распространение керамической посуды. Ее появление в культурах лесной полосы Восточной Европы ознаменовало начало новой и заключительной эпохи каменного века - неолита.

Неолит на территории Беларуси

Неолит (новый каменный век) - следующая за мезолитом эпоха, завершающая в целом каменный век. Она характеризуется важными достижениями в развитии материальной и духовной культуры человечества. В ней отражены те качественные изменения в развитии общества и хозяйства, произошедшие накануне открытия металлургии, становления городов и цивилизаций, первых государственных образований, письменности.

Еще в 1865 г., с момента введения термина «неолит» в научный оборот, английским ученым Дж. Леббоком для этого периода была отмечена важная особенность в технике обработки каменных орудий - появление полировки и шлифования. По мере накопления источников стало очевидным, что находки полированных орудий не являются характерным признаком неолитической эпохи. Обработка поверхности изделий абразивами была известна до этого в культурах мезолита и даже позднего палеолита. Поэтому в 1930-е гг. еще один английский ученый Г. Чайлд высказал мысль о коренных изменениях в образе жизни населения каменного века в рамках предложенного им понятия «неолитическая революция».

«Революционность» событий, по мнению Г. Чайлда, была связана с переходом от присваивающих форм хозяйства - охоты, собирательства и рыболовства, к производящим, в основе которых лежало земледелие и скотоводство. Это привело к изобретению керамической посуды, совершенствованию техники обработки орудий труда, расширило возможности обмена, способствовало улучшению демографической ситуации, изменению структуры общества.

Однако понятие «неолитическая революция» оказалось условным. Процесс перехода к производящему хозяйству в разных уголках древней ойкумены протекал неравномерно. Например, в Передней Азии земледельцы и скотоводы изначально не знали керамической посуды. На этой территории культуры производящего хозяйства относят к «докерамическому» неолиту. В тоже время на севере Европы раньше всего появляется именно керамика, совершенствуется орудийная деятельность, однако племена продолжали заниматься традиционными формами хозяйства - охотой, собирательством и рыболовством. Кроме этого, признаки доместикиции отдельных видов животных (например, собака) отмечаются еще в палеолите.

Естественно, территорию Беларуси нельзя рассматривать как некий очаг или центр производящей экономики. Появление земледелия и скотоводства происходило здесь под влиянием культурных импульсов извне. И именно это «вне» было тесно связано с теми культурами, истоки которых уходят в древнейшие центры производящего хозяйства, расположенные в Передней Азии, Юго-Восточной и Центральной Европе.

Данные археологии и палеогеографии свидетельствуют, что уже в X-VIII тыс. до н.э. в Передней Азии сложились предпосылки для возникновения земледелия и скотоводства. Около 12-10 тыс. лет назад на территории Палестины, Сирии, Южной Анатолии, горах Загроса - в долине так называемого «плодородного полумесяца» - сложились благоприятные условия для регулярного сбора диких злаков (пшеницы и ячменя), охоты на коз и овец. На поселениях древнейшей здесь натуфийской мезолитической культуры встречаются первые примитивные серпы и жатвенные ножи из вкладышей, каменные ступки и зернотерки для дробления зерен, охотничье оружие.

Окончание последней ледниковой эпохи стало временем серьезных испытаний для охотников и собирателей Ближнего Востока. Распространение крайне теплого и засушливого климата обусловило причины появления новых способов получения продуктов питания, основанных на земледелии и скотоводстве. Именно здесь в VIII-VII тыс. до н.э. складываются древнейшие центры производящего хозяйства, связанные с началом возделывания пшеницы, ячменя, ржи, винограда, алычи, черешни, дыни, граната, грецкого ореха; одомашнивания овец, коз, крупного рогатого скота, свиньи, ослов, кошки. В материалах раннеземледельческих поселений (Иерихон, Хаджилар, Чатал-Гюк, Джармо) обнаружены остатки глинобитных домов, многочисленные находки земледельческих орудий (серпы, мотыги), зерна окультуренных растений, кости домашних животных. Появление земледелия и скотоводства,

а затем керамической посуды сделало человека менее зависимым от источников пищи, которые ранее можно было получить от природы в готовом виде.

Улучшение качества продуктов питания привело к увеличению численности населения на нашей планете, возросшего по сравнению с мезолитом в 50-75 раз. Демографический взрыв активизировал миграции земледельческо-скотоводческого населения Ближнего Востока. Часть населения, проживавшего на юге Анатолии, в VIII-VII тыс. до н.э. начала осваивать Западное и Восточное Средиземноморье, Балканский, Апеннинский и Пиренейский п-ова, северное побережье Африки. Основу хозяйства здесь составляло выращивание злаков. Также начали культивировать маслины и некоторые овощные культуры - капусту, свеклу, репу, морковь, петрушку, чеснок, лук.

Дальнейшее расширение ойкумены земледельцев связывают с культурой линейно-ленточной керамики, население которой в VI - начале IV тыс. до н.э. оказало влияние на целый ряд культур Центральной и Восточной Европы, известных, в том числе и на территории Беларуси.

Теперь попробуем разобраться: насколько критерии, отвечающие понятию «неолит» и «неолитическая революция» соответствуют материалам, полученным на территории нашей страны? Начнем с вопроса о хозяйственном освоении территории Беларуси в эпоху неолита. Важным условием развития хозяйства первобытного населения, в каких бы формах оно не проявлялось (присваивающих или производящих), является оптимальная природно-климатическая обстановка. На территории Беларуси неолит приходится на две последних фазы атлантического периода - атлантик-2 (6600-6000 лет назад) и атлантик-3 (6000-5000 лет назад) и начало суббореального периода (суббореал-1 - 5000-4200 лет назад).

Климат атлантического периода оставался теплым и влажным. Территорию нашей страны покрывали широколиственные леса, в составе которых были дуб, вяз, ольха и граб. Однако в конце атлантического периода и начале суббореала происходит похолодание, сокращаются широколиственные леса. На смену им приходят смешанные и сосново-березовые леса с примесью бука и граба на юге страны и ели на севере. Температура воздуха понизилась на 0,5-2° по сравнению с современной, но осадков выпало больше, чем теперь на 25-50 мм.

На фоне таких колебаний климата менялся уровень воды в реках и озерах. В начале атлантического периода, когда на территории Беларуси проживали группы охотников и собирателей позднего мезолита, уровень воды был низким. Но в середине периода (атлантик-2) и в начале суббореала в реках и озерах происходит резкий подъем воды. Получается, что многие неолитические поселения, расположенные на низких берегах, впоследствии оказались затопленными.

Таким образом, культура неолита на территории Беларуси изначально формировалась в условиях благоприятного климата. После окончания ледниковой эпохи территория Беларуси уже несколько столетий была покрыта лесами. В начале неолита здесь существовали удобные для заселения ландшафты с высокой биологической продуктивностью, которую обеспечивала фауна лесов, рек и озер.

Большая часть неолитических поселений, обнаруженных на территории Беларуси, приурочена к водоемам - берегам рек, озер и затоков, т.е. там, где можно было получать и использовать природные (биологические) ресурсы в готовом виде. Поэтому основными занятиями неолитического населения лесов по-прежнему оставались охота, собирательство и особенно рыболовство, которое с этого времени стало занимать не последнее место в жизни первобытного населения.

О присваивающем характере экономики неолитических племен свидетельствуют находки орудий труда и охотничьего оружия из кремня (камня), кости и рога, рыболовных снастей, продуктов собирательства, остеологический материал. Состав фауны, присутствующей на некоторых стоянках неолита Беларуси, демонстрирует видовое многообразие - благородный олень, косуля, дикий кабан, лось, тур, бобр, медведь, волк, куница, белка, летучая мышь. Есть находки костей птиц - серый гусь, кряква, лебедь, гоголь, глухарь, большая поганка, серый журавль. Ихтиофауна представлена щукой, окунем, карасем и карпом. На юге Беларуси известны примеры добычи болотной черепахи. Рацион питания неолитического населения дополняли продукты собирательства - зерна и корневища растений, лесные и водяные орехи, ягоды, грибы.

Вместе с тем на территории Беларуси отмечаются признаки появления производящего хозяйства, причем уже в ранний период эпохи неолита. Они обнаружены благодаря палеоботаническому изучению пыльцы (зерен) культурных и сорных растений, данным по костным останкам до-машних животных. Наиболее ранние свидетельства антропогенного воздействия на растительный и почвенный покров фиксируются по пыльце окультуренных злаков (пшеница, ячмень, конопля) и сорных растений - гречиха, горец, верблюдка и др., обнаруженных на юго-западе Белорусского Полесья. Возраст образцов соответствует 7 тыс.

лет назад.

Появление земледелия в южных районах Беларуси является результатом влияния земледельческо-скотоводческих племен, проживавших на сопредельных территориях - культуры линейно-ленточной керамики, культуры воронковидных кубков. Их население было потомком земледельцев и скотоводов, пришедших из балкано-дунайского региона. Они умели возделывать пшеницу одно-зернянку и двузернянку, ячмень, просо, горох; разводили овец, коз, крупный рогатый скот и свиней.

В VI-V тыс. до н.э. население культуры линейно-ленточной керамики начало осваивать плодородные лессовые почвы средней полосы Европы. Оказавшись в зоне широколиственных лесов, они перешли к подсечно-огневому земледелию, при котором определенная часть лесного массива предварительно освобождалась от деревьев и кустарников, а затем сжигалась, освобождая, таким образом, место для будущих посевов. При такой форме земледелия можно было получать высокие урожаи в течение нескольких лет. По мере истощения почвы и ухудшения ее плодородных качеств эти участки забрасывались и земледельцы переходили к разработке новых участков.

Как быстро шло распространение производящего хозяйства на территории Беларуси и какая из земледельческих культур могла оказать влияние на этот процесс - эти вопросы остаются открытыми. В условиях леса производящие формы хозяйства, особенно такие, как земледелие, требовали от первобытного населения значительных физических затрат и наличие устойчивой социальной организации. Однако уже около 6600-6000 лет назад навыки ведения земледельческого хозяйства достигают центральных районов Беларуси. В частности, пыльца пшеницы обнаружена в культурном слое стоянки нарвской культуры Зацэнье.

К концу атлантического и началу суббореального периодов, т.е. к позднему неолиту, количество пыльцы культурных злаков в палинологических спектрах возрастает. Очевидно, распространение производящего хозяйства было связано с появлением на территории Беларуси в III тыс. до н.э. скотоводческо-земледельческого населения культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики. Кроме южных и западных районов, пыльца пшеницы фиксируется на севере страны. Присутствие в отложениях частиц угля, пыльцы кустарниковых растений позволяет судить об использовании огня для расчистки мест под посевы, увеличении разреженных участков, свободных от лесной растительности.

В середине - конце атлантического периода палинологи отмечают присутствие пыльцы пастбищных растений (подорожник, щавель, одуванчик), что свидетельствует о распространении среди неолитических племен скотоводства. О развитии этой формы хозяйства говорят также находки костей домашних животных на некоторых стоянках Припятского Полесья, Поднепровья и Подвинья. Домашнее стадо состояло из коз, овец, крупного рогатого скота, свиньи и лошади.

Таким образом, только к концу неолита на территории Беларуси отчетливо обозначаются признаки производящего хозяйства. Косвенно этот факт подтверждают и данные археологии - широкое распространение на поздненеолитических стоянках рубящих орудий, появление серпов и серпо-видных ножей, мотыг, зернотерок. Но, несмотря на это, основу жизни местных неолитических племен все же составляли присваивающие формы хозяйства.

При высокой емкости биологических ресурсов лесной зоны, продукты питания, полученные путем охоты, рыболовства и собирательства, делали эти занятия вполне рентабельными для обитателей леса. Примером последнего может свидетельствовать тот факт, что на ряде стоянок эпохи неолита Беларуси присутствует от 4 до 25% костей домашних животных. Кроме этого, для жителей лесов эпохи неолита отдельные виды диких животных являлись еще и объектом поклонения, присутствующим среди изображений на керамической посуде, в костяной и кремневой скульптуре. В образе водоплавающей птицы, например, были отражены космогонические представления человека о происхождении Вселенной, связи между миром земным и небесным.

Генезис неолита на территории Беларуси связывается с культурами мезолитической эпохи. На стоянках раннего неолита присутствуют практически все типы орудий, известные в предшествующее время. В качестве критерия «мезолитоидности» ранне-неолитической индустрии используют широкое употребление пластинчатых заготовок для изготовления орудий труда, присутствие черешковых наконечников стрел из пластин, острий ланцетовидной формы, геометрических микролитов - трапеций, треугольников и т.д. Единственное, что отличает коллекции стоянок раннего неолита - присутствие керамической посуды. Именно с находками керамики связывают начало неолитической эпохи на территории Беларуси.

Вообще керамика является одним из гениальных изобретений человечества. Это первое

искус-ственное вещество, использование которого позволило воплотить мир идей в живую реальность, традиции - в историческую память... В переводе с греческого «керамос» означает «глина». Наиболее древнейшие образцы керамической посуды, сделанной от руки, сегодня обнаружены в культурах Сибири и Дальнего Востока. Их возраст оценивается около 12-11 тыс. лет назад.

В Восточной Европе начало использования глиняной посуды относятся к VI тыс. до н.э. В это время она встречается в культурах от Нижнего Подонья и Приазовья на юге Восточной Европы вплоть до верховьев Волги и Валдайской возвышенности на севере. На территории Беларуси на-чало использования керамической посуды относится к середине - концу V - началу IV тыс. до н.э. Заметное единообразие керамики раннего неолита дает основание полагать, что идея ее производ-ства могла быть заимствована местным населением из определенного центра. Хотя не исключают и самостоятельный путь возникновения керамической посуды в среде местных племен неолита, ссылаясь на существовавшие еще со времен палеолита знания о пластических свойствах глины, способности ее меняться под воздействием высоких температур.

На неолитических стоянках Беларуси ранняя керамика представлена сосудами с острым или округлым дном, толстыми (до и более одного сантиметра) стенками. Керамика содержит примеси песка и большое количество растительных остатков, выгоревших при обжиге. В глиняное тесто от-дельных горшков могли добавлять дресву (толченый камень), несколько позже - шамот (частицы раздробленных фрагментов керамики), или толченые раковины моллюсков, как это делали неоли-тические племена, жившие на севере Беларуси.

Форма будущего сосуда создавалась путем налепа глиняных лент одна на другую по спирали. По-верхность сосуда перед нанесением орнамента и его обжигом тщательно выравнивалась расчесами гребня либо многократными ударами дощечки. В отдельных случаях стенки горшка могли покрывать ангобом - жидкой, разведенной до консистенции сметаны, глиной. Керамика раннего неолита укра-шалась орнаментом, состоящим из небольшого числа элементов - в основном из рядов ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, нарезных линий, образующих косую сетку. При этом орнамен-тировалась только верхняя часть сосудов, иногда узоры доходили до средней части горшка.

К концу неолитической эпохи отмечается разнообразие в формах посуды и ее орнаментации. Увеличивается число используемых элементов орнамента, которых может насчитываться до не-скольких десятков. Усложняются мотивы и композиции, образующие горизонтальные пояса из наколов, различные геометрические фигуры - ромбы, треугольники, прямоугольники, и вполне реали-стичные или стилизованные изображения животных (птиц) и человека.

В III тыс. до н.э. в декорировании посуды используются оттиски нити, веревочки, палочки с накру-ченной ниткой на конце («лапчатый» орнамент), что является косвенным доказательством знаком-ства неолитического населения с ткачеством. Истоки этого занятия лежат в богатом опыте плетения корзин и рыболовных сетей. Косвенным подтверждением ткачества также является кососетчатый орнамент на горшках.

В эпоху неолита распространяются способы обработки камня, направленные на создание устой-чивых форм орудий с помощью двухсторонней обработки заготовок, их шлифования, полировки, пиления и сверления. Для изготовления орудий использовали различные породы камня - кварцит, сланец, песчаник. Наблюдается стремление к поиску высококачественного кремневого сырья. Это привело к появлению новых способов его добычи.

Эпоха неолита стала временем зарождения горнодобывающего дела, примером которого явля-ются находки древних шахт на территории Европы, Северной и Центральной Америки. Среди них наибольшую известность получили кремнедобывающие шахты каменного века во Франции (Прессиньи и Шампильоль), Англии (Щюсбери, Гримс-Гревс), Дании (Спиенна), Польше (Кшемёнки Опатовские), Мексике (Гора Ножей). Древние шахты обнаружены и на территории Беларуси у г.п. Крас-носельский и д. Карповцы. Они представляют собой глубокие колодцы округлой формы с боковыми подбоями и штольнями, затрагивавшими кремненосную породу. Во время раскопок шахт найдены орудия древних землекопов: кирки, кайла и роговые клинья. Есть находки жировых светильников. Обнаружены также захоронения в шахтах людей, случайно оказавшихся под обвалом.

Потребность в сырье стимулировала развитие обмена между неолитическими племенами. Он осуществлялся не только ценными породами высококачественного поделочного камня (напри-мер, в Европе - обсидиан с о. Мелос, янтарь с побережья Балтийского моря), но и продуктами питания, редкими раковинами. Это расширило хозяйственные связи и географию общения между неолитическими племенами, снизив их определенную изолированность.

Хронологические рамки неолита в Бе-ларуси определяются серединой - концом V - началом II тыс. до н.э., т.е. с момента появления керамической посуды до расселения сообществ,

знавших металл - медь и бронзу. Население нео-литических культур, проживавших на территории Беларуси, так или иначе, испытывало влияние со стороны своих соседей. В начале неолита это были: культура линейно-ленточной керамики, культура воронковидных кубков, буго-днестровская и верхневолжская культуры. В позднем неолите - культура гребенчато-ямочной керамики, культура шаровидных амфор, отдельные группы круга культур шнуровой керамики, среднеднепровская культура. Остановимся кратко на характеристике материалов неолитических культур, исследованных на территории Беларуси.

В состав днепро-донецкой культуры, или этнокультурной общности, сегодня включают целый ряд локальных вариантов, или близкородственных культур, население которых в конце VI - начале II тыс. до н.э. проживало на территории от Северского Донца на юге до Восточного Полесья на севере. На территории Беларуси памятники этого культурного явления охватывают нижнее и среднее течения р. Припять, низовья р. Березина, правобережье Днепра (до устья Припяти) и выделены в отдельный восточнополесский локальный вариант (культуру).

Начало научной систематизации материалов по днепро-донецкой культуре с гребенчато-накольчатой керамикой было положено в конце 1950-х гг. - 1960-е гг. украинскими археологами В.Н. Дани-ленко и Д.Я. Телегиным. На территории Беларуси стоянки культуры активно изучались В.Ф. Исаенко, на современном этапе - И.Н. Езепенко, Н.Н. Кривальцевичем и А.А. Разлуцкой.

Основная часть днепро-донецких памятников приурочена к речным террасам или дюнным всхолмлениям, расположенным вблизи рек, затоков, озер старинного типа. На территории Беларуси наибольшую известность получили результаты исследования стоянок нижней и средней Припяти у д. Юровичи на оз. Литвин, Дорошевичи, Загорини, Кузьмичи-1, Новоселки, Пхов, Старые Юркови-чи-1. В бассейне Березины - это стоянки Большие Бортники и Василевичи-3; на Днепре - стоянки Борок Семиновский, Верхняя Олба, Прорва-2.

В развитии днепро-донецких древностей исследователи выделяют три этапа, которые приходятся на ранний, средний и поздний неолит. При этом первый и второй этапы развития культуры приходятся на ранний неолит, третий - охватывает средний и поздний периоды. На территории Беларуси начало культуры приходится на середину - конец V - первую половину IV тыс. до н.э. Этот период характеризуется сохранением мезолитических черт в изготовлении орудий труда - черешковых наконечников стрел из пластин, геометрических микролитов (трапеций), микропластин с затупленным краем, ланцетовидных изделий. Основным типом заготовки для производства орудий, в том числе скребов, резцов, проколов, режущих инструментов (ножей), служила преимушественно пластина. Однако уже в середине IV тыс. до н.э. наблюдается появление неолитических типов орудий, форма которых задана путем двухсторонней обработки.

В ранних материалах культуры имеются свидетельства изготовления керамической посуды. Находки керамики обнаружены на стоянках Юровичи-6 и 7, Новоселки-2. Она представлена немногочисленными обломками от лепных толстостенных и остродонных сосудов, в тесто которых добавлены растительные примеси и песок. Внутренняя поверхность сосудов сохраняет следы расчесов гребенки, внешняя сторона оставалась гладкой. В основном декорировалась только верхняя часть горшков: по венчику наносился ряд глубоких круглых ямок, далее шли оттиски мелкогребенчатого штампа, глубокие и длинные наколы в несколько рядов. В отдельных случаях встречается кососетчатый орнамент из нарезных линий. Край венчика некоторых сосудов имеет гофрированный вид, сделанный с помощью пальцевых зацепов. Иногда орнаментировалась средняя и нижняя часть сосудов.

Во второй половине IV - середине III тыс. до н.э. (средний неолит) в технике обработки кремня окончательно угасают мезолитические черты и распространяются неолитические типы орудий. На этом этапе меньше становится орудий из пластин, заметно уменьшается количество черешковых наконечников стрел, трапеций, микропластин с затупленным краем. В качестве заготовки для орудий труда используются отщепы. Распространяются изделия из кремня с двухсторонней обработкой - листовидные и ромбовидные наконечники стрел, топоры и их заготовки, тесла, долота. При этом количество рубящих орудий постепенно начинает увеличиваться.

Изменения происходят в керамике. Заметно уменьшается толщина стенок сосудов. В тесто керамики, кроме песка и растительных примесей, стали добавлять дресву и шамот. Поверхность отдельных сосудов тщательно заглажена. Несколько изменяется стиль орнаментации керамики. Особое распространение получают гребенчато-накольчатые мотивы. Элементами орнамента (пояса из оттисков гребенки, многочисленных наколов и насечек, прочерченных линий) зонирована две трети поверхности горшков.

В конце существования культуры (вторая половина III - начало II тыс. до н.э.) техника

обработки кремня окончательно приобретает неолитические черты. Увеличивается ассортимент орудий, заготовкой для которых служили преимущественно отщепы. На этом этапе распространяются треугольные наконечники стрел и дротиков с двухсторонней обработкой. Среди орудий встречаются многочисленные скребки, резцы, ножи, отдельные из которых использовались в качестве серпов. Представительна серия орудий рубяще-долбящего назначения - топоров, тесел, долот. Топоры обработаны путем двухсторонней обивки с пришлифовкой лезвия или полностью шлифованные.

На позднем этапе культуры керамическая посуда представлена разнообразными по морфологическим сосудами. Среди них наиболее характерны остродонные горшки высокой или низкой формы с выпуклыми или ребристыми боками, отогнутым или сведенным внутрь венчиком, имевшим характерное утолщение по краю и выступ в виде «карнизика» или «воротничка». Отдельные сосуды имеют уплощенное дно. Поверхность горшков тщательно заглажена, в тесте глины присутствуют песок, дресва и шамот. В целом доминируют сосуды, диаметр и высота которых обычно одинаковая (16-20 см). В отдельных случаях есть и крупные экземпляры - диаметр по тулову горшков достигает 40 и более сантиметров.

Две трети поверхности сосуда декорировалась с помощью ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, нарезных линий в виде косой сетки. В орнаментации сохраняется характерная для днепро-днецких горшков зональность. С помощью наколов созданы пояса из горизонтальных линий, различные геометрические фигуры в виде треугольников, ромбов, прямоугольников. Появляются мотивы из оттисков шнура, «лапчатых» наколов, многоваликовые композиции. Среди интересных обломков посуды, найденных в ареале восточнополесского варианта культуры, является фрагмент горшка со стоянки Юровичи-3. Это обломок венчиковой части сосуда, на котором с помощью округлых наколов была создана композиция из стилизованных изображений человека и птицы («мужчина-охотник» и «утка»).

По материалам днепро-днецкой культуры получены некоторые сведения о жилищах. Это остатки наземных или слегка углубленных в грунт построек овальной и прямоугольной формы, ориентированных входом на юг. Размеры жилищ в среднем достигали 10-12 кв. м. Хотя известны, например, остатки прямоугольного жилища площадью до 36 кв. м (Юровичи-3). Внутри постройки или рядом с ней располагался очаг, обложенный камнями. Возле жилищ иногда находят огромные кучи обломков посуды.

Основу жизни днепро-днецкого населения составляли охота, рыболовство и собирательство. На поздних этапах развития культуры было освоено скотоводство и земледелие, о чем свидетельствуют находки соответствующих орудий труда (кремневые серпы, вкладыши от них, серповидные ножи), присутствие в культурном слое стоянок зерен и пыльцы злаков, их отпечатков на стенках сосудов, кости домашних животных. Увеличивается число рубящих орудий, которые, явно, могли использоваться для расчистки площадок под посевы от лесной растительности. Однако в Восточном Полесье присваивающие формы хозяйства, где на первый план вышли охота, собирательство и особенно рыболовство, продолжали сохранять свои устойчивые позиции вплоть до конца существования культуры.

Показательным в этом отношении являются материалы торфяниковой стоянки Кузьмичи-1, расположенной на берегу оз. Кузьминское в Любанском районе Минской области. Это остатки сезонного поселения второй половины IV - конца III тыс. до н.э. Культурный слой памятника исследован на дне древнего озера. Он содержал большое количество керамической посуды, находки расщепленного кремня, орудия труда из него - скребки, резцы, скобели, проколки, ножи, а также изделия из кости и рога (проколки, орудия с заостренным концом, наконечник дротика, округлая подвеска с отверстием, амулет из клыка дикого кабана, рог тура с поперечным круговым надрезом и пробитым отверстием).

На площади стоянки обнаружены многочисленные остатки бревен, палок, кольев, коры деревьев. Системный характер расположения некоторых кольев и бревен дает основание полагать о наличии на стоянке построек. Рядом с ними обнаружены обожженные камни с пятнами копоти на поверхности. Некоторые камни могли использоваться в качестве отбойников.

Обитатели Кузьминского поселения занимались добычей болотной черепахи, дикого кабана, косули, благородного оленя, лося, тура, лесной куницы, бобра, белки, волка, летучей мыши. Объектами охоты также были некоторые виды птиц - серый журавль, кряква, серый гусь, гоголь, глухарь, лебедь-кликун, большая поганка. Ихтиофауна представлена щукой, размеры которой достигали от 0,36 до 1 м, карпом, окунем и карасем. Известны на стоянке и костные останки домашних животных (22%) - свинья, коза, овца, крупный рогатый скот, лошадь, присутствие которых может быть связано с материалами круга культур шнуровой керамики, также известного в Кузьмичах.

В материалах днепро-донецкой культуры известны остатки захоронений человека, обнаруженных на территории Украины (Васильевский, Вовнигский, Мариупольский, Чаплинский и др. могильники).

Они представлены коллективными (родовыми) усыпальницами, совершенными в ямах по обряду вытянутого на спине труположения. Могилы обильно посыпаны охрой. При совершении погребального ритуала в могильную яму клали орудия труда и оружие. На костях сохранились украшения - подвески, бусины из костей и зубов благородного оленя и рыб, пластины из клыков дикого кабана. Есть находки перламутровых бусин. Часть украшений была нашита на погребальную одежду, состоявшую из головного убора, пояса, рубахи и обуви. Наличие возле могил костей животных и битой керамики свидетельствует о совершении ритуальной тризны. Антропологический тип погребенных в могильниках днепро-донецкой культуры соответствует поздним кроманьонцам - высоко-рослым людям с широким лицом и долихокранным массивной формой черепа.

К концу III тыс. до н.э. днепро-донецкая культура прекращает свое существование. Остатки ее культуры продолжали существовать в низовьях Припяти и на Днестре, дожив до 1800-1700 гг. до н.э.

На территории Западной Беларуси и юге Литвы, в северо-восточных районах Польши и северо-западе Украины (Волинь) неолит представляют выделенные здесь припятско-неманская и неманская культуры. Первые сведения о неолитических памятниках этой территории стали поступать еще в XIX - начале XX вв. (Т. Нарбут, З. Глогер, В.А. Шукевич). Отдельные стоянки были изучены польскими археологами в 1920-1930-гг. (В. Голубович), но только после войны благодаря работам Р.К. Римантене, Н.Н. Гуриной, Д.Я. Телегина, М.М. Чернявского и В.Ф. Исаенко окончательно была определена культурная специфика памятников региона. Еще в 1960-е гг. Д.Я. Телегиным были выделены стоянки с керамикой двух типов - Дубичай (по названию стоянки в Южной Литве) и Добрый Бор (Белорусское Понеманье, бассейн р. Щара). Стоянки с каждым типом керамики характеризовали еще и этапы в развитии неолитической культуры Понеманья: ранний период представляли памятники с дубичайской керамикой, поздний - с доброборской.

Дальнейшее изучение материалов позволило Н.Н. Гуриной высказать мысль о существовании в неолите Понеманья особого культурного явления - неманской культуры. На современном этапе изучением неолита Западной Беларуси занимаются В.Л. Лакиза, О.Ю. Ткачев и С.С. Юрецкий.

Памятники припятско-неманской и неманской культур приурочены к водоемам верхнего и среднего течения р. Неман, верховьев Припяти, Западного Буга (низовья реки), среднего течения Вислы. Стоянки расположены на краю речных террас, занимают дюнные возвышенности возле рек, озер и затоков, иногда приустьевые участки водоемов. Основные материалы по припятско-неманской культуре получены на стоянках Белорусского Понеманья (Войковичи-1, Свериново (Куцец), Русаковичи-1, Русаково), Верхней Припяти (Камень-2) и Западного Буга (группа стоянок у д. Каменюки).

На ранних этапах развития культуры кремневый инвентарь сохраняет мезолитический облик. Для производства орудий припятско-неманское население использовало местные породы мелового и моренного кремня. Среди находок широко распространены черешковые, листовидные и треугольные наконечники стрел на пластинах, ланцетовидные острия, острия и микрорезцы яниславицкого типа, трапеции, вкладыши из сечений пластин. Достаточно большой процент орудий из пластин - скребки, резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, развертки, ножи. Встречаются рубящие орудия - топоры овальной и траншевидной формы с лезвием, оформленным поперечным сколом. На отдельных стоянках (Войковичи-1) сохранились орудия из кости и рога - проколки, рубящие орудия, орудия с заострением.

Керамика припятско-неманской культуры представлена лепными толстостенными сосудами (до и более 1 см), имеющими острое, закругленное или шиловидное дно. Горшки характеризуются выпуклыми, в отдельных случаях ребристыми боками и зауженной горловиной со слабо отогнутыми наружу венчиками. Посуда лепилась способом косого, редко торцевого набега глиняных лент одна на другую. В качестве примесей (отошителей) в тесто керамики при лепке добавляли растительность и песок. На стоянках верхней Припяти встречаются примеси толченого камня. Орнаментация сосудов припятско-неманской культуры достаточно проста и не образует сложных композиций. Обычно под венчиком нанесен ряд глубоких ямок, образующих внутри сосуда негативы - так называемые «жемчужины» или «сопочки». Далее идут оттиски гребенки, различного рода насечки и наколы. На отдельных сосудах встречается орнамент из нарезных линий, образующих косую сетку. Перед нанесением орнамента поверхность сосудов выравнивалась расчесами гребенки или покрывалась ангобом с внешней стороны.

В середине IV тыс. до н.э. припятско-неманское население испытало сильное влияние со стороны своих западных и южных соседей - культур «лесного неолита» Польши и культуры воронковидных кубков. В итоге это привело к появлению нового культурного явления - неманской культуры.

Ареал этой культуры практически тот же, что и у припятско-неманской культуры. Наиболее выразительные материалы получены в результате раскопок стоянок Добрый Бор, Камень-2, 6 и 8, Круглица (Лысая Гора), Мотоль-1, Подгорная-4, Русаково. Стоянки расположены на береговых террасах или песчаных возвышенностях вблизи водоемов. На некоторых поселениях сохранились остатки жилищ, овальные или округлые очаги, ямы хозяйственного назначения, места обработки кремневого сырья.

Основными элементами орнамента неманской керамики являлись ямочные вдавления, наколы, нарезные линии, насечки, линейный штамп. С помощью них создавались мотивы и композиции, образующие горизонтальные пояса и различные геометрические фигуры - многоугольники, ромбы, ромбы с крючками, крестовидные фигуры и т.д. В конце существования неманской культуры практически полностью исчезают оттиски гребенки, но появляются примеры использования текстиля (нитей, шнура) в орнаментации керамики. Под венчиком сохраняется ряд глубоких ямок, оставивших выпуклости («жемчужины») на поверхности сосуда. По краю венчика также встречаются отпечатки толстой нити или шнура, которыми «подвязывали» сосуд для поддержания его формы во время лепки.

Неманская культура просуществовала до начала II тыс. до н.э. Появление текстильных элементов орнамента и линейного штампа на керамике неманской культуры свидетельствует о влиянии на нее со стороны культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики, расселившихся на западе Беларуси в середине - конце III тыс. до н.э.

Неманская культура оставлена населением охотников, рыболовов и собирателей. Свидетельством их занятий являются находки соответствующих орудий из кремня, костяные и роговые изделия, палеонтологический материал, собранный во время раскопок некоторых торфяниковых стоянок

возле д. Камень Пинского района на верхней Припяти. Основными объектами охоты «неманцев» были благородный олень, косуля, лось, дикий кабан, медведь, бобр. На роль охоты указывают находки кремневых, костяных и роговых наконечников стрел, дротиков и копий, гарпунов. Среди других орудий из кости и рога встречаются проколки, острия, ножи из расщепленных клыков дикого кабана. Примером рыболовства являются находки костяных рыболовных крючков и глиняных грузил от сетей. Известны отдельные украшения - подвески из зубов животных с простреленным отверстием. Возможно, под влиянием культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики населением неманской культуры были восприняты навыки ведения земледелия (судя по находкам серповидных ножей, значительного числа рубящих орудий, зерен ячменя) и скотоводства (кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади).

Территориально памятники верхнеднепровской культуры охватывают верхнее течение Днепра и особенно бассейн его левого притока - р. Сож, в пределах Могилевской и востока Гомельской областей Республики Беларусь, запада Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. На юге граница верхнеднепровской культуры условно проводится по долине р. Ипуть, на западе она доходит до правобережья Днепра.

Первые сведения о памятниках верхнеднепровской культуры стали известны еще в дореволюционные годы (А.Н. Лоначевский, Н.Ф. Беляшевский, Е.Р. Романов). В 1920-1930-е гг. изучение неолитических стоянок региона вели К.М. Поликарпович, А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, В.Р. Тарасенко и др. Сама культура была выделена в 1960-е гг. И.М. Тюриной, которая обобщила материалы собственных исследований и своего коллеги - украинского ученого И.И. Артеменко. В последующие годы памятники верхнеднепровской культуры раскапывались В.П. Третьяковым, Е.Г. Калечиц, В.Ф. Копытиным, В.М. Чернявским, А.В. Колосовым и др. На современном этапе изучением и систематизацией керамических материалов верхнеднепровской культуры занимается М.И. Ткачева.

Наиболее известными стоянками культуры являются в Посожье - Залесье, Шапотовичи, Добродевка-2 и 3, Дубовый Лог (урочища Мишурова Грива, Федоткина Грива).

Поселения верхнеднепровской культуры расположены на берегах рек или озер старичного типа, занимают края береговых террас или их останцы. Отдельные стоянки были основаны на песчаных всхолмлениях в пойме реки. Культурный слой поселений залегает в песчаных почвах и стратиграфически не выражен, что отрицательно сказалось на сохранности вещей из материалов органического происхождения - кости, рога и дерева. Единственными источниками информации по верхнеднепровской культуре служат находки из кремня, керамики, остатки объектов хозяйственно-бытового назначения (жилища, очаги, ямы).

Сырьем для изготовления орудий служил местный сожский кремнь серого или темно-серого цвета с меловыми вкраплениями. Выходы такого кремня часто распространены непосредственно возле стоянки. Они представляют собой россыпи многочисленных конкреций и их обломков, залегающих в отложениях мела и активно использовавшихся населением верхнеднепровских стоянок в качестве заготовок для нуклеусов и отдельных орудий труда. Встречаются единичные находки из кварцита, песчаника и сланца.

На раннем этапе развития культуры обработка кремня сохраняет черты предшествовавшей мезолитической эпохи. Наглядно это демонстрируют находки наконечников стрел из пластин с выделенным черешком, подправленным плоской ретушью со стороны брюшка, а также пластин-вкладышей, трапеций, некоторых орудий из пластин. Появляется и ряд новых черт, которые в дальнейшем определяют неолитический облик кремневой индустрии «верхнеднепровцев» - изделия с двухсторонней обработкой, увеличение числа орудий из отщепов.

Посуду раннего этапа верхнеднепровской культуры пока реконструировать не удалось из-за плохой ее сохранности. Собранные на стоянках Мишурова Грива и Федоткина Грива керамика имеет пористую структуру, содержит большое количество растительных остатков. На стоянке Федоткина Грива обломки глиняных сосудов практически полностью растворились в культурных отложениях. Как отмечает Е.Г. Калечиц, исследовавшая памятник, керамика из чистой глины превратилась в мазь.

Вместе с тем, судя по сохранившимся и немногочисленным фрагментам, ученые не исключают, что ранняя керамика верхнеднепровской культуры могла иметь острое дно и толстые (до 1 и более сантиметров) стенки. В тесто глины добавляли песок, растительность и толченый кварц. Видимо, горшки раннего этапа верхнеднепровской культуры были украшены небогато и состояли из поясов ямочных вдавлений и оттисков широкозубой гребенки.

Свой окончательный (неолитический) облик верхнеднепровская культура получает на позднем этапе развития. Кремневый инвентарь утрачивает мезолитические черты - исчезают черешковые наконечники стрел, уменьшается количество геометрических микролитов. В качестве заготовки для орудий труда широко используются отщепы, осколки кремня, правда, и пластинчатые заготовки не оставались без внимания «верхнеднепровцев». Для отдельных орудий использовались сработанные нуклеусы и конкреции кремня.

Из отщеповых заготовок делали скребки, резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, развертки, сверла. По сравнению с другими типами орудий скребки численно преобладают. Крупные сколы, конкреции, нуклеусы часто служили заготовками для производства рубящих орудий - топоров, долот, тесел, а также скребловидных изделий. На лезвиях отдельных топоров и тесел, что особенно наблюдается на стоянках III - начала II тыс. до н.э., появляется пришлифовка. Пластины с острым режущим краем служили заготовками для ножей, некоторые из них имели серповидную форму. Из пластин также сделаны отдельные типы острий и проколов. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, дротиков и копий листовидной, треугольной и ромбовидной форм, заданных путем двухсторонней обработки.

Поздний этап верхнеднепровской культуры характеризуется заметным разнообразием керамической посуды и ее орнаментации. Среди керамики встречены широкогорлые горшки, отдельные из которых имеют выпуклые бока, прямой, сведенный внутрь или наружу венчик, острое или округлое дно. В тесто керамики кроме растительных остатков и песка добавлена дресва. Внутренняя (в некоторых случаях еще и внешняя) поверхность горшков заложена расчесами гребенки.

Поверхность верхнеднепровских сосудов декорировалась практически полностью. Как отмечают специалисты, для позднего этапа верхнеднепровской культуры характерно более 100 элементов орнамента, с помощью которых создано более 130 композиций. Наиболее типичными для верхнеднепровских сосудов являются композиции, сочетающие ямочные вдавления и оттиски гребенчатого штампа.

Обычно под венчиком наносился ряд глубоких ямок, которые оставляли внутри негативы. Иногда ямочными вдавлениями могли насквозь прокалывать венчик сосуда. Далее шли пояса из оттисков гребенки в виде косых вертикальных линий или «елочки». При этом гребенчатые мотивы прослеживаются по краю венчика и иногда заходят на его внутреннюю сторону. Край венчиков отдельных сосудов мог дополнительно сминаться пальцевыми зажимами, что придавало ему гофрированный вид.

На поверхность отдельных сосудов нанесены наколы палочкой с накрученной на ее конце ниткой - «лапчатый» орнамент. Внешняя сторона стенок сосуда после орнаментации могла быть частично заглажена, что придавало «лапчатым» наколам каплевидную, а, в отдельных случаях, ромбовидную форму. Ряд фрагментов керамики украшен ямчатыми вдавлениями,

которыми заполнена вся поверхность горшка.

Имеются также фрагменты посуды, орнамент которых состоит из коротких отступающих нако-лов краем лопатки, горизонтальных поясов из разреженных семечковидных наколов, наколов треу-гольной формы и т.д. На отдельных сосудах сохранились сквозные ямки, которые были намеренно просверлены с целью ремонта («сшивания») сломанного сосуда.

1-7 - фрагменты керамики, 8-15 - изделия из кремня.

Характеризуя керамику верхнеднепровской культуры, нельзя обратить внимание на находки со-судов с изображением водоплавающей птицы. На стоянке Рудня-1 (Климовичский район Могилевской области) были обнаружены фрагменты невысокого, сделанного от руки, чашевидного сосуда полуяйцевидной формы с закругленным дном. В верхней части горшка, под венчиком, сохранились изображения водоплавающих птиц, возможно, уток. Они были нанесены с помощью коротких вер-тикальных наколов мелкозубчатой гребенки.

Древний мастер Рудни достаточно выразительно и реалистично передал нам образ птиц, учи-тывая все необходимые пропорции их тела, шеи, головы, крыльев, хвоста и даже лап. Головы птиц повернуты вправо. Основная часть «уточек» имеет небольшие размеры, другая - наоборот, характе-ризуется более крупными пропорциями. Складывается впечатление, что все вместе они образуют ле-тящую стаю, при этом «уточки» малых размеров следует за большими птицами. Ниже под изображе-нием пернатых идет горизонтальный пояс из наколов, символизирующий, очевидно, водную стихию.

Для Посожья находки керамики с орнитоморфной тематикой сделаны впервые. Изображения водоплавающих птиц на руднянской керамике присутствуют неслучайно. В неолитическое время пернатые являлись одним из широко распространенных объектов охоты, дававшей человеку мясо, яйцо, пух и перо. Но вряд ли только охота была мотивом для изображения. Иллюстрация птицы для неолитического человека имела сакральное значение и отражала его представления об окружающем мире. Орнитоморфные сюжеты, воплощенные на керамике (а на других территориях в мелкой художественной пластике, украшениях), закономерно связаны с идеей возникновения Вселенной, где главная роль отводилась птице.

Генезис керамики с орнитоморфными изображениями связывают с культурами финно-угорской общности, а точнее с прибалтийской группой финнов. Водоплавающая птица является централь-ным персонажем в мифологии финно-угорского, а позднее славянского населения лесной полосы Восточной Европы. (Достаточно вспомнить один из ярких примеров финно-угорского эпоса - знаме-нитую «Калевалу», в которой отражена идея возникновения Вселенной из яйца утки.)²⁰¹ В керамике Рудни отражен, вероятно, миф о плодородии - имитация летящей стаи птиц.

Тогда становится очевидной причина использования обитателями стоянки Рудня-1 посуды с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками, острым или закругленным дном, по форме, на-поминавшей яйцо, как первородного символа. Знак «яйца», очевидно, присутствует и среди других мотивов орнамента. Так, на внутренней поверхности дна одного из руднянских сосудов с помощью ямочных вдавлений был создан узор, стилизованный в виде ромба. Такие знаки в придонной части встречаются и на других стоянках верхнеднепровской культуры, изученных в Посожье.

Однако находки керамики с изображением птицы на стоянке Рудня-1 не единственный пример первобытного искусства, отражения религиозных представлений населения верхнеднепровской культуры. На керамике неолитической стоянки Струмень в урочище Нарат сохранилось стилизо-ванное антропоморфное изображение. В коллекции отдельных стоянок (Струмень (Лоша-1), Руд-ня-1, Старый Дедин-4) присутствуют находки фигурного кремня. По своей форме эти изделия на-поминают «рыбу» (Рудня-1) и водоплавающую птицу (Старый Дедин-4).

В жизни верхнеднепровских племен особую роль играли присваивающие формы хозяйства, ос-нованные на добыче диких животных, ловли рыбы, собирательстве. Отсутствие на стоянках орудий из кости и рога оставляет открытым вопрос об основных объектах охоты «верхнеднепровцев». На-ходки терочников для растирания семян и зерен растений являются показателем усложнения соби-рательства. На позднем этапе развития культуры к этим занятиям, очевидно, добавляются земледе-лие и скотоводство, о чем свидетельствуют находки орудий труда (серпы, рубящие орудия, орудия для копания и обработки земли), отпечатки злаков на керамике, стиль орнаментации посуды.

На верхнеднепровских стоянках обнаружены остатки округлых или овальных жилищ, пол кото-рых был углублен в материк на 0,50-1 м. На территории Могилевского Посожья (стоянка Старый Дедин-4, возможно, Рудня-1) встречается тип овальных жилищ-землянок, попасть в которые можно было через пристроенный к ним тамбур (коридор). Внутри жилища или возле него располагались очаги и хозяйственные ямы. Встречаются также остатки

производственных мест по обработке кремня.

В 1950-е гг. Л.Ю. Яанитс и Н.Н. Гурина по материалам стоянок бассейна р. Нарва в Эстонии обнаружили особый тип керамики. Дальнейшее изучение памятников позволило Н.Н. Гуриной в 1960-е гг. выделить отдельную нарвскую культуру. На территории Беларуси материалы по этой культуре введены в научный оборот благодаря работам М.М. Чернявского.

В V-IV тыс. до н.э. ареал культуры охватывал практически всю Восточную Прибалтику, распространялся на юго-западе совр. Ленинградской области, до южного побережья Ладожского озера. Южная периферия нарвской культуры охватывала бассейн р. Западная Двина в пределах Северной Беларуси и запада Псковской области Российской Федерации. Нарвская культура представлена двумя основными типами памятников - остатками поселений и отдельными захоронениями. Поселения обычно располагались на возвышенных берегах водоемов - озер, в устьях небольших рек или у их истоков. Отдельные стоянки с течением времени оказались затоплены водой, что привело к консервации культурных отложений, залегающих в слое торфа, и хорошей сохранности находок из материалов органического происхождения - кости, рога, дерева.

На некоторых стоянках сохранились остатки наземных жилищ четырехугольной формы площадью до 20-35 кв. м. Постройки обычно располагались по линии берега. Стены жилищ возводились из жердей, отдельные постройки имели столбовую конструкцию. Внутри жилища находился очаг, обустроенный на специальной подсыпке из песка, коры и древесной стружки. Кровлей жилища служила двух- или четырехскатная крыша.

Недостаток в каменном сырье компенсировался широким использованием кости, рога и дерева. Именно они дают наглядное представление о повседневной жизни и занятиях нарвского населения. Основу хозяйства нарвской культуры составляли охота, рыболовство и собирательство. Охотники приречных районов специализировались на добыче лесных видов животных - дикого кабана, лося, благородного оленя, косули, медведя, бобра. На морском побережье нарвское население охотилось на тюленя. Верным спутником нарвских охотников являлась собака.

Примером охотничьей деятельности «нарвцев» являются находки охотничьего оружия и его составляющих элементов - многочисленные наконечники стрел из кремня, костяные наконечники стрел и копий биконической, игловидной и листовидной формы, одно- и двухрядные гарпуны, кинжалы. Известны находки луков размером от 0,56 до 1,14 м. На некоторых из них сохранились остатки тетивы. Есть находки деревянных копий длиной до 1,2-1,8 м с заостренным концом, который для прочности дополнительно обожжен на костре. Нарвские охотники в процессе добычи могли также использовать бумеранг и пращу.

Не маловажную роль играло рыболовство, подтверждением чему служат находки костей и чешуи рыб (щука, лещ, сом) и снастей для лова рыбы - рыболовных крючков, поплавков из коры дерева, вершей из лучин хвойных деревьев (сосна), сетей из липового лыка, каменных грузил, обмотанных берестой. В качестве транспорта использовали лодку, выдолбленную из цельного бревна лиственных пород деревьев (например, дуба). Длина отдельных лодок доходила до 8 м (стоянка Сарнате в Латвии). На некоторых поселениях обнаружены весла.

Рацион питания «нарвцев» дополняли продукты собирательства. Единственным источником информации по этому виду деятельности служат находки сохранившейся скорлупы от водяных и лесных орехов и колотушки для их разбивания. Очевидно, в пищу могли использовать корни растений, о чем говорят находки мотыг для копания.

Кость, рог и дерево использовались «нарвцами» для создания целого ряда предметов, необходимых в быту и повседневной жизни - деревянные ковши, ложки, палки-мешалки для приготовления пищи, блюда и сосуды, повторяющие форму керамических, роговые топоры, мотыги для копания, шилья, иглы, в том числе для плетения сетей и т.д.

Керамическая посуда нарвской культуры представлена двумя основными типами - остродонные горшки, напоминавшие по форме половину яйца, и небольшие овальные миски с уплощенным дном, отдельные из которых могли использоваться в качестве ламп. В тесто глины перед лепкой добавляли толченые раковины и растительность, что является одной из характерных особенностей нарвской керамики. Есть свидетельства об использовании в качестве отощителя птичьего помета (стоянка Звизде в Латвии).

В целом сосуды нарвской культуры имеют прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Поверхность горшков снаружи и особенно изнутри выравнена расчесами гребня. Орнамент нарвских сосудов достаточно прост: он состоит из коротких насечек, оттисков гребенки, ямчатых наколов, прочерченных косых линий, линий, образующих сетку.

В материалах нарвской культуры известны остатки захоронений человека. Отдельные из них

исследованы в могильнике Звейниэки (Латвия), есть погребения на стоянке Нарва-1 (Эстония). Мо-гилы устраивали в ямах на небольшой глубине до 0,30-0,40 м. Умерших хоронили на спине головой на запад или восток, иногда на север. Тела умерших обильно посыпали охрой. В могилах присутствуют находки костяных орудий и оружия (гарпуны, наконечники стрел и копий), просверленные зубы хищников, которые явно были нашиты на головной убор. Известно захоронение ребенка в центре жилища на стоянке Сарнате. У ног погребенного был поставлен сосуд.

На территории Беларуси обнаружены остатки поселений. Наиболее выразительные материалы получены в результате раскопок стоянок Заценье, расположенной на р. Цна (бассейн Березины), Сосенка-3 на р. Вилия и Осовец-4 (Кривинский торфяник, Бешенковичский район Витебской области). Возможно, недалеко от стоянки Осовец-4 могли существовать грунтовые захоронения, уничтоженные во время земляных работ.

В качестве сырья для производства орудий использовался разносортный кремнь, принесенный из верховьев Немана и бассейна р. Сож. Среди находок: продукты расщепления кремня и орудия из него - скребки, резцы, проколки, ланцетовидные острия, пластины-вкладыши, наконечники стрел и копий, единичны микролиты (трапеции). Присутствие в коллекциях стоянок ланцетовидных острий, трапеций, орудий из правильно ограненных пластин свидетельствует о сохранении некоторых мезолитических черт в технике обработки камня.

На стоянках нарвской культуры Беларуси обнаружены также находки из кости и рога - наконечники стрел биконической и игловидной формы, костяные кинжалы, шилья, проколки, топоры, тесла и мотыги, гарпуны и рыболовные крючки. В коллекциях стоянок есть находки украшений из зубов диких животных с нарезками в коревой части для подвязывания. Не исключено, что «нарвцы» могли владеть навыками возделывания земли, о чем свидетельствуют находки пыльца зерен пшеницы на стоянке Заценье.

Керамика нарвской культуры, обнаруженная на памятниках Северной Беларуси, представлена остродонными горшками невысокой формы. В тесте керамики присутствуют толченые раковины и растительность. Поверхность сосудов выровнена расчесами гребня и орнаментирована оттисками гребенки, короткими насечками, ямчатыми наколами, прочерченными линиями.

Происхождение нарвской культуры связывают с предшествовавшей ей кундской мезолитической культурой.

Период освоения нарвским населением Северной Беларуси приходится на V - середину IV тыс. до н.э. По радиоуглеродным датам, полученным для стоянок Осовец-4 и Заценье, присутствие нарвской культуры может быть отнесено к началу V тыс. до н.э., что не исключает более раннего появления ее памятников на территории Беларуси.

Дальнейшее развитие традиции нарвской культуры получают во второй половине IV тыс. до н.э. В это время население культуры стало испытывать сильные влияния со стороны пришлой с севера культуры гребенчато-ямочной керамики, что привело к появлению еще одной культуры - усвятской.

Культура выделена в 1970-е гг. А.М. Микляевым по материалам стоянок верховьев Западной Двины в пределах Псковской области - Усвяты-4, Сертея, Наумово. На территории Беларуси памятники усвятской культуры были известны еще в межвоенный период (К.М. Поликарпович). Однако свою огласку это культурное явление получило сравнительно недавно благодаря работам М.М. Чернявского и Э.М. Зайковского. До этого материалы памятников рассматривали в контексте позднего этапа нарвской культуры.

В принципе, как и памятники нарвской культуры, усвятские древности характеризуются практически теми же приемами обработки кремня (камня) и органических материалов. На поселениях присутствуют почти все известные до этого типы орудий из кремня, камня, кости, рога и дерева. Единственное отличие - в усвятской культуре каменная и костяная индустрии окончательно приобретают присущие ей неолитические черты. Поэтому не случайно отдельные исследователи усвятскую культуру рассматривают в качестве локального варианта нарвской культуры и видят в ней продолжение развития традиций этого древнего этнокультурного единства.

Усвятская культура известна по материалам поселений. На территории Беларуси наиболее выразительные материалы получены на стоянках Кривинского торфяника - Осовец-2 (Бешенковичский район Витебской области) и Головск (Кривина-1) (Сенненский район Витебской области), Скема-1 (на одноименной реке, между озерами Мясра и Нарочь, на территории Мядельского района Минской области).

В усвятской культуре известны остатки жилищ площадью до 25 кв. м. Некоторые постройки, возможно, могли быть возведены на сваях. Остатки захоронений в усвятской культуры не

обнаружены, хотя присутствие на стоянках мелких фрагментов человеческих костей и черепа (в Осовце-2 найдена нижняя челюсть), скорее всего, является свидетельством существовавшей практики кан-нибализма среди населения усвятской культуры. Возможно, она осуществлялась при совершении каких-то ритуальных действий.

Каменная индустрия усвятской культуры основана на использовании разного по качеству и цвету кремня, принесенного извне. Недостаток в нем восполнялся либо другими породами камня (кварцита), либо широким употреблением материалов органического происхождения - кости, рога и дерева. Среди находок из кремня (камня) встречаются скребки, резцы, проколки, ножи; листовидные и треугольные с выемкой в основании наконечники стрел, обработанные с двух сторон плоской ретушью; рубящие орудия - топоры, тесла и долота. О технике обработки кремня свидетельствуют находки каменных (кварцитовых, кремневых, роговых) отбойников и ретушеров.

Значительное число находок образуют изделия из кости и рога - наконечники стрел игловидной и биконической формы, наконечники копий, редкозубые и однорядные наконечники гарпунов и острог, кинжалы, рыболовные крючки, шилья и проколки, ретушеры, мотыги, топоры и муфты для вставок кремневых лезвий, долотовидные орудия, орудия с заострением на конце и т.д. Лезвийная часть отдельных орудий пришлифована.

Керамика усвятской культуры представлена остродонными горшками и мисками с коническим, закругленным и слегка уплощенным дном. Венчик сосудов имеет характерное утолщение. В тесте керамики присутствуют примеси толченой ракушки, растительных остатков, дресвы и шамота. Форма будущего сосуда создавалась с помощью глиняных лент, которые накладывались друг на друга встык. Перед обжигом стенки сосуда выравнивались и укреплялись многократными ударами дощечки. Затем поверхность горшка тщательно заглаживались.

Керамика усвятской культуры декорировалась поясами из вертикальных и косых насечек, на-колов, образующих елочные композиции и ромбы, ямчатых и гусеничных вдавлений, оттисков гребенки, прочерченных линий в виде косой сетки. В качестве орнамента использовали край лопа-точки или раковины моллюска, ногтевые вдавления, зубчатый штамп из кости, оттиски шнура или веревочки, что, в последнем случае, говорит о влиянии на усвятскую культуру пришлых групп круга культур шнуровой керамики.

На стоянках Кривина-1 и Осовец-2 обнаружены фрагменты керамики с изображениями водо-плавающей птицы. В Кривине-1 образ птицы передан схематично двойной линией ямчатых на-колов. На стоянке Осовец-2 орнитоморфные изображения выглядят более реалистичными: косыми оттисками широкозубого штампа неолитический художник запечатлел птиц, плывущих по воде, соблюдая пропорции их тела, шеи, головы и хвоста.

Тема водоплавающей птицы присутствует и в мелкой художественной пластике из кости и дерева. Ручки деревянных ковшей и ложек также стилизованы в виде голов птиц. Среди других примеров первобытного искусства следует отметить находки скульптурных изображений змеи, лося, выдры, медведя, рыб и самого человека. На стоянке Осовец-2 обнаружены фрагменты скульптур, сохранивших более-менее реалистичные изображения мужских черт лица.

Предметы искусства дополняются находками украшений - подвесок из зубов диких животных с просверленными отверстиями. Есть украшения из янтаря, принесенного с территории Прибалтики - подвески вытянутой и трапециевидной формы, орнаментированные точками, пуговицы, пронизки, кольца (шайбы). Вещи из янтаря часто встречаются в жилищах близ очага. На территории Беларуси украшения из янтаря найдены на стоянках Осовец-2 и Кривина-1.

Судя по радиоуглеродным датам стоянок Осовец-2 и Кривина-1, усвятская культура в Северной Беларуси развивалась от конца IV - до середины - конца III тыс. до н.э. Она была оставлена на-селением, жизнь которого была основана на эксплуатации природных ресурсов в процессе охоты, рыболовства и собирательства. В конце существования культуры появляются признаки производящего хозяйства. На некоторых стоянках обнаружены кости домашних животных - овцы, козы, быка, свиньи. Находки серповидных ножей из кремня, присутствие пыльцы злаков (пшеница, просо) могут указывать на знакомство населения с земледелием.

Есть мнение, что навыки ведения производящего хозяйства были унаследованы усвятским и поздненарвским населением от пришлой культуры шаровидных амфор и появившихся здесь в середине - конце III тыс. до н.э. групп земледельцев и скотоводов круга культур шнуровой керамики. В итоге это привело к угасанию усвятской культуры, место которой в конце III тыс. заняла северо-белорусская культура.

Материалы этой культуры впервые были описаны в 1930-е гг. финским исследователем А.

Европеусом-Юрпяя. Само же название культуре было дано в 1950-е гг. эстонским ученым Л.Ю. Яанитсом по характерному при-знаку орнаментации керамической посуды.

Ядро культуры гребенчато-ямочной керамики находилось на территории Юго-Восточной Финляндии, Эстонии, Латвии. Оно сформировалось в результате миграций населения с востока - Приладожья, верховьев Волги и Оки. В область распространения культуры также включают совр. Ленинград-скую и Новгородскую области. Ко второй половине IV - началу III тыс. до н.э. население культуры гребенчато-ямочной керамики освоило восток Литвы и появилось в Белорусском Поозерье.

На территории Беларуси начало изучения памятников культуры гребенчато-ямочной керамики восходит к 1960-м гг. и связано с работами И.М. Тихоненкова и М.М. Чернявского. В последующие годы стоянки культуры гребенчато-ямочной керамики изучали М.М. Чернявский, Э.М. Зайковский, Макс.М. Чернявский. Выразительные материалы получены на стоянках Скема-1 и Скема-2, расположенных на р. Скема между озерами Нароч и Мясра в Мядельском районе Минской области, стоянке Кочерги на оз. Мясра, поселении Кронштат на озере Берешча в Лепельском районе и стоянке на оз. Задевское в Поставском районе Витебской области.

Поселения располагались у стоячей воды, на берегах озер или малых рек, в приустьевых участках водоемов. На некоторых стоянках сохранились остатки наземных жилищ овальной или округлой формы с очагом внутри. В центре отдельных жилищ иногда просматриваются следы от опорных столбов, поддерживавших кровлю - стены жилища, сходящиеся под определенным углом к потолку. Известны остатки открытых кострищ и очагов, рядом с которыми располагались хозяйственные ямы.

На площади поселений находят многочисленные орудия из камня (кремня), в меньшей мере из кости и рога. Среди кремневых орудий встречаются концевые, двойные и округлые скребки, угловые и ретушные резцы, проколки, ножи, наконечники стрел овальной, листовидной и ромбовидной формы, заданной путем двухсторонней обработки, наконечники копий, топоры овальной формы, тесла. Заготовками для орудий служили в основном отщепы и редко пластины, которые шли на изготовление режущих орудий. Заметно стремление использовать высококачественный кремнь и другие породы камня - кварц (скребки, проколки), сланец (рубящие орудия) и песчаник (пилки).

В материалах культуры гребенчато-ямочной керамики известны находки костяных и роговых орудий - биконические наконечники стрел с выделенным черешком, кинжалы, ножи, шилья, иглы для вязания сетей, мотыги. Среди деревянных изделий можно отметить находки ковшей, колотушек, есть полавки из коры и бересты. На стоянках и в отдельных захоронениях найдены украшения из зубов животных, шиферные кольца. Есть находки из янтаря - плоские кольца (шайбы) и пуговицы с V-образным отверстием.

Посуда представлена горшками яйцевидной формы с закругленным дном. Край венчиков утолщен и сведен внутрь сосуда. В тесто глины при лепке сосудов добавляли песок и дресву (обычно толченый кварц). Перед обжигом поверхность посуды тщательно заглаживалась, затем наносился орнамент.

Основными элементами орнамента являлись оттиски гребенки, округлые или овальные ямки конической формы, что дало культуре соответствующее название. С помощью этого, казалось бы, элементарного набора оттисков создавались не столь простые композиции орнамента. Наиболее типичные из них - это попеременно чередующиеся пояса из оттисков гребенки и ямочных вдавлений. Встречаются также мотивы из зигзагообразных линий, диагональных полос, ромбов. В качестве элементов для этих «фигур» использовались все те же гребенка и ямки. На отдельных сосудах встречаются изображения водоплавающей птицы и человека.

С появлением культуры гребенчато-ямочной керамики произошли заметные изменения в этно-культурной ситуации. Считают, что население этой культуры оказало заметное влияние на целый ряд культур эпохи неолита лесной полосы Восточной Европы. Материалы отдельных из них известны на территории Беларуси. Распространение во второй половине IV - начале III тыс. до н.э. на нарвской, а затем усвятской глиняной посуде мотивов из гребенчатых и гусеничных оттисков, венчиков с характерным утолщением является прямым доказательством воздействия со стороны культуры гребенчато-ямочной керамики. И наоборот: примесь толченой ракушки в керамике, следы расчесов на внутренней поверхности сосудов демонстрируют очевидные влияния нарвской культуры на культуру гребенчато-ямочной керамики. Результатом этого культурного взаимодействия, как мы помним, стало появление в Западном Подвинье усвятской культуры.

О характере межкультурных связей свидетельствуют грунтовые захоронения культуры гребенчато-ямочной керамики. Умерших хоронили по обряду вытянутого труположения.

Могила обильно посыпала охрой, в отдельные захоронения клали вещи - орудия труда и оружие из кремня (камня), украшения. Изучение костных останков показало, что погребенные в могилах люди сочетали в себе черты мезокранного антропологического типа с монголоидной примесью (здесь этот тип является преобладающим) при участии долихокранного. Первый тип - мезокранный - представляет людей с широким, несколько уплощенным, средневысоким или низким лицом. Этот тип связывают с по-томками населения, проживавшего на западе Приладожья. Долихокранный тип, соответствующий европеоидам с высоким лицом, связывают с местной нарвской культурой.

Племена культуры гребенчато-ямочной керамики входили в область формирования финно-угор-ской этнокультурной общности. Их рассматривают в качестве предка западной (прибалтийской) вет-ви финнов. Присутствие этой этнической группы фиксируют сохранившиеся до сих пор на севере Беларуси многочисленные топонимы финно-угорского происхождения. Свою роль в генезисе при-балтийской группы финнов могло сыграть и население усвятской культуры.

Не исключено, что с появлением культуры гребенчато-ямочной керамики следует связывать распространение орнитоморфной тематики. Позднее древний миф о водоплавающей птице будет запечатлен не только в мелкой художественной пластике или украшениях, но и финно-угорском эпосе о сотворении мира и Вселенной.

Племена культуры шаровидных амфор - в конце IV - III тыс. до н.э. занимали огромные пространства Цен-тральной и Восточной Европы: от междуречья Эльбы и Вислы на западе до верховьев Днепра на востоке. Северная граница культуры шла вдоль побережья Балтийского моря, охватывая Ютлан-дию и бассейн р. Неман. Южная периферия памятников культуры шаровидных амфор ограничива-лась междуречьем рр. Прут и Серата (притоки Дуная). В территориальном отношении памятники культуры шаровидных амфор известны в Германии, Польше, Беларуси, Юго-Западной Литве, Лат-вии, Северной Украине, Чехии и Румынии.

Культура выделена в 1900 г. немецким археологом А. Гётце по характерному типу керамической посуды - сосудов с округлым туловом и короткой шейкой; на плечике могут сохраняться два - четы-ре ушка для подвешивания горшков. Материалы культуры шаровидных амфор встречены на двух основных типах памятников - поселениях и погребениях. Поселения располагались на возвышен-ных участках холмов; некоторые из них дополнительно были укреплены по периметру. На площади поселений обнаружены остатки наземных прямоугольных жилищ столбовой конструкции или полу-землянок с обмазанными глиной стенами. Постройки состояли из двух, в отдельных случаях трех помещений. Общая площадь жилищ составляла от 14 до 50 кв. м. Внутри жилищ обнаружены остат-ки очагов, обложенных камнями.

Погребальные памятники представлены одиночными захоронениями или могильниками, со-стоящими из двух - пяти погребений. Захоронения совершены в ямах, обложенных камнями или в цистах - своеобразных ящиках, сложенных из каменных плит. Умершие погребены по обряду скорченного трупоположения. Известна также неполная кремация тел покойников. В могилах встре-чаются находки керамических сосудов, кремневых топоров, украшений. Известны примеры риту-ального захоронения домашних животных.

Основу хозяйства «шаровидников» составляли скотоводство, основанное на разведении сви-ней, крупного и мелкого рогатого скота. лошади; и земледелие, связанное с возделыванием окультуренных злаков. Вспомогательную роль играла охота на копытных животных - благородного оленя, лося, дикого кабана.

По материалам поселений и захоронений культуры шаровидных амфор известны находки на-конечников стрел треугольной, листовидной и ромбовидной форм, шлифованные клиновидные топоры четырехугольного сечения (отдельные орудия имеют просверленные отверстия), узкие долота, скребки, резцы, ножи, проколки, зернотерки. Встречены вещи из кости и рога - топоры, моты-ги, кинжалы, веретеновидные наконечники стрел и дротиков, стамески, иглы. Население культуры шаровидных амфор было знакомо с медью, о чем свидетельствуют находки шильев и кинжалов. Встречаются также украшения из меди, янтаря, просверленных зубов диких животных и раковин.

Керамика культуры шаровидных амфор представлена горшками, кубками, мисками. Особенно выразительны со-суды с шаровидным туловом, плоским или округлым дном. Поверхность керамики украшена вертикальными и диаго-нальными оттисками линейного (прямоугольного) штампа, наколами концом полого и округлого в сечении орнамента (трубчатой кости или палочки), насечками, вдавлениями пальцев. Позднее в декоре посуды стали использоваться оттиски шнура. С помощью этих элементов орнамента соз-давали композиции в виде горизонтальных линий, фесто-нов, треугольников.

На территории Беларуси исследованы пока только по-гребения культуры шаровидных амфор.

Они известны благодаря открытию в 1971 г. М.В. Веретило и М.М. Чернявским грунтового могильника из четырех захоронений у г.п. Крас-носельский (Волковысский район Гродненской области) и одиночного погребения, уничтоженного во время земляных работ, у д. Малые Ёдковичи Берестовицкого района Грод-ненской области. В одной из Красносельских могил обнаружено ритуальное захоронение домашних животных - девяти быков, двух овечек, козы, свиньи. Анализ костных остан-ков показал, что некоторые животные были убиты ударом в лоб, а один бык - двумя стрелами (костяные наконечники этих стрел найдены в захоронении). В захоронении Малые Ёдковичи обнаружены фрагменты керамики, кремневые из-делия и кости свиньи.

Существует мнение, что к культуре шаровидных ам-фор также может относиться захоронение, обнаруженное в 1860 г. в усадьбе Зыково недалеко от д. Острошицы (Логойский район, Минская область). Вскрытая здесь могила была устроена в яме, обложенной камен-ными плитами. В ней находилось четыре погребальных урны с остатками кремации и клиновидный топор из кремня.

Для производства орудий население культуры шаровидных амфор использовало местные ис-точники кремневого сырья. Именно с ними связывают начало разработки шахт по добыче кремня в середине III тыс. до н.э. Такие места разработок обнаружены в бассейне р. Россь у г.п. Красно-сельский и д. Карповцы. Они представляют собой вертикальные колодцы диаметром около 1,5 м, вырытые на глубину до 2-3 м в зависимости от уровня залегания кремненосной породы. При этом часть добытых кремневых желваков, очищенных от меловой породы, выносилась на поверхность или подвергалась обработке прямо в самих шахтах. Об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки очагов и кучи расщепленного кремня, найденные на дне вырытых колодцев.

Стенки выработок сохраняют многочисленные царапины и борозды от землекопных орудий, следы подбоев. Во время исследования шахт такие орудия были найдены - кирки, кайла, копа-чи.

Иногда шахты, расположенные рядом, соединялись штреками - горизонтальными коридорами. Встречены также следы от деревянных стволов с обрубленными сучьями, по которым древние шах-теры могли спускаться в шахтовый колодец или выбираться из него.

Насколько трудоемким был процесс добычи кремневого сырья, об этом свидетельствуют ре-зультаты экспериментальных исследований. Установлено, например, что для выемки всего 1 м куб. грунта с помощью тех орудий, которыми пользовались древние шахтеры, и в зависимости от характера выносимой на поверхность породы, затрачивалось от 4 до 8 часов упорной работы. Выясни-лось также, что разработка шахтового колодца начиналась деревянными кольями с заостренным и укрепленным на огне концом. Кирки и кайла использовали в выборке желваков из кремненосной породы и разработке подбоев.

В районе действия шахт обнаружены остатки мастерских, в пределах которых находится огром-ное количество отщепов, пластин, нуклеусов, отбойников, заготовок для орудий - топоров, тесел и долот и др.

Мастерские и шахты эксплуатировались и в более позднее время. Во второй половине III - на-чале II тыс. до н.э. добыча и переработка кремневого сырья велась населением круга культур шнуровой керамикой. С приходом «шнуровиков» на территорию Беларуси начинается этап рас-селения племен индоевропейского происхождения. К их числу относят отдельные группы населе-ния, проживавшего в Западном Полесье и Понеманье. В бассейне р. Неман выделены отдельные локальные группы памятников типа Бершты-Русаково и подгорновского типа. Традиции круга куль-тур шнуровой керамики отчетливо проявляются в материалах среднеднепровской культуры, рас-пространенной в Припятском (Восточном) Полесье и Верхнем Поднепровье. «Шнуровики» оказали влияние на местное население Белорусского Подвинья, что нашло свое отражение в памятниках выделенной там северобелорусской культуры.

Осваивая пригодные для жизни пространства, пришлые группы населения несли с собой новый уклад жизни, подчиненный системе ведения скотоводческо-земледельческого хозяйства. С кругом культур шнуровой керамики, по сути, заканчивается история каменного века и начинается новый период, связанный с употреблением вещей из меди и бронзы.

Таким образом, в неолитическую эпоху проис-ходят важнейшие изменения в жизни человеческого общества. Они связаны с изобретением кера-мики, распространением ткачества, овладением навыками земледелия и скотоводства. Однако на территории Беларуси эпоха неолита имеет ряд особенностей. Одним из главных признаков неолита здесь считается появление керамической посуды - лепных сосудов остродонной формы, украшенной поясами ямочных вдавлений, оттисков гребенки, наколов, насечек, нарезных линий и т.д. Ис-пользование посуды открыло перед неолитическим человеком возможности

хранить запасы продуктов питания, улучшить качество приготовленной на костре пищи путем ее варки.

Изучение неолитических памятников на территории Беларуси и полученных на них находок, в первую очередь керамической посуды, позволило исследователям охарактеризовать отдельные культурные явления. Эпоху неолита представляют материалы днепро-донецкой культуры, неманской культуры, верхнеднепровской культуры, нарвской культуры, усвятской культуры. Судя по находкам, очевидны влияния со стороны отдельных неолитических культур Центральной и Восточной Европы - культуры линейно-ленточной керамики, культуры воронковидных кубков, буго-днестровской культуры, верхневолжской культуры, культуры гребенчато-ямочной керамики, культуры шаровидных амфор, круга культур шнуровой керамики и среднеднепровской культуры.

На протяжении эпохи неолита основу хозяйства проживавшего на территории Беларуси населения составляли охота, рыболовство и собирательство. Однако уже в начале нового каменного века на юго-западе страны фиксируются первые признаки земледелия, в появлении которого свою роль могли сыграть соседние земледельческо-скотоводческие племена. Дальнейшее укоренение производящих форм хозяйства отмечается в III тыс. до н.э. с появлением на территории Беларуси скотоводов и земледельцев культуры шаровидных амфор и круга культур шнуровой керамики.

ЭНЕОЛИТ. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В 4 тысячелетии до н.э. люди научились изготавливать орудия из металла. Первым металлом была медь, появление которой не привело к исчезновению каменных орудий. Медь была слишком редким и слишком мягким материалом, чтобы вытеснить камень. Поэтому начальная пора эпохи металла носит название медно-каменного века или энеолита.

Век металлов на территории Беларуси начался с эпохи бронзы (2 тысячелетие - VII в. до н.э.). Но на территории Белоруссии нет ни меди, ни олова, необходимых для получения бронзы. Из-за отсутствия здесь месторождений меди и олова, сплавом которых является бронза, эти металлы, а также готовые бронзовые изделия поступали на территорию Беларуси с Кавказа и Прикарпатья в результате межплеменного обмена.

Археологическим признаком местного производства бронзовых изделий являются находки тиглей, в которых плавилась бронза, льячек, которым она разливалась, и формочек, в которых отливались вещи.

Из бронзы изготавливали топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий, серпы, украшения, всевозможную утварь. Но существенных изменений в технике тогда не произошло. Бронза, как и медь, не могла вытеснить камень, который по-прежнему оставался основным материалом для изготовления орудий производства и оружия. Обработка камня достигает в этот период наивысшего совершенства. По-прежнему преобладали орудия труда из кремня, но они значительно улучшились. Кремень и другие пригодные для изготовления орудий труда и оружия породы камня не только шлифовали, но и пилили, сверлили. По мнению археологов, в бронзовом веке был изобретен сверлильный станок - второе после лука сложное механическое приспособление.

Вместе с тем с бронзовым веком связан ряд очень существенных перемен в хозяйстве и общественных отношениях. Утверждение скотоводческого хозяйства привело в общественных отношениях к замене матриархального строя патриархальным. Главою рода и семьи становится мужчина.

Хотя на территории Белоруссии нет своей сырьевой базы для бронзовой металлургии, сопутствующие бронзовому веку новые явления в хозяйственной и общественной жизни племен нашли здесь свое отражение в археологическом материале.

На территории Белоруссии в бронзовом веке известно несколько культур скотоводческих племен. Бок о бок с ними продолжали существовать неолитические культуры с прежним охотническо-рыболовческим укладом. Распространение новых культур сопровождалось значительной сменой этнического состава населения.

В бронзовом веке территорию Беларуси, вытесняя и ассимилируя местное финно-угорское население, постепенно заселили индоевропейцы - предки большинства современных народов Европы. Они пришли из Малой Азии (территория современных Турции, Сирии и Ирака). Археологи считают, что индо-европейцы являются носителями культуры "шнуровой керамики", или "культуры боевых топоров". На территории Беларуси ученые выделяют несколько культур бронзового века: среднеднепровскую, шнуровой керамики Полесья, северо-белорусскую, прибалтийскую и др.

Основными занятиями индоевропейских племен было оседлое скотоводство и

подсечно-огневое земледелие. Основным орудием была борона-суковатка. В эпоху бронзы начался переход к пашенному земледелию. Недалеко от д. Каплановичи Клецкого района найдены остатки деревянного рала. В тот период выращивали черновые и бобовые культуры. Переход к земледелию способствовал совершенствованию орудий труда, стимулировал хозяйственную деятельность людей. По-прежнему в жизни населения важное место занимали присваивающие формы хозяйства - охота, рыболовство, собирательство.

Важное место в хозяйственной жизни занимали промыслы (ткачество, изготовление глиняной посуды, обработка металла, кости, дерева, камня), на основе которых позже возникли ремесла. Постепенно складывались слои людей, которые специализировались на изготовлении различных изделий.

В бронзовом веке развивался обмен. Территория Беларуси являлась частью так называемого "янтарного пути" (из Прибалтики на территорию Украины, Восточного Средиземноморья).

В связи с возрастанием роли мужчины в хозяйственной жизни, он занял ведущее место в обществе. Окончательно утвердились счет родства и передача наследства по отцовской линии. Матриархат был вытеснен патриархальным (отцовским) родом. Возникло имущественное расслоение.

В бронзовом веке на территории Восточной Европы шел процесс распада индоевропейской общности и формирование новых этнокультурных общностей, которые положили начало германцам, балтам, славянам.

В конце III - начале II тысячелетия до н. э. на территорию Верхнего Поднепровья проникают и расселяются скотоводческо-земледельческие племена эпохи бронзы. Местное население некоторое время сосуществует с пришлыми племенами, но затем постепенно ассимилируется ими.

Как показали исследования И. И. Артеменко, первоначальной областью обитания среднеднепровских племен было правобережье среднего Поднепровья в пределах Киевской и Черкасской областей. Там находятся наиболее ранние памятники этой культуры, представленные курганами с трупоположениями. Инвентарь курганов представлен керамикой и каменными сверленными топорами. Наиболее характерной формой сосудов являются горшки с шаровидным туловом, невысокой прямой, отогнутой наружу шейкой и круглым или уплощенным дном. Орнамент представлен отпечатками шнура и нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды, елочные композиции и опущенные вниз вершиной заштрихованные треугольники. Дальнейшее развитие описанного типа сосуда идет по линии удлинения шейки и усложнения орнамента.

Каменные топоры относятся в основном к трем различным видам — клиновидным, ромбическим и обушковым. Все они имеют просверленное отверстие для насаживания на деревянную рукоятку.

На территории Белоруссии памятников раннего этапа нет. Все известные памятники среднеднепровской культуры здесь относятся к позднему этапу. Они несколько отличаются от южных памятников этой поры. Сосуды среднеднепровской культуры, поэтому их выделяют в особый днепро-деснинский вариант позднего этапа среднеднепровской культуры.

Поселения этой культуры расположены в поймах рек на песчаных дюнах или останцах, по краю боровой террасы, на высоких мысах, часто на площади предшествовавших им поздненеолитических поселений. Это были небольшие поселки, застроенные наземными, по-видимому, деревянными жилищами, внутри которых обнаруживаются выложенные из камней открытые очаги.

На поселениях найдена керамика, кремневые скребки, ножи, скребла, наконечники стрел, клиновидные топоры, каменные зернотерки, растиральники, сверленные топоры. Раскопкам были подвергнуты поселения в урочищах Завалье, Иванское, Борок Семиновский у с. Лучин Рогачевского района, в урочище Ксендзова Гора, возле Быхова Могилевской области и в некоторых других местах. Культурный слой там составляет в среднем 0,30...0,35 м.

Погребения днепро-деснинского варианта позднего этапа среднеднепровской культуры представлены курганными и грунтовыми могильниками с обрядом трупоположения и трупосожжения.

Курганные могильники с трупоположением располагаются на плато, в пойме реки или по краю надпойменной террасы.

Насыпи курганов в плане имеют круглую форму диаметром от 12 до 30 м. Высота их от 0,45 до 3 м. Захоронения встречаются либо в насыпи кургана, либо на горизонте, либо в яме под курганом. Последний обряд встречается чаще других. В курганах бывает от одного до четырех захоронений. Могильные ямы имеют глубину от 0,5 до 2 м. Сверху они перекрывались деревянным накатником, поверх которого насыпалась зола. В некоторых

курганах были прослежены остатки каких-то деревянных сооружений над могильными ямами. Иногда, прежде чем вырыть погребальную яму, раскладывался костер, и обжигалась земля. Огню, очевидно, приписывалась очистительная сила. В сохранившихся остатках кострищ встречались кости домашних и диких животных, а также обожженные речные раковины, которые следует рассматривать как остатки тризны. На дне могил прослежены остатки дерева, подстилки из камыша или бересты, подсыпки золой, а в некоторых курганах — красная минеральная краска охра.

Наиболее распространенными являются курганные захоронения с положением костяка на левом или на правом боку с согнутыми ногами. Для области Верхнего Поднепровья характерна ориентировка погребенного головой либо на север, либо на юг. Южнее распространена ориентировка на запад. В этом, возможно, следует усматривать существование двух локальных вариантов памятников позднего этапа среднеднепровской культуры.

Обычно погребения сопровождались разнообразным инвентарем: глиняной посудой, каменными и медными орудиями труда, оружием и украшениями. В одном из курганов были найдены следующие вещи: глиняный сосуд, медный топор, наконечник копья и две очковидные подвески, четыре кремневых ножа, клиновидный топор, 27 наконечников стрел, сверленный боевой топор, обломок топора, полировальная плита, отщеп кремня, янтарная подвеска, костяная проколка. Но наряду с такими встречаются погребения, содержащие мало вещей или вообще без них. Это свидетельствует о существовании имущественной дифференциации у племен среднеднепровской культуры. Курганы с трупосожжением изучены хуже.

На позднем этапе среднеднепровской культуры распространился обряд погребений в грунтовых могилах.

Судя по составу находок, одновременно существовали обряды трупоположения и трупосожжения. Никаких локальных особенностей не замечено. Инвентарь погребений однообразен и состоит из посуды, каменных и медных орудий труда, оружия и украшений. Грунтовые погребения с трупоположением известны на территории Белоруссии у совхоза «Вейна» около Могилева, у с. Велятичи Борисовского района Минской области, у с. Горожа и с. Ставище Осиповичского района, у с. Большая Зимница Славгородского района Могилевской области. Однако эти могильники были обнаружены при случайных земляных работах и раскопкам не подвергались.

Важным определяющим признаком среднеднепровской культуры является своеобразная керамика. Предметы позднего этапа значительно отличаются по формам и орнаментации от сосудов раннего этапа. Эти различия прослеживаются и между южным киевским и северным днепро-деснинским вариантами позднего этапа среднеднепровской культуры, выделяющимися также различной ориентировкой погребенных.

В керамическом материале можно выделить пять групп. К первой относятся сосуды, встреченные пока только на поселениях. Они толстостенные и плоскодонные, имеют округлое тулово и прямую отогнутую шейку. Тесто песчанистое с большим содержанием кварцита. Обжиг неравномерный. Цвет сосудов красновато- и серовато-коричневый. Орнамент имеется обычно только в верхней части и состоит из отпечатков веревочки, линейного и зубчатого штампа, палочки, обмотанной тонкой веревочкой, и нарезных линий, образующих заштрихованные треугольники, елочные композиции, горизонтальные и диагональные ряды.

Вторая группа представлена тонкостенными круглодонными и плоскодонными сосудами, насчитывающими не менее пяти различных форм. Поверхность сосудов желтого и серого цвета, как правило, всегда хорошо заглажена. Для орнамента, выполненного отпечатками веревочки и нарезными линиями, характерны мотивы заштрихованных треугольников с соприкасающимися сторонами. Сосуды второй группы встречаются как на поселениях, так и в погребениях. Однако более характерны они для погребений. Наиболее распространенной формой этой группы керамики является горшок с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном и высокой отогнутой наружу шейкой. Другая форма представлена сосудами с удлиненно-округлым туловом, короткой хорошо выраженной шейкой. Затем имеются сосуды колоколовидной формы с низкими угловатыми плечиками, широкой шейкой, с круглым или небольшим плоским дном. Новую форму составляют сосуды с шаровидным туловом и короткой, слегка отогнутой шейкой. Наконец, имеются открытые плоскодонные сосуды с короткой прямой, отогнутой наружу шейкой и округлыми плечиками.

К третьей группе керамики, одинаково представленной в материалах поселений и могильников, относятся плоскодонные сосуды баночной формы с расширяющимися кверху прямыми стенками.

Четвертую группу составляют круглодонные сосуды с прямыми стенками без шейки.

В пятую группу входят плоскодонные сосуды цилиндрической (бокаловидной) формы. Однако они, по-видимому, характерны для киевского варианта среднеднепровской культуры.

Изделия из металла немногочисленны. Сделаны они, как показал спектральный анализ, из кавказской бронзы и меди юго-западного (прикарпатского) происхождения. Найдены шилья, медный нож, близкий по типу к катакомбным и северокавказским ножам, медные топоры. Один топор имел кавказскую вислообушную форму, другой — ладьевидную.

Оружие представлено также медным наконечником копья с листовидным пером и круглой литой втулкой, на которой имеются два отверстия для закрепления наконечника на древке. Из украшений известны очковидные привески, височные кольца и браслеты с суживающимися и заходящими друг за друга концами.

Большую группу находок составляют изделия из камня, который по-прежнему был основным материалом. Тремя типами представлены сверленные топоры: обушковым, лопастным и ладьевидным. Более всего распространены обушковые, менее всего — ладьевидные. Последние, по-видимому, вообще не характерны для среднеднепровской культуры. Найдены также ножи, наконечники стрел и копий, скребки, большие песчаниковые плитки, на которых производилась полировка каменных и костяных изделий.

Среди изделий из кости — пронизи из трубчатых костей, украшенные винтовой нарезкой, подвески-амулеты из зубов животных, молотчкообразные костяные булавы, известные в памятниках катакомбной культуры. Следует отметить также подвески из прибалтийского янтаря, имеющие близкие аналогии в памятниках культуры шаровидных амфор.

Анализ всей совокупности материалов свидетельствует о том, что основу хозяйства племен среднеднепровской культуры составляло домашнее скотоводство (найлены кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади и свиньи) и земледелие.

О занятиях земледелием свидетельствуют найденные обломки зернотерок, каменная мотыга, а также отпечатки выгоревших зерен пшеницы, обнаруженные на некоторых сосудах. Можно предполагать, что земледелие существовало в форме подсечно-огневой системы.

Конечно, определенную роль в хозяйственной жизни среднеднепровских племен по-прежнему играли охота и рыболовство, дополняемые собирательством. Судя по остаткам костей, охотились на оленя, кабана и бобра.

Археологические материалы указывают на широкие связи среднеднепровских племен с прибалтийскими племенами культуры шаровидных амфор, с волынскими племенами мегалитической культуры, племенами катакомбной культуры, а через них — с Северным Кавказом. Видимо, тесные связи осуществлялись и с племенами фатьяновской культуры.

В общественном строе, несомненно, господствовали патриархально-родовые отношения с уже достаточно заметной имущественной дифференциацией. Для идеологии характерны господство культа солнца и огня, вера в загробную жизнь.

Вопрос о происхождении среднеднепровской культуры пока еще является объектом дискуссии. Поскольку среднеднепровская культура входит в область распространения среднеевропейских «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», которые большинством лингвистов, археологов и антропологов рассматриваются в качестве культур одной из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев, — вопрос о ее происхождении теснейшим образом связан с общей проблемой происхождения индоевропейских народов.

Теперь представляется бесспорным, что на территории Белоруссии племена среднеднепровской культуры были пришлыми. Это отнюдь не означает, что новая культура не впитала в себя некоторые элементы местных культур.

В начале II тысячелетия до н. э. в юго-западной Белоруссии в Полесье распространяются памятники особого варианта культуры шнуровой керамики, сочетающие в себе элементы висло-неманской и днепровских групп памятников со шнуровой керамикой, которые связываются большинством ученых с древнейшими индоевропейскими племенами.

Полесская группа памятников шнуровой керамики выявлена, но еще не изучена. Поселения племен, оставивших эти памятники, занимали песчаные всхолмления, заболоченные поймы рек и приозерные дюны. Могильники пока не обнаружены.

Наиболее характерным элементом культуры является керамика. По характеру глины и манере орнаментации можно выделить две группы керамики. Для первой характерны тонкостенные, хорошо обожженные сосуды коричневого цвета. В глине содержатся значительные примеси песка и мелких зерен кварца. Внутренняя поверхность сосудов хорошо сглажена. Орнамент состоит из отпечатков шнура, реже — мелкого гребенчатого

штампа. Иногда в орнаментации сочетаются оба эти элемента. Имеются сосуды с небольшими ушками.

Другую группу керамики составляют сосуды, изготовленные из желто-красной глины, содержащей примесь песка. Они имеют более толстые тщательно заглаженные с обеих сторон стенки. В орнаменте отличительным элементом является подкововидный отпечаток шнура, сопровождающийся обычно горизонтальным шнуровым орнаментом или косыми отпечатками тонкого гребенчатого штампа.

Частой находкой в области распространения памятников шнуровой керамики являются каменные топоры, но они, как правило, найдены при случайных земляных работах, не связанных с археологическими раскопками. Можно предполагать, что большая их часть относится к эпохе бронзы.

Каменные шлифованные топоры представлены двумя основными типами: клиновидными широкообушными и ромбовидными с усеченным обухом. Такие топоры очень характерны для висло-неманской группы культур шнуровой керамики. Встречаются также ромбовидные двухлезвийные топоры. Возле д. Хорево найдена каменная мотыга. Часты находки кремневых клиновидных шлифованных топоров с толстым обухом. Из каменных орудий можно также отметить серповидные кремневые ножи и наконечники копий.

В середине II тысячелетия до н. э. на территории припятского Полесья распространились памятники тшинцевой культуры, которые вскоре получают преобладание в такой степени, что предшествующие там были обнаружены отдельные бронзовые изделия среднеевропейских форм. Так, недалеко от Новогрудка на правобережье Немана были найдены бронзовые ножи, кельт, меч и др. Можно отметить, что преимущественно ко II тысячелетию до н. э. относится распространение на той территории керамики, покрытой штрихами, хорошо известной в литовских памятниках этого времени.

Железный век на территории Беларуси

Около середины I тысячелетия до н. э. племена, населявшие территорию Белоруссии, вступили в эпоху железного века. Наиболее ранние свидетельства появления здесь железа относятся к VII—VI вв. до н. э. и встречены в южной Белоруссии. Древнейшие памятники железного века центральной, северной и северо-восточной Белоруссии пока ограничены V—IV вв. до н. э.

Началом железного века считают открытие и широкое распространение эффективного способа получения железа из бурых железняков, озерных, болотных, луговых и других руд посредством так называемого сыродутного процесса.

Известно, что железо, исключая метеоритное, не встречается в природе в чистом виде. Получить его можно только из руд, в которых оно находится в состоянии окисления. Несмотря на повсеместную распространенность различных железных руд, способы выделения металлического железа долгое время оказывались недоступными из-за высокой температуры плавления железа (1530°C). Только в конце эпохи бронзы появились специальные печи, в которых путем нагнетания воздуха удавалось получить температуру около 1200°C. Этого уже было достаточно, чтобы расплавить всевозможные примеси, содержащиеся в железной руде.

Печи для получения железа называют домницами. Конструкция их различна. На городище Кимия был обнаружен очень примитивный и, по-видимому, наиболее ранний тип печи, представлявший собой яму около 1 м диаметром, обмазанную глиной. Сильная обожженность глины и обилие шлаков, разбросанных вокруг ямы, свидетельствуют о ее назначении. Поскольку никаких следов приспособлений для дутья не выявлено, можно предполагать, что приток воздуха к печам подобного типа был естественным, для чего печи располагались на подветренных местах. По мнению Б. А. Рыбакова, такая печь не имела особых преимуществ по сравнению с обычным очагом.

Классическая домница представляет собой полое сооружение, сбитое из глины или сложенное из камня и обмазанное глиной, с одним или несколькими отверстиями в нижней части, куда вставлялись глиняные трубки-сопла, соединенные с воздуходушными мехами. Процесс получения в такой домнице железа представляется в следующем виде.

Руда предварительно обжигалась на костре и механически измельчалась. Затем она перемешивалась с древесным углем (получали его, вероятно, в угольных ямах) и загружалась в домницу. В результате неполного сгорания угля образовывалась окись углерода, которая, поднимаясь вверх, нагревала вышележащие руду и уголь и вступала в реакцию с окисью железа, отнимая от нее кислород. Происходил химический процесс, обратный окислению — восстановление окиси железа в металлическое железо. Порода руды шлакировалась, плавилась и стекала на дно домницы. Сам же металл только размягчался, образуя пористую массу — крицу, состоящую из слипшихся зерен железа и пропитанную некоторым количеством шлака. Для достижения и поддержания высокой температуры в печи и для нормального хода процесса восстановления необходимо было постоянное искусственное нагнетание воздуха — дутье.

По окончании дутья печь разбирали или выламывали отверстие внизу для извлечения металла. Полученное железо еще не было пригодно для употребления. Его предстояло очистить от шлака и уплотнить. Это достигалось проковкой.

На основании опыта физического моделирования сыродутного процесса, сделанного недавно археологами, можно предполагать, что выход металлического железа из руды составлял больше 20%.

Хорошо сохранившаяся наземная домница была открыта на Лабенском городище недалеко от Минска. Печь была сделана из глины. В плане она имела округлую форму с внутренним диаметром 60 см, толщиной стенок 5... 10 см. Верх печи был сводчатым. Почти на уровне земли имелись горизонтальные отверстия для сопел.

При определенных условиях в сыродутной печи или кузнечном горне в результате дополнительного науглероживания могла получаться сырцовая сталь. Качество ее можно было значительно улучшить многократным нагреванием и проковкой.

Железный век сравнительно быстро установился на территории Белоруссии. Специальные археологические обследования, проведенные в 30-х годах белорусскими археологами А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем, установили, что почти на каждом поселении той поры существовала местная обработка железа.

Железо имеет преимущества перед всеми другими материалами. Твердость и повсеместная распространенность обеспечили ему быстрое господство. Развитие бронзовой металлургии, как известно, зависело от наличия местного сырья или от организации его подвоза. Отсутствие местного сырья сдерживало развитие на территории Белоруссии связанной с бронзой экономики. Нерегулярность поступления и ограниченность путей, по которым бронза попадала на территорию Белоруссии, в значительной мере объясняют различия в экономической географии отдельных районов в ту эпоху. В железном веке все племена в этом отношении оказались в равных условиях: железная руда есть везде. Железо смогло окончательно вытеснить камень и обеспечить условия для развития хозяйства. Именно в железном веке произошла быстрая и повсеместная смена господствовавшей до этого на большей части Белоруссии древней экономики, основанной на охоте и рыболовстве, экономикой производящей, в которой сначала повсеместно заметно преобладание скотоводства, но в дальнейшем на передний план постепенно выдвигается земледелие. Развитие земледельческого хозяйства сильно сдерживалось малым плодородием белорусских почв, представленных главным образом подзолами, супесями и суглинками, а также обилием лесных пространств. Тем не менее, имеются неоспоримые свидетельства раннего появления пашенного земледелия на территории Белоруссии. Так, возле д. Каплановичи Несвижского района Минской области в торфянике на глубине 1,5 м было найдено кривоградильное рало с горизонтальным ползуном, сделанное целиком из дубовой рассохи. Длина грядиля — 2,3 м, ползуна — 60 см. В пятке ползуна имеется сквозное круглое отверстие, в котором должен был крепиться стояк с рукояткой.

Рала подобного типа найдены в торфянике в Брянской области, в болотах Польши, Северной Германии, Дании, Северной Ютландии и южной Швеции. Анализ пыльцы с некоторых рал позволил отнести их к самому началу железного века. В южной Швеции имеется наскальное изображение кривоградильного рала, приводимого в действие с помощью запряженных в ярмо двух быков. Этот рисунок относится к бронзовому веку. Есть основания считать, что

рало применялось для перекрестного вспахивания, при котором поле не нуждается в усиленном бороновании. Земледельческое хозяйство быстрее развилось в южных районах Белоруссии, что, возможно, объясняется более древними традициями здесь местных производящих хозяйств, восходящих еще к эпохе бронзы. В начале железного века сохраняется, таким образом, известное различие в хозяйственном развитии между отдельными областями Белоруссии.

В эпоху железа почти все орудия труда были заменены железными. Из железа изготавливались топоры, серпы, ножи, долота, оружие, украшения и т. п. Но особое значение, несомненно, имел железный топор, ставший в известной мере технической предпосылкой развития земледелия в лесных районах. С помощью железного топора стало возможным расчищать под пашню обширные лесные пространства. Сложилась так называемая подсечная система земледелия. Срубленные на корню деревья высушивались и сжигались. Зола давала земле удобрение. Почва разравнивалась и немного взрыхлялась бороной-суковаткой. Во многих местах землеобработка ограничивалась заборонованием семян в золу сгоревших деревьев. На таком поле урожай снимался в течение пяти-шести лет, после чего оно забрасывалось и подготавливалось новое поле.

Основным земледельческим орудием в лесных районах считается соха, снабженная железным наконечником — сошником. В южных районах Белоруссии получил распространение плуг с железным лемехом и череслом — специальным ножом для разрезания дерна. Но оснащенные металлическими наконечниками соха и плуг, как свидетельствуют имеющиеся археологические материалы, стали широко применяться на территории Белоруссии в основном в I тысячелетии н. э. Обычными находками, связанными с земледелием, являются железные серпы и каменные зернотерки. При раскопках в Белоруссии поселений железного века найдены зерна проса, пшеницы, гороха, вики. Есть основания предполагать выращивание в это время корнеплодов, в частности репы.

И земледелие, и скотоводство были теснейшим образом связаны между собой.

Появление железных орудий вызвало значительный прогресс в обработке кости, дерева, кожи, цветных металлов. Несомненный шаг вперед сделала строительная техника. К железному веку, очевидно, восходят первые срубные дома. Хотя дерево при раскопках, как правило, почти не сохраняется, можно предполагать, что оно широко использовалось для различных хозяйственных и бытовых нужд.

Значительно большее развитие по сравнению с предшествующим периодом получил внутри- и межплеменной обмен. На территории Белоруссии найдены вещи, происходящие из Западной Европы, Причерноморья, берегов Балтики. Особенно тесные связи прослеживаются с латенской культурой Западной Европы.

Развитие производительных сил в железном веке, успехи земледелия и скотоводства повлекли за собой важные изменения в общественных отношениях. Прежде всего, по-видимому, совершился быстрый переход к отцовскому роду на территориях с предшествующим неолитическим бытом. Сами патриархальные порядки переживают интенсивную эволюцию от становления (на отдельных территориях) и расцвета до разложения и гибели. Этот процесс шел неравномерно, но повсеместно. Новая, более высокая ступень в развитии производства создавала условия для накопления известных богатств в руках небольших коллективов внутри родовой общины. Это вело к ее разложению, к выделению численно более мелких групп, ставших основными хозяйственными единицами. В раннем железном веке такой основной хозяйственной единицей стала большая патриархальная семья.

Дальнейшее развитие характеризовалось неравномерным распределением общественных богатств среди отдельных семей. Выделяются семьи богатые и семьи бедные. Складывавшиеся между ними отношения были отношениями господства и подчинения, долгое время прикрываемые некоторыми родовыми формами и общинными традициями.

В железном веке участились столкновения между отдельными общинами, родами и племенами. Археологическим свидетельством этого является появление небольших укрепленных поселений — городищ, ставших на целую тысячу лет господствующей формой поселений. Обитателями таких городищ были главным образом отдельные патриархальные семьи.

Железо стало основным материалом, из которого изготавливали оружие: наконечники копий и стрел, кинжалы, мечи, боевые топоры. Постоянное стремление поддерживать военное оснащение на уровне современных требований было причиной того, что новый металл, по мнению некоторых археологов, нашел применение в военном деле раньше, чем где бы то ни было. Железное копье и меч предшествовали железному плугу и серпу.

Военные столкновения и связанные с ними грабежи способствовали росту имущественного неравенства. С другой стороны, постоянная угроза нападения со стороны соседей заставляла племена спланиваться в сильные крупные союзы. На последнем этапе первобытнообщинного строя возникает специальная организация для войны в форме специфического общественно-политического строя — военной демократии.

В культурно-историческом отношении территория Белоруссии в эпоху железного века не была единой. Она была поделена между несколькими различными археологическими культурами. Племена, принадлежащие к этим культурам, находились в разные времена в разных отношениях друг с другом.

Для начального периода железного века Белоруссии, продолжавшегося приблизительно до рубежа нашей эры, характерна относительная устойчивость племенных границ. После бурных событий эпохи бронзы заметных перемещений больших масс населения не наблюдается. Сложившиеся границы между отдельными археологическими культурами оставались в общем постоянными.

На рубеже нашей эры в южной Белоруссии распространилась новая культура железного века. Носители ее, по-видимому, ассимилировали прежнее население. Северные племена оказали пришельцам сопротивление и отстояли в основном свою территорию. Положение вновь на некоторое время стабилизировалось.

В середине I тысячелетия н. э. этой устойчивости приходит конец. Археологические материалы вновь убедительно свидетельствуют о бурных процессах перераспределения территории Белоруссии между союзами племен. Это нашло отражение в смене культур, типов поселений и т. д. Эпоха больших передвижений сопровождалась сменой этнического состава населения на значительной части территории Белоруссии.

Железный век в Белоруссии, как, впрочем, и в других местах, был временем сложных этногенетических процессов. Если в предшествующее время в этногенетическом процессе преобладала дифференциация племен, дробление их на более мелкие, но родственные в той или иной мере группы, то теперь, особенно в период распада первобытнообщинного строя, вероятно, преобладали обратные процессы объединения различных этнических групп — интеграция и ассимиляция. Этнические единицы укрупнялись.

Вопросы этногенеза чрезвычайно сложны и теоретически еще не достаточно разработаны. Не всегда отдельные детали формирования тех или иных этнических групп улавливаются археологами. В эпоху железа в отдельные моменты внешние культурные влияния оказывались столь значительными и археологически столь заметными, что за ними было трудно уловить этнические культурные особенности.

В процессе объединения разнородных племен многие культурные особенности, присущие им до объединения, постепенно сглаживаются, хотя сложившаяся в результате интеграции новая культура обычно имеет заметный отпечаток той культуры, которая до объединения была более развитой и более сильной.

При ассимиляции одной культуры другой обычно сохраняются основные признаки культуры-победительницы. Но и прежняя культура не исчезает бесследно. Некоторые ее элементы дают о себе знать, придавая культуре-победительнице локальное своеобразие. Иногда при известных исторических условиях этот местный культурный субстрат получает новое развитие, подготавливая почву для последующей дифференциации.

Вопросы этнической истории народов не могут решаться на базе только одних археологических источников. Археологическая культура не всегда совпадает с этносом. Хорошо известно, что одна этническая группа может быть представлена несколькими археологическими культурами. Так, фракийские, кельтские, германские, восточно-иранские,

балтийские и, несомненно, славянские племена оставили по несколько археологических культур.

Далеко не всегда удается установить этническую принадлежность носителей той или иной археологической культуры, располагая одними археологическими материалами. Только имея бесспорные свидетельства генетической связи между археологической культурой исторически известных племен и культурой их непосредственных предшественников, можно ретроспективно объединять их в этническом отношении. Но такие генетические связи не всегда прослеживаются: слишком сложны сами этногенетические процессы и слишком специфичен археологический материал, отражающий их. К тому же часто между археологическими культурами, последовательно сменяющими друг друга на определенной территории, обнаруживаются хронологические разрывы, не заполненные пока достаточными для генетических наблюдений археологическими источниками. Все сказанное полностью относится к этноархеологической карте Белоруссии эпохи железа.

Основой этноса, как известно, является язык. Ни кремневый нож, ни черепок от глиняного сосуда сами по себе не скажут, на каком языке говорили их создатели. В решении этногенетических проблем громадная роль принадлежит лингвистике. Даже от периода, который для отдельных территорий, например для Белоруссии, был бесписьменным, удастся извлечь лингвистический материал, дающий представление о языке, на котором говорили племена, обитавшие на той или иной территории. Их язык, пусть в сильно трансформированном виде, запечатлелся в географических названиях рек, озер и т. д. Изучением происхождения географических названий и их истолкованием занимается отдел лингвистики — топонимика. Речные и озерные названия изучает гидронимика. Современная лингвистика в состоянии не только установить принадлежность тех или иных гидронимов к определенной языковой группе, но и выявить их диалектные особенности, т. е. провести племенное членение этнически родственного населения.

Как показали исследования гидронимов Белоруссии, территория ее в течение железного века не оставалась неизменной в этническом отношении. Приблизительно до середины I тысячелетия н. э. почти вся территория Белоруссии была занята племенами, оставившими гидронимы балтийского языкового происхождения. В середине I тысячелетия н. э. начинают распространяться славянские гидронимы.

Эти изменения в этническом составе населения территории Белоруссии, как отмечалось выше, зарегистрированы и археологическим материалом. Такая взаимная проверка одних и тех же явлений данными различных наук придает историческим выводам достоверность.

Ценным источником в решении вопросов этногенеза являются данные антропологии и этнографии, в которых тоже нашло отражение различие в этническом составе племен, обитавших на территории Белоруссии.

Таким образом, путь к решению этногенетических проблем лежит через комплексное изучение и сопоставление между собой данных археологии, лингвистики, антропологии и этнографии. В последующих главах, посвященных характеристике археологических культур в железном веке на территории Белоруссии, ареалы археологических культур будут сопоставлены с гидронимической картой и там, где это возможно, с данными антропологии.

Железный век — последний дописьменный период в истории Белоруссии. Установление связи археологических культур этого времени с исторически известными народами — задача исключительной важности, значение которой трудно переоценить. История современных народов удревняется на целую эпоху, создаются необходимые предпосылки для поисков их этнических истоков в еще более древних культурах бронзового века. С археологическими культурами железного века связана одна из животрепещущих проблем происхождения, развития и территориального оформления восточнославянских народов.

Милоградская культура сложилась и распространилась на значительной части юго-восточной Беларуси. Ее западная граница лежит в устье Горыни, северная — южнее городов Слуцка, Жлобина и Чечерска, восточная — по среднему течению Ипути. На юге эта культура распространяется далеко за пределы Белоруссии, доходя до Киева и верховьев южного Буга.

Своеобразие южнобелорусских городищ отмечал еще А. Н. Лявданский (в 20-х...начале 30-х годов), но исследование милоградских памятников началось по существу с 1951 г.

Свое название культура получила по имени пос. Милоград в Гомельской области, где в раскопанном городище она была представлена в наиболее чистом виде.

На территории Беларуси милоградская культура охватывает период с середины VI в. до н. э. по I в. н. э. Наибольшее количество датирующих находок приходится на IV... II вв. до н. э. Ранний этап датируется некоторыми булавами, ажурной бляхой гольтштатской формы, железным оружием в виде тесла или пластинчатого топорика с двумя выступами. Позднюю дату дают сарматские и позднелатенские аналогии: средне-и позднелатенские фибулы, браслетообразные височные подвески, прорезные колокольчики и др.

Украинские памятники милоградской культуры в основном принадлежат к более раннему времени, относясь непосредственно к эпохе бронзы.

Милоградская культура известна по поселениям и могильникам. Поселения представлены городищами и селищами, но преобладают городища. Селища, как правило, встречаются вместе с городищами, хотя на Припяти известны селища без городищ.

Большая часть городищ устраивалась на мысах. С напольной стороны они укреплялись валом и рвом. Высота вала достигала 2,5-3 м. Часто городища имели несколько валов и рвов. Некоторые городища относятся к типу «болотных».

Жилища обычно слегка углублены в материк (0,15...0,5 м), имеют квадратную, прямоугольную, круглую или овальную в плане форму, площадью в 12... 16 м² и рассчитаны на одну семью. Для всех раскопанных жилищ характерна одна интересная деталь — выступ возле одной из стен или в углу. При раскопках прослеживаются ряды ям от столбов стен. Перекрытие поддерживалось центральным столбом. В удлинённых больших жилищах таких столбов было несколько. Почти возле каждого дома сооружался небольшой хозяйственный погребок, возле одной из стен или в углу которого, как и в жилищах, устраивался характерный выступ. Внутри жилищ сооружался открытый очаг, обнаруживаемый обычно в виде скопления пережженных камней.

Погребения милоградской культуры открыты недавно, а изучены в самое последнее время. Господствующим обрядом было сожжение покойника. Тщательно очищенные от углей пережженные косточки складывались в неглубокую (в среднем 0,6 м) ямку диаметром от 0,5 до 1,5 м, преимущественно круглую в плане. Известны также овальные или удлинённые ямы, ориентированные обычно с северо-востока на юго-запад. Большинство погребений не содержит вещей. Из 70 могил, исследованных в д. Горошков Речицкого района, только в 15 найдены черепки разбитых сосудов, отдельные бронзовые и железные предметы и пряслица. В 10 погребениях имелись лишь небольшие скопления обломков сосудов. С погребальным обрядом связаны находки в некоторых могилах камней, отдельных кремневых орудий, охры, зубов жертвенных животных. Рядом с погребениями находят иногда следы тризны.

Могильники располагались возле поселений, иногда в пределах укрепленной части между внешним и внутренним валами (Горошков). В одном случае погребения обнаружены на жилой площадке городища рядом с жилищами (Мохов I).

Есть основания предполагать, что на раннем этапе милоградской культуры наряду с обрядом трупосожжения существовало и трупоположение. Так, на юге Белоруссии у д. Дубой в устье р. Горыни Ю. В. Кухаренко был раскопан курганный могильник VI...V вв. до н. э. с трупоположениями и трупосожжениями. В курганах найдены сосуды милоградских форм и форм, характерных для высоцкой культуры.

Керамика милоградской культуры весьма своеобразна и отличается общим архаичным обликом, в котором достаточно заметны традиции эпохи бронзы. Вся она сделана от руки. Преобладают яйцевидные или шаровидные горшки и глубокие миски. Часть сосудов имеет невысокую шейку и прямой или отогнутый наружу венчик, другие — вообще без венчика с прямым или загнутым внутрь краем. Для ранних этапов милоградской культуры более характерны удлинённые, яйцевидные и тюльпановидные сосуды, а также сосуды с плоским и уплощенным дном. Позже сосуды приобретают более округлые формы.

Хронологические различия можно проследить в орнаментации сосудов. На ранних типах орнаментация более разнообразна. Характерен так называемый жемчужный орнамент в виде

выпуклостей на внешней поверхности, орнамент из ногтевых и пальцевых вдавлений, расположенных чаще всего в один ряд по шейке сосуда или под венчиком. Со временем орнамент упрощается и на поздних сосудах часто вообще отсутствует.

Интересную группу изделий из глины составляют милоградские грузики («пряслица»), отличающиеся необыкновенным своеобразием. Очень распространены грузики, имеющие форму милоградских сосудов, а также крестовидные. В орнаментации грузиков часто встречаются мотивы, характерные для тшинецко-комаровских и более ранних сосудов эпохи бронзы.

Орудия труда, происходящие из милоградских памятников, достаточно разнообразны. Найдены железные проушные топоры, серпы, теслообразные мотыжки, ножи с горбатой спинкой, долотообразные изделия, шилья, иглы. На Горошковском городище найден клад железных земледельческих орудий.

Из предметов вооружения больше всего найдено наконечников стрел. Для местной культуры характерны железные плоские листовидной, треугольной или ромбической формы наконечники без черешка, найдены также скифские бронзовые трехгранные стрелы. Из нетипичных находок следует отметить скифский железный меч и дротик латенского типа. В качестве оружия могли, конечно, использовать и обычные топоры.

Одной из отличительных черт милоградской культуры является крайне ничтожное количество изделий из кости, которая представлена здесь главным образом проколками и рукоятками к металлическим орудиям.

Милоградские украшения довольно разнообразны. Из железа, бронзы и серебра изготавливались браслеты с замкнутыми, разомкнутыми и заходящими концами. Поверхность их иногда орнаментировалась зубчиками и ложной зернью. По сечению различаются браслеты круглые, овальные и многопроволочные.

Бронзовые и железные булавки представлены не менее чем 6 типами. Наиболее распространена булавка с головкой в виде петли, заканчивающейся 5-видным завитком.

Найдены ранне-, средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные, трапециевидные и треугольные подвески, спиральные, конические и полушаровые серьги, колокольчики, бляхи. Как можно судить по многочисленным находкам серпов, зернотерок, двухсторонних секирок, мотыжек и других орудий труда, основу хозяйства милоградских племен составляло земледелие. На стенке одного сосуда сохранился отпечаток зерна пшеницы. Есть основания предполагать существование пашенного земледелия.

Анализ остеологического материала говорит о значительной роли скотоводства. Наибольшее количество найденных костей домашних животных относится к крупному рогатому скоту. Обнаружены также кости лошади, свиньи, мелкого рогатого скота, собаки. Дикие животные представлены в значительно меньшем количестве.

На многих поселениях отчетливо выявляются следы занятий населения железообработкой, литьем, рыболовством, деревообработкой, прядением и ткачеством. О разделении труда внутри родовой общины свидетельствует погребение с разбитыми литейными формами, раскопанное на Моховском I городище. Возможно, что здесь был захоронен общинник, специализировавшийся на изготовлении бронзовых предметов.

Возможно, импортной западноевропейской вещью является железная бритва, напоминающая латенские образцы. Едва ли местной следует считать железную плетеную цепь от уздечного набора, найденную на одном из милоградских памятников. Несомненно с юга были завезены наиболее часто встречающиеся синие глазчатые бусы. По мнению исследователя милоградской культуры О. Н. Мельниковской, импортные изделия более тяготеют к югу и западу. Связи с севером и Балтикой прослеживаются значительно слабее.

Патриархально-родовой строй у племен милоградской культуры уже обнаруживает некоторые признаки разложения.

Источники, раскрывающие систему верований милоградцев, довольно ограничены. Можно отметить, что многие милоградские грузики покрыты знаками, характерными для солярных и

астральных культов. Возможно, культовый характер присущ и глиняным фигуркам животных (главным образом, коня) и различным амулетам: клыкам животных, просверленным астрогалам, рыбным позвонкам, гальке. Находки в ряде погребений обломков человеческих черепов без всяких признаков сожжения дают основание предполагать существование культовой антропофагии.

В ряде своих элементов милоградская культура обнаруживает черты сходства с предшествующими ей тшинецкой и комаровской культурами бронзового века, проявляющиеся в близости форм некоторых сосудов, грузиков, их орнаментации и в деталях погребального обряда. Это может рассматриваться как свидетельство существования генетической связи между ними.

По мнению О. Н. Мельниковской, милоградская культура выросла на основе одного из вариантов тшинецко-комаровской культурной общности. Основная область формирования культуры находилась на территории Украины, где располагаются наиболее ранние милоградские памятники и отсутствуют памятники поздней поры. В области к северу от Припяти наблюдается иная картина. Основной комплекс милоградских древностей приходится здесь на средний и поздний этапы существования этой культуры. Следовательно, можно сделать вывод о переселении милоградских племен из южных районов в более северные.

Однако нет оснований отрицать вероятность участия в формировании милоградской культуры культур поздней бронзы Белоруссии. Так, нельзя не обратить внимания на близкое совпадение ареалов милоградской и сосницкой культур и наличие у них некоторых общих культурных элементов. К тому же сосницкая культура, как уже отмечалось выше, относится к одному с тшинецкой и комаровской кругу памятников.

Окончательное решение этого вопроса будет зависеть от успехов в изучении белорусских памятников эпохи бронзы позднейшей поры.

Милоградская культура прекращает существование в I в. н. э., и дальнейшая судьба племен, создавших ее, еще не ясна. На рубеже н. э. культура эта подвергается сильному воздействию со стороны зарубинецкой культуры.

Этническая принадлежность и историческое имя милоградских племен не могут быть установлены на основании археологических материалов. Исследователь этой культуры О. Н. Мельниковская отождествляет милоградские племена с неврами, описанными Геродотом (V в. до н. э.). В качестве аргумента она выдвигает факт совпадения их ареалов и времени существования. Прослеженное археологически передвижение милоградских племен к северу, по ее мнению, возможно, подтверждает указание Геродота о вытеснении невров из области их первоначального обитания «змеями». Существование в белорусском фольклоре волчьего культа сопоставляется некоторыми исследователями с замечанием Геродота о превращении невров один раз в году в волков.

Территориальная и типологическая связь ранних милоградских памятников с тшинецко-комаровским комплексом, сложившимся в области распространения древнейшей славянской топонимики, ставит вопрос о возможно славянской принадлежности милоградских племен. Однако эта точка зрения оспаривается рядом исследователей, указывающих на то, что ареалы милоградской культуры вписываются в область распространения балтийских гидронимов.

Большая часть средней Беларуси в раннем железном веке была занята культурой штрихованной керамики, впервые выделенной в 20...30-е годы А. Н. Лявданским. Наиболее характерной чертой культуры является весьма своеобразная «орнаментация» сосудов: внешние, а иногда и внутренние поверхности их покрывались сплошной штриховкой пучком соломой или травы по необожженной глине. Направление штрихов в целом беспорядочное, хотя можно отметить преобладание вертикальной и диагональной штриховки. Эта особенность керамики настолько заметна и устойчива, что позволила не только легко определить ареалы культуры, но и дала название самой археологической культуре. В своем чистом, неосложненном другими культурами виде область «штрихованной керамики» вписывается в следующие границы: на севере — верховья рек Диены, Ушачи, Улы, Березины; на востоке — течения рек Друти до низовьев Березины. На юге граница поворачивала к городам Слуцку и Клецку.

Западная граница культуры проходила приблизительно по Неману. Памятники штрихованной керамики имеются в Литве и в несколько своеобразном варианте — в Латвии и Эстонии. За пределами этой основной области культуры штрихованной керамики встречается в смешении с памятниками других культур, что объясняется, с одной стороны, нестабильностью границ между различными культурами, с другой — взаимовлиянием их друг на друга. Исследование городищ со штрихованной керамикой началось в 20...30-е годы. Наиболее крупные раскопки до войны были проведены на Банцеровском городище под Минском, где вскрыто свыше 200 м² площади. В 1948...1955 гг. проведены обследования и раскопки на городищах Лабенщина, Збаровичи, Новоселки, Киния, Старая Рудица, Качановичи, Августово, Некасецк, Вязинка, Малышки и Каменка. Вопрос о хронологии памятников культуры штрихованной керамики еще не вполне разработан. По мнению основного исследователя этой культуры А. Г. Митрофанова, наиболее ранние памятники пока датируются III...II вв. до н. э., что отнюдь не исключает предположения о более древнем возрасте культуры в целом. Возможно, по времени возникновения она синхронна милоградской. Поздние памятники культуры штрихованной керамики относятся к IV...V вв. н. э. Культура штрихованной керамики пока известна только по поселениям. Они были укрепленные и неукрепленные. Археологически изучены городища, располагавшиеся на естественно защищенных мысах, отдельных холмах, на крутых берегах рек и озер. Замечено, что на раннем этапе существования культуры городища не имели искусственных оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Примером может служить одно из самых ранних городищ этой культуры — Августовское. Однако вполне возможно, что по краю городища обносились деревянной оградой. Следы такой стены были обнаружены при раскопках городища в Вязинке. Позже стали сооружаться валы и рвы, окружавшие поселение иногда в несколько рядов. Валы устраивались на площадке городища, внизу у его подножья или на склонах. На гребне вала иногда сооружалась деревянная стена из толстых горизонтальных бревен, закрепленных между вертикальными столбами. В пределах основной области распространения культуры до сих пор не обнаружены погребальные памятники, синхронные поселениям. По наблюдению А. Г. Митрофанова, городища культуры штрихованной керамики располагались группами по 2...4 поселения в каждой. По-видимому, каждая группа принадлежала отдельному роду. В ранних поселениях жилые постройки возводились по краю площадки городища. В центре располагались хозяйственные сооружения. Во фрагментах штрихованной керамики. В II...III вв. н. э. жилая застройка производится также и в центральной части поселений. Характерным для культуры типом жилища был большой наземный деревянный дом, разделенный на несколько помещений, площадью 22...25 м².

Весьма своеобразный план имело большое жилище, обнаруженное Митрофановым на городище Вязинка. Оно состояло из трех неодинаковых помещений. Самым крупным было южное помещение, имевшее длину не менее 11,0 м и ширину — 4,4 м. К северной стене его вплотную примыкали еще два помещения. Северо-западное имело размеры 5,2х5,0 м, северо-восточное — 6,3х5,0 м. Большие прямоугольные постройки (18х7 м) Малышкинского городища строго членились на четыре приблизительно одинаковых помещения. Конструкция стен, по-видимому, была различна. На Збаровичском городище основу стен, по мнению Митрофанова, составляли вертикальные столбы, служившие также опорой перекрытия. На других памятниках отсутствие достаточного количества столбовых ям вдоль стен построек дает основания предполагать иной характер приемов домостроительства. Очень возможно, что из поселений культуры штрихованной керамики происходят древнейшие в Белоруссии постройки срубного типа.

Примечательной особенностью построек культуры штрихованной керамики является часто обнаруживаемое обмазывание стен глиной. Остатки глиняной обмазки с отпечатками дерева в некоторых случаях дают точный план исчезнувших построек. В этом смысле особый интерес представляет замечательный комплекс идеально спланированных построек, вскрытый раскопками Митрофанова на городище Малышки. По-видимому, все помещения внутри большого малышкинского дома были жилыми, так как в них обычно удается проследить остатки открытых очагов, сохранившихся местами чуть ли не в своем первоначальном виде. Конструкция очагов была очень устойчивой: несколько приподнятый край из камня или глины придавал очагу круглую или овальную форму длиной 1,4...1,5 м, шириной 1,2...1,3 м. Внутренняя планировка жилищ отличалась большой стабильностью. Так, в жилищах Малышкинского городища в каждом помещении обнаружено по 3...4 очага, которые за время долгого существования построек были последовательно возведены точно один над другим. Внутри некоторых жилищ на уровне очагов встречались площадки из выложенных в один ряд камней, многие из которых были расколоты и сильно обожжены. Скопления камней в поселениях штрихованной керамики — явление довольно обычное. Особенно много их по краям площадок городищ. Почти на каждом исследованном городище

обнаруживаются следы обработки железа. На поселениях близ Лабенщины, Свидна, Кимии и других были найдены остатки домниц. На Вязынковском городище выявлены обломки глиняных печей-горнов. Несколько ям, обмазанных глиной и заполненных шлаками, встречено на Остатки наземных жилищ на городище Малышки. (Раскопки А. Г. Митрофанова.) 1 — очаги; 2 — глиняная обмазка стен; 3 — ямы от столбов. Остатки построек на городище Малышки. Многочисленные куски шлаков, как правило, фиксируются при раскопках почти каждого поселения. Железные изделия представлены топорами, зубилами, серпами, ножами, шильями, иглами, наконечниками копий, дротиков и стрел, пряжками, фибулами, булавками.

В значительно меньшей степени было развито бронзолитейное дело. Изделий из бронзы найдено сравнительно немного. Есть основания полагать, что многие украшения и бытовые вещи изготовлялись на месте. Об этом свидетельствуют находки льячек, тигельков и фрагменты литейной формы. Очень своеобразен керамический материал. По форме сосуды распределяются на несколько типов. Особенно распространены горшковидные сосуды с прямым или несколько отогнутым наружу краем венчика, выпуклым туловом и плоским дном, украшенные, помимо штриховки, ямочными вдавлениями по плечу в горизонтальный ряд или треугольниками, а также остросереберные сосуды, часто с зашипами, насечками, нарезными линиями или ямочными вдавлениями в верхней части. Известны также сосуды баночной формы и горшковидные со слабо выраженными плечиками. Последние два типа А. Г. Митрофанов считает присущими позднему этапу культуры. Возможно, они развились из предшествующих более ранних форм. Очень важно отметить, что, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, территориально различные типы посуды, особенно первых двух форм, распределяются неодинаково. Для западных районов культуры характерны горшковидные сосуды с прямым или отогнутым венчиком, для восточных — остросереберные. Основу хозяйства носителей культуры штрихованной керамики составляло подсечное земледелие, орудия которого представлены железными топорами и серпами. Часты находки каменных зернотерок. На ряде городищ (Банцеровское, Збаровичское и др.) были найдены обугленные остатки пшеницы, проса, бобов, гороха и вики. Но подсечное земледелие не всегда было надежным источником существования. Поэтому значительное место в хозяйстве обитателей городищ занимало скотоводство и охота. Анализ костных материалов, обнаруженных при раскопках поселений культуры штрихованной керамики, показывает развитость этих видов хозяйства. Население разводило коров, свиней, лошадей, овец. Однако отсутствие хороших пастбищ в лесах ограничивало возможности развития домашнего скотоводства, поэтому в составе стада преобладала свинья. Возможно, что свинья была здесь первым, после собаки, одомашненным животным.

Сравнение видового состава домашних и диких животных на более ранних и более поздних поселениях свидетельствует о постепенном возрастании значения скотоводства. Так, если на городище Лабенщина домашние животные составляли одну треть по отношению ко всем определенным по остаткам животным, то на более поздних памятниках Кимии и Новоселках их было половина. Происхождение и исторические судьбы культуры штрихованной керамики еще не вполне ясны. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Основная трудность состоит в том, что почти не исследованы памятники предшествующей поры. Тем не менее, ряд свидетельств дает основание предполагать, что культура штрихованной керамики сложилась на местной основе и автохтонна по своей природе. Очень характерный элемент в культуре — покрытие сосудов штриховкой, очевидно, восходит еще к эпохе неолита или бронзы. К середине I тысячелетия н. э. жизнь на городищах прекращается. По наблюдениям А. Г. Митрофанова, многие поселения погибли в пламени пожара. На территории, некогда занятой культурой штрихованной керамики, распространяются памятники иного культурного облика, не обнаруживающие пока преемственной связи со своими предшественниками. Значительно определеннее решается вопрос об этническом характере культуры. Племена штрихованной керамики занимали территорию, на которой распространены гидронимы, восходящие к балтским языкам. Это обстоятельство вместе с отмеченным фактом отсутствия преемственной связи с последующими культурами славянского круга свидетельствует о принадлежности племен культуры штрихованной керамики к группе народов, говоривших на балтийских языках. Но попытка связать их с исторически известными племенами пока вызывает споры. Большинство исследователей связывают их с восточнолитовскими племенами.

На рубеже нашей эры вся южная и значительная часть восточной Беларуси вошла в сферу распространения памятников зарубинецкой культуры, названной так по бескурганному могильнику у с. Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, впервые раскопанному и изученному украинским археологом В. В. Хвойкой в 1899 г. Территориально культура охватывает все поречье Припяти и ее притоков, Верхнее и Среднее Поднепровье в

пределах значительной части Смоленской, Могилевской, Гомельской и Киевской областей, бассейны Сейма и Десны, смыкаясь на западе с очень близкой ей пшеворской культурой, распространенной на большей части Польши. По существу зарубинецкая и пшеворская культуры не имеют четко выраженной разделяющей их границы, переходя постепенно одна в другую. Известно свыше ста зарубинецких памятников — поселений и могильников, но исследованы пока немногие, хотя сама культура представляет исключительный интерес с точки зрения славянской проблематики. Для установления абсолютной хронологии зарубинецкой культуры основной материал дают бронзовые и железные фибулы, которые обычно называют латенскими, хотя, как справедливо отмечается исследователями этих предметов, основная масса их имеет местное происхождение. Наиболее ранняя фибула латенского типа, найденная в с. Велемичи Давид-Городокского района Брестской области (фибула с шариками), датируется концом II...началом I в. до н. э. Остальные относятся к II в. до н. э. и I в. н. э. В рамки II в. до н. э....I в. н. э. укладываются и остальные вещи из зарубинецких комплексов. В этом диапазоне, очевидно, следует определять и хронологию зарубинецкой культуры в целом. Поселения зарубинецких племен на территории Белоруссии представлены городищами и селищами. Исследование зарубинецких городищ показало, что в основе подавляющего большинства их лежат милоградские слои. Таким образом, зарубинецкие племена заняли городища, построенные их предшественниками. Жилища обитателей зарубинецких поселений представляли собой наземные, прямоугольного плана дома площадью 20...25 м². Основу стен составляли вкопанные в землю столбы, пространство между которыми заполнялось бревнами или плетнем, обмазанным глиной. Встречаются также небольшие полуземлянки. И те, и другие имеют внутри каменные или глинобитные очаги довольно примитивной конструкции. Могильники зарубинецкой культуры относятся к типу памятников «полей погребений». Располагались они вблизи поселений преимущественно на высоком плато. Покойника сжигали, а остатки кремации погребали в неглубоких, обычно удлиненных ямах. В могилы клали глиняные сосуды с пищей и некоторые вещи — копья, ножи, украшения. В обряде наблюдаются некоторые вариации: в одних случаях остатки сожжения сыпались прямо в яму, в других — помещались в сосуд. Различались между собой по размерам, а иногда и по ориентировке могильные ямы.

«Поля погребений» не имеют никаких внешних признаков на поверхности и обнаруживаются, как правило, при случайных земляных работах или специальных поисковых раскопках. Но можно предполагать, что первоначально погребения имели какие-то отличительные знаки. В пользу такого предположения говорит тот факт, что даже на могильниках, насчитывающих несколько сотен захоронений, в редчайших случаях одно погребение нарушает другое. Керамика зарубинецких племен представлена тремя устойчивыми формами сосудов. Это высокие горшки или кувшины среднего размера, миски и небольшие сосуды в виде кружек с ручками. Все они вылеплены от руки. Значительная часть керамики имеет вылощенную поверхность. При этом лощеной посуды больше на могильниках и меньше на поселениях. Керамика из могильников имеет нарядный «столовый» вид, отличаясь от обычной грубоватой «кухонной» посуды поселений. Горшки имеют отогнутый наружу венчик, яйцевидное тулово и сравнительно узкое плоское дно. Наиболее широкая часть находится на 1/3 высоты. Высота сосуда обычно превышает его ширину. Некоторые сосуды имели украшением налепной валик с защипами, опоясывавший наиболее широкую часть сосуда. Приблизительно у половины горшков по краю венчика наносились насечки, вдавления или защипы. Украшения чаще представлены на больших сосудах, служивших хранилищами припасов и составлявших, по-видимому, часть обстановки жилища.

Миски, как правило, тщательнее вылащивались, но по форме были более однообразны. Для рубежа и начала нашей эры характерны реберчатые миски. Ранние образцы имеют более плавные очертания. Культура зарубинецких племен принадлежит к культурам развитого железного века. Следы железообработки обнаруживаются почти на всех поселениях. Из железа изготовлены орудия труда, оружие, предметы убора и украшения. Широко развита была также обработка цветных металлов, которые шли главным образом на украшения и предметы убора. При сравнении хозяйства зарубинецких племен с хозяйством их соседей очень ярко выступает земледельческий характер культуры. Археологическим свидетельством этого являются частые находки небольших железных серпов и ручных зернотерок. Культивировались, по-видимому, просо, пшеница и ячмень.

Зарубинецким племенам были известны все основные виды домашних животных: свиньи, крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Охота и рыбная ловля, хотя и были занятиями второстепенными, продолжали играть существенную роль в хозяйстве.

Наиболее исследованным зарубинецким памятником, дающим яркое представление о культуре в целом, является археологический комплекс у д. Чаплин Лоевского района Гомельской области, состоящий из городища, селища и могильника. Раскопки там были

начаты в 1951 г. П. Н. Третьяковым и Ю. В. Кухаренко и позже продолжены Л. Д. Поболем. Городище расположено на продолговатом мысу высокого коренного берега Днепра, образовавшемся в устье небольшого оврага. С напольной стороны сохранился вал высотой около 3 м и заплывший ров. Площадка городища, возвышающаяся над уровнем поймы на 15...16 м, имеет размеры 75х65 м. За все годы исследована площадь 1744 м². Мощност культурного слоя колеблется от 0,25...0,30 м до 0,80...1,00 м. Раскопками выявлены сотни больших и малых ям от столбов жилищ, хозяйственных сооружений и т. д. Бесконечные перекапывания земли обитателями городища привели к смешению вещей. Поэтому расчленить во времени культурные напластования оказалось невозможным. Правда, в отдельных местах удалось обнаружить неповрежденный культурный слой дозарубинецкого времени, принадлежащий к милоградской культуре. Зарубинецкие племена использовали городище, сооруженное до них милоградским населением. Они «отремонтировали» древние оборонительные сооружения, расширили вал и подняли его. Даже теперь он возвышается над древним милоградским валом более чем на 1 м. По краю площадки городища был поставлен частокол из массивных бревен, от которого сохранился ряд ям диаметром 0,3...0,4 м, вырытых на расстоянии 0,1...0,4 м друг от друга.

В застройке площадки городища наблюдается определенная система, выдерживавшаяся по традиции в течение всей долгой жизни городища. В центральной и западной частях поселения располагались жилые сооружения, южная и восточная окраины были изрыты ямами, погребями колоколовидной формы. Поселок состоял приблизительно из 25...30 жилищ. Жилища в своем подавляющем большинстве оказались наземными, площадью в 16...24 м². Несмотря на сравнительно плохую сохранность их остатков, конструкция домов выявляется четко. Основу стен составляли вертикальные столбы, вкопанные в землю на расстоянии 1...2 м друг от друга. В бревнах-стояках, очевидно, выбирались пазы, в которые впускались горизонтальные жерди с подтесанными концами. Такие приемы домостроительства были известны на территории Белоруссии и в позднейшее время. Следов обмазывания глиной на Чаплинском городище не обнаружено. В разбросанных по городищу ямах колоколовидной формы хранились мясо, рыба, возможно, молоко, творог, сыр. Однако 80% таких ям не дали никаких находок. Вполне допустимо предположение, что в них хранили корнеплоды, в частности репу, известную в Восточной Европе с древних времен.

О занятиях населения обработкой металла свидетельствуют находки обломков небольших криц и кузнечных шлаков. Найдены железные топоры-кельты с прямоугольной в сечении втулкой, в которой закреплялась коленчатая рукоятка. По форме они имеют много общих черт с топорами из раннелатенских памятников Средней Европы. На одном топоре можно легко проследить технику его изготовления. Сначала отдельно выковывались втулка и лезвие. Затем они проковкой соединялись вместе. Найдено несколько железных ножей. Ранние из них имеют так называемую горбатую спинку. О значительной роли земледелия в хозяйстве обитателей городища свидетельствуют железные серпы, составляющие 20% всех найденных здесь железных орудий. Из других железных предметов следует отметить рыболовные крючки, наконечники стрел, различные острия, булавы, фибулы среднелатенской схемы. Изделия из бронзы преимущественно изготовляли на месте. На городище найдено несколько глиняных тиглей, льячков и литейных форм, кусочки бронзы и обрывки бронзовой проволоки. Из бронзы делали украшения: булавы, аналогичные по типу железным (некоторые имели 5-видный завиток), браслеты, височные кольца, подвески и пронизки. В нескольких местах были найдены маленькие клады бронзовых украшений. Один состоял из двух браслетов и трех височных колец. В другом имелись железная фибула, бронзовое височное кольцо и три пронизки, входившие, вероятно, в состав ожерелья из 50 стеклянных и пастовых бус различного цвета и формы.

Изделий из кости и камня найдено сравнительно немного. Костяными были некоторые проколки, возможно, иглы для вязания, гребни. Из камня делались прежде всего зернотерки. Их найдено свыше десятка. Среди обычной и очень разнообразной посуды интересную находку представляет сосуд для приготовления сыра. В нижней части его стенок, около самого дна, были сделаны сквозные отверстия 0,4...0,5 см диаметром, шедшие в два ряда. В дне сосуда имелось также сквозное отверстие около 2 см диаметром. Особую и очень многочисленную группу находок составляют глиняные пряслица. Самой распространенной их формой является биконическая. Для пряслиц характерна богатая и разнообразная орнаментация, преобладающим мотивом которой является ряд заштрихованных или заполненных наколами треугольников. Такой орнамент был распространен на глиняных сосудах среднелатенской культуры эпохи бронзы. По мнению П. Н. Третьякова, в этом можно видеть отражение каких-то генетических связей зарубинецкой культуры с культурой местного населения предшествующей эпохи.

В 100 м к северо-западу от городища на коренном берегу Днепра располагался обширный

могильник. Обнаружить его помогли местные жители, рассказавшие, что при рытье канавы здесь находили глиняные сосуды. По масштабу изученности Чаплинский могильник оказался самым крупным «полем погребений». В нем раскопано около 300 погребений, располагавшихся равномерно по всему могильнику на расстоянии от 1 до 10 м друг от друга. Во всех погребениях присутствует только один обряд — трупосожжение. Обломки пережженных костей сыпались прямо на дно погребальной ямы. Количество таких костей разное — от единиц до сотен. Преобладают обломки больших конечностей. Средняя глубина погребальных ям — 0,50...0,75 м. Абсолютное большинство ям имеет овальную в плане форму длиной около 2 м и шириной до 0,75 м. Ямы, как правило, имеют устойчивую ориентировку с северо-запада на юго-восток. Кости тщательно очищались от остатков костра и складывались кучкой чаще всего в центре ямы. Вместе с ними, обычно сверху, клались различные вещи: ножи, украшения, наконечники копий. Почти все они носят на себе следы пребывания в огне. Рядом с костями на дно ямы ставились глиняные сосуды — миски и горшки. Помещались они преимущественно в северо-западной части ямы. Небольшую группу погребений составляют захоронения в круглых ямах. В некоторых погребениях не обнаружено остатков кремации. Приблизительно десятую часть составляли погребения, в которых либо совсем не было вещей, либо они были представлены обломками глиняных сосудов. В целом могильник дал исключительно много самых разнообразных предметов. Здесь было найдено только целых сосудов 277 штук. Это были в основном типичные зарубинецкие горшки, миски, мелкие сосуды, плоские, круглые крышки. Поверхность сосудов сглажена или вылощена. Подавляющее число их имеет темно-коричневый цвет. Найдены также черные лощеные сосуды. Много найдено предметов украшения и домашнего обихода. Особую группу находок составляют фибулы, относящиеся к двум основным схемам: среднелатенской и позднелатенской. Каждая из схем в свою очередь распадается на несколько типов. Всего фибул латенских схем в Чаплинском могильнике найдено 119 штук. Многие типы фибул имеют определенную дату бытования. Это делает их наиболее важными датировочными находками. Распределение погребений Чаплинского могильника по типам фибул, которые их сопровождают, дает возможность рассматривать весь громадный вещевой материал могильника в хронологическом развитии. Хотя фибулы широко распространены за пределами области зарубинецкой культуры, можно утверждать, что все основные их типы, найденные в Чаплинском могильнике, за исключением исходного среднелатенского, происходят из Приднепровья.

Орудия труда и предметы домашнего обихода представлены 3 топорами-кельтами, 16 ножами, 4 шильями, 2 иглами, 3 пряслицами, 22 огнѣвами. Но особенно многочисленны украшения. Среди них 24 браслета, 11 височных колец, 30 колец и перстней, 79 небольших колечек и пронизок, 1163 целых стеклянных бус и не менее 1000 спекшихся. Из оружия найдены 14 наконечников копий и 1 наконечник стрелы. Могила была явно неравнозначна по количеству содержащихся в ней находок. Выделяются погребения богатые, средние и бедные. В этом можно видеть отражение имущественного расслоения среди обитателей Чаплинского городища. По совокупности датировочных находок Чаплинский могильник не выходит за хронологические рамки II в. до н. э. — I...II вв. н. э. Обширный вещевой материал, добытый раскопками поселения и могильника в Чаплине, убедительно свидетельствует о высоком уровне зарубинецкой культуры. Застройка городища и характер находок менее всего соответствуют быту обычной большесемейной общины. Все же вероятнее, общественные отношения обитателей Чаплинского поселка следует рассматривать как переходные от патриархальной большесемейной общины к сельской общине с развивающимися семейными началами и заметными признаками имущественного неравенства. Чаплинский археологический комплекс не единственный хорошо исследованный памятник зарубинецкой культуры на территории Белоруссии. В Полесье было частично раскопано еще несколько зарубинецких могильников. Один из них находится у д. Велемичи в низовьях р. Горыни. На нем вскрыто 136 погребений, 125 из них относятся к зарубинецкой культуре, остальные к более позднему времени. Три зарубинецких погребения были совершены по обряду трупоположения, хотя в них найдены не полные скелеты, а только обломки черепов. 13 погребений не имели остатков костей. В 6 погребениях обломки пережженных костей были сыпаны в глиняные урны. Остальные захоронения совершены в обычной зарубинецкой манере: тщательно очищенные от погребального костра остатки пережженных костей сыпались на дно ямы. Сверху или рядом с ними складывались вещи. Вещей много. Больше всего керамики, представленной лепными горшками, мисками и маленькими сосудами в виде стопок. Цвет керамики — темно-коричневый. Большая часть сосудов вылощена или тщательно заглажена. Из металлических предметов большую группу, как обычно, составляют фибулы латенских типов. Одна из фибул среднелатенской схемы, украшенная двумя шариками на спинке, дает раннюю дату погребения — II в. до н. э. Из украшений найдены

большие бронзовые булавки с кольцевыми или плоскостепальными головками, бронзовые трапециевидные подвески, кольца, стеклянные бусы. Очень интересна большая бронзовая шейная гривна. Другие категории вещей представлены единичными находками: 2 ножа, одно пряслице, один наконечник копья и др. Можно особо отметить найденный в одном из погребений обломок явно привозного кельтского сосуда, сделанного на гончарном круге и покрытого графитом.

На территории Белоруссии зарубинецкая культура в основном представляется пришлой. Большинство исследователей признают славянскую принадлежность зарубинецких племен. В пределах Восточно-Европейской равнины зарубинецкая культура занимала ту область, которая в будущем станет основной частью древнерусской земли. Племена зарубинецкой культуры не могли быть ни балтами, ни угрофиннами, которые обитали севернее и древности которых хорошо известны. Очень важным аргументом в пользу славянской принадлежности зарубинецкой культуры является близость ее к пшеворской культуре Польши, которая генетически увязывается польскими учеными с историческими средневековыми древностями Польши.

Верховья Сожа и Десны, смоленское поречье Днепра и верхнее течение Западной Двины до водораздела Днепра и рек волжского бассейна с I тысячелетия до н. э. до третьей четверти I тысячелетия н. э. входили в особую культурно-историческую область, отличную по ряду важных культурных элементов от соседних областей. Сложившаяся здесь в железном веке археологическая культура носит название культуры смоленских городищ или днепро-двинской. Пока известны только поселения этой культуры, представленные городищами и селищами. Городища обычно располагались гнездами по 2...4 вблизи водоемов на высоких естественно укрепленных местах, часто на отдельных моренных холмах посреди болот. Размеры их, как правило, невелики. Форма площадки треугольная или овальная. Городища дополнительно укреплялись валами и рвами, иногда в несколько рядов. Специальной обработкой склонам придавалась большая крутизна. В качестве интересной детали можно отметить тот факт, что валы и рвы почти всегда сооружались либо вдоль основания городища, либо на его склонах, т. е. ниже площадки поселения. Раскопками на некоторых городищах прослежены остатки деревянных стен, сооруженных по гребню валов. Селища тоже располагались вблизи воды, но они совсем не изучены. Жилища обитателей днепро-двинских городищ были наземными или немного углубленными в землю, столбовой конструкции. Керамика лепная, плоскодонная, слабо профилированная, со слегка отогнутым наружу венчиком. Имеются также сосуды баночной формы с краем, вогнутым внутрь. Орнаментированной посуды встречается сравнительно мало.

В отличие от своих южных и западных соседей обитатели городищ широко использовали кость в качестве материала для изготовления различных предметов. На некоторых поселениях изделия из кости представлены значительно обильнее, чем из глины, или тем более из металла. Некоторые ранние металлические изделия, в частности бронзовые украшения, весьма напоминают милоградские. С появлением на южных границах культуры зарубинецких племен наблюдаются, как уже говорилось, значительные перемены в общем облике днепро-двинской культуры: появляется близкая по форме к зарубинецкой керамика, распространяются фибулы зарубинецкого типа и т. д. Но в целом местный характер культуры сохраняется. В хозяйстве обитателей городищ долгое время прочно сохраняли свои позиции скотоводство и охота. Только на позднем этапе заметно возрастает роль земледелия. Раскопанных поселений описываемой культуры на территории Беларуси мало. Наиболее раннее городище, относящееся ко второй половине I тысячелетия до н. э., было частично раскопано А. Г. Митрофановым в 1956 г. возле д. Поддубники Дисненского района Витебской области. Возникло оно на конце очень высокого мыса, обращенного с одной стороны к долине р. Ауты, с другой — к оврагу. С напольной стороны городища был сооружен вал. Площадка имеет неправильную овальную форму размером 28x55 м. Состав находок придает культуре поселения очень архаичный облик. Преобладают изделия из кости: стрелы, иглы, проколки, какие-то долотообразные орудия и т. д. Найдены два клиновидных каменных топоров. Железные изделия почти отсутствуют. Только в самых верхних слоях найден железный серп. Керамики немного. Представлена она двумя типами: слабо профилированными горшками и сосудами баночной формы. Основным занятием обитателей городища были скотоводство и охота, дополняемые собирательством речных моллюсков. Только на последнем этапе жизни получило развитие земледелие. Небольшие по объему раскопки были произведены Л. В. Алексеевым на городище Девичья гора в Мстиславле. Городище занимает мыс правого берега р. Вихры и имеет эллипсовидную форму 103x48 м. Площадка окружена валом, достигающим высоты 2...2,5 м. Как показали раскопки, первоначально поселение не имело земляных укреплений. Найдены с городища представлены железным серповидным ножом с горбатой спинкой, бронзовой фибулой среднелатенской схемы, двумя грузиками дяковской

типа, костяным гарпуном, тремя костяными бусинами и керамикой. Среди последней имеются фрагменты от малопрофилированных сосудов с бугристой поверхностью, а также от сосудов с защипами или насечкой по краю венчика, отдаленно напоминающих зарубинецкие.

Как и на других памятниках этой культуры, керамики найдено сравнительно мало. Вся она гладкостенная и в основном слабо профилированная. Иногда встречается орнамент в виде нарезных изломанных линий и ямочных вдавлений. Изделий из железа уже значительно больше. Найдены миниатюрные серпы со слабым изгибом лезвия, ножи с изогнутой спинкой, булавки с 5-видным завитком, наконечник копья. По-прежнему очень много изделий из кости. Жилища проследить не удалось. Вероятно, это были наземные постройки столбовой конструкции. Обнаружено несколько больших ям. Очень интересный объект был выявлен в центре площадки городища. Он представляет собой сооружение из обожженной глины, круглое в плане, диаметром около 1 м, с вертикальными стенами, сохранившимися до высоты 35...40 см, и с небольшим углублением в центре. Вокруг него найдено много шлаков и кусков необработанных криц. Несомненно, сооружение это связано с обработкой железа. Не вполне ясно только, была ли это домница или кузнечный горн. Днепро-двинская культура, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении. Можно надеяться, что будут открыты и погребальные памятники. Еще не поставлен по существу вопрос об истоках этой культуры. О последующих судьбах можно только догадываться. Определеннее решается вопрос об этнической принадлежности носителей днепро-двинской культуры. Данные гидронимии свидетельствуют о том, что население Верхнего Поднепровья, значительной части Подвинья и западных районов Волго-Окского междуречья принадлежало к балтийской языковой группе. Это как раз та территория, на которой в эпоху железного века обитали племена, оставившие и днепро-двинскую культуру

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛОРУССИИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Период разложения первобытнообщинных отношений и складывания феодальных, завершившийся образованием Древнерусского государства, принадлежит к числу слабо разработанных. В особой степени это относится к территории Белоруссии. В письменных источниках этот процесс по существу не отражен. Правовые документы все относятся к сравнительно позднему времени. Упоминания византийских и арабских авторов о славянстве этого времени чрезвычайно скудны и поверхностны, хотя их зарисовки некоторых бытовых сторон очень интересны. Новая эпоха отмечена важными переменами в хозяйственной и общественной жизни славянских и других племен, заселявших территорию Белоруссии. Прimitивная подсечная система земледелия постепенно уступает свое место пашенной. С помощью плуга, оснащенного железным лемехом, и сохи население переходит к вспашке старых окультуренных земель по двупольной и трехпольной системе. Земледелие становится господствующей отраслью хозяйства. Совершенствование техники обработки железа и быстрое распространение новой системы хозяйства вело к сглаживанию контрастов между лесостепным Югом и лесным Севером. Новые хозяйственные возможности имели своим следствием распад замкнутых родовых коллективов, существование которых обуславливалось старой примитивной техникой подсечного земледелия. Основной хозяйственной единицей постепенно становится отдельная небольшая индивидуальная семья. Городища, являвшиеся основным типом поселения предшествующей поры, утрачивают свое значение. Характерными становятся небольшие поселения-заимки, открытые селища, оставившие небольшой культурный слой. Происходило раздробление больших поселков, население разбредалось и селилось в стороне от своих городищ. Находить такие поселения значительно труднее. Отражением процесса выделения отдельных семей было появление кое-где уже в середине I тысячелетия н. э. индивидуальных и парных захоронений. Постепенное изживание родовой замкнутости привело к созданию высшей формы родоплеменного общества в виде прочно организованных союзов племен. Последние века в развитии первобытнообщинного строя отмечены общим вооружением всего мужского населения. Это находит свое отражение и в археологическом материале середины I тысячелетия н. э. В инвентаре мужских захоронений очень часто встречается оружие — наконечники копий, боевые топоры. Увлекаемое своими вождями население принимало участие в военных походах против соседей и часто далеко от своих родных мест. Для территории Белоруссии эта пора характеризуется крупными перемещениями населения. Письменные источники зарегистрировали участие славян в борьбе против Рима. Археологическими свидетельствами этих событий являются клады с римскими вещами, разбросанные на территории Восточной Европы. Такие клады с награбленными в походах ценностями, принадлежавшие, очевидно, племенным вождям, найдены на территории

Белоруссии. Заметной чертой нового периода становится распространение полуземлянок даже на тех территориях, где еще раньше основным типом построек были наземные дома. В основе этого явления лежат массовые передвижения населения. Сооружение полуземлянок требовало меньше материала, затрат труда и времени. В отдельных областях Белоруссии в рассматриваемое время продолжается смена этнического состава населения. Несмотря на слабую изученность периода, уже теперь намечаются различные группы памятников.

Время, предшествующее образованию Киевской Руси, на юге Белоруссии представлено памятниками пражского типа (VI...VIII вв.), привлекающими к себе в последнее время все большее внимание славистов. Памятники эти одинаково характерны для всех славянских племен. На Волыни они лучше всего изучены у селения Корчак, которое дало название волынскому варианту этой культуры.

Памятники пражского типа представлены поселениями и могильниками. Поселения делятся на две группы: селища и городища со связанными с ними селищами. Располагаются они обычно на песчаных возвышенностях в широких поймах. Размеры городищ небольшие — 35...40 м в диаметре. В плане они большей частью круглые, обнесены валами и рвами. На многих из них, как показали раскопки Ю. В. Кухаренко, население не жило постоянно, а укрывалось в случае опасности. Возможно, что они служили также центрами общественно-религиозной жизни. Селища застраивались небольшими полуземлянками, внутри которых при раскопках обнаруживаются остатки глинобитных печей, устроенных на деревянных каркасах. Печи сооружались и за пределами жилищ. Над ними возводились легкие постройки типа шалаша. Деревянные хозяйственные пристройки иногда примыкали к жилищам городище Хотомель.

Датирующие вещи из рассматриваемых памятников имеют аналогии среди древностей VI...VIII вв., в частности аварских и славянских в Придунавье: железные и костяные пряжки, гитаровидные пряжки, трапециевидные кресала, двушипные наконечники стрел с витой втулкой и др. Керамика пражского типа представлена лепными сосудами, обычно коричневого цвета с примесью песка и дресвы в тесте, с шероховатой, слегка сглаженной поверхностью. Венчики короткие, иногда почти вертикальные, плечики выражены слабо. На позднем этапе встречаются сосуды, орнаментированные по краю венчика насечкой или пальцевыми вдавлениями. Могильники, на которых встречается керамика пражского типа, известны двух типов: курганные и бескурганные. И в тех, и в других обряд захоронения — трупосожжение. В бескурганном могильнике возле Хотомеля найдено погребение, в котором остатки пережженных костей были сложены на дне небольшой ямки и сверху перекрыты большим глиняным горшком, поставленным вверх дном. В других местах известны захоронения обломков пережженных костей в урнах. Бескурганный могильник, относящийся к этому же кругу памятников был частично раскопан в 1937 г. польским археологом Р. Якимовичем возле д. Хорек в низовьях р. Горыни. В Полесье памятники пражского типа выявлены в Петрикове, Либлино, Хильчицах, Воронине, Пинске и других местах. Наиболее исследованным является археологический комплекс в Хотомеле. Здесь имеются городище, раскопанное целиком, селище и могильник. Городище устроено на окраине возвышенности, окруженной с севера и юга заболоченным лугом. В плане оно имеет форму овала размером 40х30 м. Болото и небольшая река естественно укрепили городище с двух сторон. С двух других сторон были сооружены по два дугообразных вала и вырыты рвы. На вершине вала, по-видимому, были поставлены деревянные клетки, заполненные песком. Остатками таких клеток следует считать обнаруженные в раскопках толстые дубовые бревна. Культурный слой распространяется неравномерно. В центре площадки он имел толщину 40 см, по краям — до 2...2,5 м. Мощная зольная прослойка, выявленная по краям городища на глубине около 1 м, стратиграфически делит культурные напластования на два слоя, значительно различающиеся между собой по составу находок.

Остатки сооружений на городище очень невыразительны. Исследователь памятника Ю. В. Кухаренко склонен связывать с ними ямы от сгоревших столбов. Возможные постройки столбовой конструкции он относит ко второму верхнему слою. В различных местах городища были обнаружены остатки временных очагов. Все это дает основание предполагать, что само городище не было местом постоянного обитания. Вещевые находки сосредоточены почти исключительно по краю городища. Основная масса их происходит из верхнего слоя. Из предметов хозяйственного обихода были найдены железное долото, несколько ножей, глиняная литейная форма, пряслица; из предметов, связанных с военным бытом, — 3 наконечника копий, 14 наконечников стрел, 3 железных пластинки от защитного панциря, скоба-обойма от портупей, 3 удила. Украшений сравнительно мало. Можно отметить обломок серебряного браслета и серебряное семилучевое височное кольцо. Керамический материал из Хотомеля лег в основу классификации керамики синхронных памятников этой территории. 82% сосудов сделано от руки. Причем в нижнем слое керамика исключительно лепная,

довольно однообразной формы: слабо выраженные плечики и невысокий слегка отогнутый венчик. Найдены также небольшие круглые сковородки с невысоким бортиком. По форме и степени отогнутости венчика в лепной керамике выделяются 10 видов. Замечается эволюция от сосудов с почти вертикальным и коротким венчиком к сосудам с более отогнутым венчиком и удлиненной шейкой. Для верхнего слоя характерны более развитые формы керамики.

Анализ материала показывает, что ранний этап Хотомельского городища может быть датирован VI...VIII вв., поздний — VIII...X вв. Последний представляет особый интерес. Состав находок и планировка поселения с мощными круговыми деревянными укреплениями свидетельствуют, по-видимому, о превращении городища в своеобразный поселок дружинников.

Со вторым этапом жизни городища связано существование открытого селища, раскинувшегося у крепостных стен. Площадь его около 1 га. Селище было густо застроено полуземляночными жилищами, расположенными рядами вдоль внешнего вала городища в 1...5 м друг от друга. На одном небольшом участке было полностью раскопано 12 жилищ. Значительная их часть имела хорошо выраженный прямоугольный план. Пол жилищ находится на глубине 1...2 м от современной поверхности. Стены состояли из двойного ряда столбов, от которых сохранились ямки в материке. В углу обычно устраивалась глинобитная печь, свод которой лепился на деревянном каркасе. Размеры жилищ были в среднем 6х4 м. К некоторым жилищам примыкали хозяйственные пристройки столбовой конструкции. В отличие от находок с городища вещи, найденные на селище, представляют предметы хозяйственного назначения: 11 ножей, 4 остроги для ловли рыбы, 2 железных сошника вместе с плужным резцом-череслом, 2 обломка серпов, железное долото, дужка от ведра, каменный точильный брусок, 4 глиняных и 2 каменных пряслица. Состав животных, определенный по костным остаткам, сравнительно разнообразен: свинья — 36,5 %, крупный рогатый скот — 24,6 %, лошадь — 11,5%. Далее идут лось, кабан, мелкий рогатый скот, медведь, птица, зубр. Домашние животные явно преобладают над дикими, составляя около 77%. Культурный слой селища не различается ни стратиграфически, ни по составу находок. Везде лепная керамика встречается вместе с гончарной. Однако последняя насчитывает всего 30% от всей керамики. Лепная и гончарная керамика аналогичны керамике верхнего, более позднего слоя городища, хотя орнаментированной посуды здесь значительно больше. Орнаменты представлены косой насечкой или пальцевыми вдавлениями по краю или основанию венчика волнистыми бороздками. В редких случаях сосуды украшены ямочками и наколами. Среди посуды, сделанной на гончарном круге, выделяются семь видов. Наиболее частую аналогию в славянских памятниках имеет горшок с утолщенным и оттянутым вниз венчиком в форме карнизика. Такой тип характерен для IX...X вв. Археологический комплекс в Хотомеле знаменует собой очень важный этап в развитии общества. Непрерывность обитания населения в Хотомеле позволяет наблюдать процесс перехода от патриархально-родового строя к классовому. Небольшое городище родового коллектива, за время жизни которого отложился нижний культурный слой, представленный керамикой типа корчак с весьма ограниченным ассортиментом находок, постепенно превращается в сильно укрепленный поселок, населенный состоятельными дружинниками, резко отличающимися по своему имущественному положению и образу жизни от земледельческого населения селища. От такого дружинного поселка оставался один шаг до феодального замка.

Иной облик носит другая, пока еще небольшая и изолированная группа памятников середины I тысячелетия н. э., представленная сильно укрепленными городищами и селищами. К их числу относится городище у д. Колочин в Гомельской области, полностью раскопанное Э. А. Сымановичем. Поселение возникло на городище, сооруженном еще в зарубинецкое время. Крутой берег реки, обрывистый овраг и ложбина с трех сторон естественно укрепили мыс, ставший площадкой городища. Два высоких искусственных вала были насыпаны с напольной стороны. По краю площадки также шел вал, на котором были поставлены деревянные укрепления, сохранившиеся в виде бревен, положенных вдоль насыпи вала, а также ям от столбов. Городище имело два входа — главный и запасной, оба из предосторожности устроены над крутыми обрывами берега. Возле входа обнаружены очаги, у которых, по-видимому, согревалась стража, а на месте навесов мостков крепостной стены — множество сосудов, предназначенных для хранения пищи и питья на случай осады. В некоторых из них сохранились остатки обгоревшего проса и чечевицы. По краям городища располагались хозяйственные ямы-кладовки, не связанные с постройками. Отчетливых следов жилищ описываемого времени на городище выявлено не было. Зато рядом с ним на раскинувшемся у его стен селище было найдено несколько построек, дающих представление о типе жилищ этого времени. Это были полуземлянки почти квадратной формы, с песчаным полом, с печью в углу напротив входа. Вещевой материал, несмотря на значительность исследованной площади, оказался бедным и однообразным. Подавляющее большинство

находок было сосредоточено по краям площадки городища.

Керамика вся сделана от руки. Тесто содержит примесь дресвы. Обжиг неравномерный. Посуда середины I тысячелетия н. э. представлена двумя типами. Более многочисленную группу составляют почти непрофилированные горшки баночной формы удлинённых пропорций, без орнамента. Максимальная ширина тулова обычно приходится на среднюю часть сосуда. Дно узкое, почти цилиндрическое. На поверхности часто заметны следы заглаживания. Горшки различаются между собой размерами и степенью отгиба венчика. Другая группа керамики имеет удлинённо-биконическую форму. Посуда иногда украшалась налёпным горизонтальным валиком, покрытым косыми насечками. По тесту и цвету такие горшки ничем не отличаются от сосудов первого типа. Сравнительно немногочисленные изделия из железа представлены ножами, шильями, пробойниками, земледельческими орудиями, рыболовными крючками, оружием. Представляет интерес клад из четырех серпов, повидимому, спешно зарытых, а также фрагмент косы-горбуши. Наконечник копья с удлинённой тонкой втулкой и ребристым пером имеет аналогии с копьями середины I тысячелетия н. э. Несколько более поздним временем датируется наконечник арбалетной стрелы с перекрученной втулкой. Судя по всему, население Колочинского городища вело крайне замкнутый образ жизни, занимаясь в основном земледелием и рыболовством. Непокойное время середины I тысячелетия наложило свой отпечаток на жизнь городища. По меньшей мере дважды оно подвергалось нападению. Дважды горели его укрепления. Окончательный разгром городища произошёл, вероятно, в конце VII...VIII вв. Эту дату подтверждают наконечник стрелы, найденный на площадке городища, и серпы, зарытие которых, очевидно, следует связывать с событиями, приведшими к разгрому поселения. Пришельцы принесли иную культуру. Это позволяет говорить о сменах населения.

Племенные союзы на территории Беларуси

K VI – VII вв. на большей части территории Беларуси преобладала балтское население. Славяне в это время жили компактно, сплошным массивом только в бассейне Припяти, в основном к югу от нее. Основным типом славянских поселений были поселения (неукрепленные населенные пункты), а типом жилья – полуземлянка.

В 6 – VII вв. началось проникновение славян в балтский ареал. У балтов появляются полземлянки с печами-каменками, каменные жернова, железные ножи и другие славянские вещи, орудия труда.

В VIII-IX вв. происходит массовое расселение славян в балтском ареале на территории Беларуси: сначала в верхнем течении рек Случь и Ареса, на правом берегу Днепра, потом на Березине. В курганах найдены захоронения по славянскому обряду путем сжигания тела, а так же славянская керамика. Заселение шло из южной части Припятского бассейна. Славяне проникли в Поднепровье и Подвинье в IX в., а к X в. они расселились в Верхнем Припечье. Более того, часть балтского населения была ассимилирована, вторая - уничтожена или вытеснена на Северо-запад, в Прибалтику, где приняла участие в формировании этнических литовцев и латышей. Третья часть балтского населения продолжала жить на своих бывших местах. Ассимиляция этой части балтов славянами на территории Беларуси продолжалась до XII-XIII вв. и даже позже.

В результате славяно-балтского синтеза в VIII-X вв. возникли новые этнические славянские общества, которые часто упоминаются в средневековых письменных источниках: дреговичи, радимичи, кривичи.

Начальная летопись отводит дреговичам пространство между Припятью и Западной Двиной: «... сядоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи» (ПВЛ, I, с. 11). Этноним племени произведен от «дрегва» (белорусск. — трясина в болоте; смоленское диалектное — болото, зыбун, трясина; украинск. «дряговина» — болото; литовск. «dregnas» — сырой, влажный (Фасмер М., 1964, с. 536—537). Дреговичи — обитатели сырой, болотистой местности. Область дреговичей — Припятское Полесье — характеризуется сильной заболоченностью. В русских летописях дреговичи упоминаются до середины XII в. (ПВЛ, I, с. 13, 200; ПСРЛ, II, с. 330). Названы они и в одчинении византийца Константина Порфирогенета (Константин Багрянородный. Сочинения «о фемах ...»). Из письменных сообщений видно, что дреговичи были отдельным племенем, жившим самобытно, имевшим собственную территорию и, до вхождения в состав Киевской Руси, — свою политическую организацию, свое «княжение».

Первые раскопки курганов в земле дреговичей относятся к началу прошлого столетия.

Известный исследователь литовских древностей Т. Нарбут в 1810 и 1811 гг. раскопал несколько курганов на восточной окраине дреговичской территории, в окрестностях Быхова и Рогачева. В середине и второй половине XIX в. раскопками дреговичских курганов занимались многие исследователи. К. П. Тышкевич производил исследование в срединной и северной частях ареала дреговичей близ Селища, Гребня, Белкевичей, Видогощ, Старого Бобра, Борисова и Логойска.

Основным же исследователем дреговичских курганов был и остается до настоящего времени В. З. Завитневич. В течение 1885—1892 гг. он раскопал около 700 погребальных насыпей в 82 могильниках, расположенных в разных местах территории дреговичей — в бассейне Припяти, на Днепре, в бассейне Березины и в верховьях Немана.

В 20-30-х годах XX в., когда белорусские археологи развернули серьезную деятельность по выявлению, обследованию и раскопкам археологических памятников в Белоруссии, было раскопано около 400 дреговичских курганов. Наиболее крупные исследования принадлежат А. Н. Лявданскому.

Первая попытка исторической интерпретации археологического материала, собранного в земле дреговичей, принадлежит В. З. Завитневичу. Уже в одной из ранних работ исследователь высказал предположение, что для погребального обряда дреговичей характерны трупоположения в основаниях курганных насыпей. А. А. Спицын впервые подметил характерные для дреговичей признаки — перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, крупные зерновые бусы и присутствие деревянных срубов или теремов внутри курганных насыпей.

Височное кольцо дреговичей

Древнейшими славянскими памятниками на дреговичской территории являются поселения и могильники VI—VII вв. Основная часть поселений и могильников будущих дреговичей концентрировалась в VI—VIII вв. в той части Припятского Полесья, где позднее был основан их племенной центр — Туров. Севернее Припяти в то время жили балты. Их древности представлены поселениями с керамикой типа Тушемли—Банцеровщины и Колочина, грунтовыми могильниками с трупосожжениями с той же керамикой и отдельными вещами, имеющими аналогии в древностях литовско-латышских земель.

Начало славянского освоения земель севернее Припяти хорошо отражено курганным материалом. Наиболее ранние курганы с трупосожжениями, сопровождаемыми лепными горшками, относятся к IX столетию. Такие курганы, помимо тех областей, которые уже в VI—VIII вв. были бесспорно славянскими, известны севернее Припяти — в верховьях рек Случь и Оресса (Нежаровские хутора, Огородники), на правом берегу Днепра (Леваши — Казаков сад) и по Березине (Волосовичи, Любоничи — Бутыков Лог, Большая Ольса, Красный Берег, Прибор, Оздятичи, Староселье, Точилице). По берегам Птичи, Свислочи и Лани курганы с лепными урнами неизвестны. Распространение таких курганов отражает историю и пути массового славянского расселения в правобережной части Верхнего Поднепровья. Очевидно, основной поток славянского населения направился на север из поречья Припяти по Днепру и Березине. Картография дреговичских курганов с трупосожжениями, сопровождаемыми гончарными сосудами и, следовательно, относящимися уже к X или самому началу XI в., подтверждает эту мысль. В поречье Днепра, между Припятью и Березиной и в бассейне Брагинки, сосредоточено около половины, а на Березине — около четверти всех исследованных дреговичских курганов с захоронениями по обряду кремации. Кроме направления Брагинка — Днепр — Березина, дреговичи расселялись по левым притокам Припяти — Случи, Птичи, Лани и др. О том, что заселение левобережной части Припятского Полесья и бассейна Березины происходило из южной части Припятского бассейна, свидетельствуют и материалы ономастики.

Дреговичские курганы с трупосожжениями по устройству и деталям погребального ритуала ничем не выделяются среди синхронных курганных насыпей других восточнославянских земель. В большинстве курганов присутствуют остатки кострищ. Это или погребальные кострища, на которых сжигали умершего, или ритуальные (умершего в этом случае сжигали на стороне). Судя по тому, что черепные кости в некоторых трупосожжениях находятся в западной части погребального костра, можно полагать, что умерших клали на костре головой к западу, т. е. лицом к востоку, навстречу лучам восходящего солнца. Кострища устраивались или в основаниях курганов, или выше оснований, когда нижняя часть насыпи уже была сооружена. Остатки трупосожжений собирали и помещали кучкой в основаниях курганов или в их верхней части. В северной части дреговичского ареала отмечены случаи сожжения умерших в четырехугольных домовинах, устроенных в курганах (Большая Ольса, Красный Берег). Около трети дреговичских трупосожжений помещены в глиняные сосуды или накрыты ими, остальные — безурновые.

В восьми курганах, исследованных В. З. Завитневичем в бассейне Брагинки (могильники в урочище Горки близ д. Пашковичи, урочище Курганье у д. Малейки, у д. Пожарки), открыты остатки вертикальных столбов, на которые были поставлены сосуды с остатками трупосожжений.

Вещевой инвентарь курганов с сожжением очень малочислен. По-видимому, украшения и принадлежности одежды сгорали на погребальных кострах. Поэтому в захоронениях встречаются бронзовые и стеклянные сплавы. Единичные предметы, не подвергшиеся действию огня (перстнеобразные височные кольца, бусы, пряжка, браслет, монетообразные привески, ножи, кресало, серп), принадлежат к общевосточнославянским типам. В одном из курганов у д. Сенское найден железный боевой топорик с сильно изогнутой молоткообразной тыльной частью.

Курганы с захоронениями по обряду трупосожжения не составляют самостоятельных могильников, а расположены совместно с насыпями, заключающими трупоположения. В дреговичской земле раскопаны курганы, содержащие одновременно погребения по обрядам кремации и ингумации (Гребень, Новый Быхов, Пацева Слобода, Яновка, Ясенец). В большинстве таких курганов трупоположения находятся в основаниях, а остатки кремации — вверх. Только в кургане 170 близ д. Яновка трупоположение и остатки трупосожжения были открыты в основании насыпи.

В дреговичской земле известно три типа курганных трупоположений: погребения на материке, погребения в насыпи и захоронения в подкурганных ямах. Картографирование этих типов не обнаруживает каких-либо районов, где преобладающим был бы один из них. Наиболее многочисленны курганы с трупоположениями на горизонте. Курганы с захоронениями в насыпях выше материка составляют всего около 3% исследованных. Курганы с трупоположениями в грунтовых ямах, как правило, входят в состав могильников, содержащих насыпи с захоронениями других типов. Захоронения в подкурганных ямах чаще встречаются в поречье Припяти и Днепра, т. е. на старой дреговичской территории и в районах раннего освоения. Здесь они составляют 22—27% исследованных трупоположений. В северо-западном направлении их доля уменьшается до 12—15%. Интересно отметить, что в дрегоничском ареале не был распространен обычай обкладывать стенки могильных ям деревом или опускать в них срубы. Только в Микуличах стенки одной могильной ямы были обложены берестой, а в Жуковце — досками. Случаи обмазки стенок ям глиной у дреговичей не зафиксированы. В могильнике близ д. Вирков подкурганные ямы были обложены мелким булыжником.

Как правило, в кургане бывает одно захоронение, но известны немногочисленные случаи двойных погребений (мужчины и женщины или женщины и ребенка). В кургане 8 у д. Иванские Огородники открыто три скелета. Погребения в гробах у дреговичей встречаются нередко. Ориентировка захоронений, как правило, западная. Курганы с трупоположениями с обратной (восточной) ориентировкой сравнительно немногочисленны. В Верхнем Поднепровье такое положение умерших было наследием балтского погребального ритуала. Еще реже встречаются курганные трупоположения с меридиональной ориентировкой, которая в лесной части Восточной Европы связана с финно-угорским ритуалом.

Еще Л. Нидерле справедливо заметил, что для всех славян характерна простота одежды и немногочисленность украшений. «Роскошные одежды и украшения, — писал этот исследователь, — развивались лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с соседними им финскими, тюрко-татарскими, пруссо-литовскими и скандинавскими народами». Как отмечалось, дреговичи в значительной степени расселились на территории балтов. Их набор женских украшений, в отличие от других племен юго-западной части восточного славянства, состоит из большего числа предметов и довольно разнообразен. Далее на север, на территориях кривичей, радимичей, вятичей и словен, комплекс женских украшений становится довольно многочисленным и весьма многообразным. Дреговичи в этом отношении стоят ближе к юго-западным племенам.

У дреговичей были распространены трехбусинные височные кольца, найденные, главным образом, в юго-восточной части ареала дреговичей — по Днепру, в низовьях Припяти и по Березине. Среди этих украшений наиболее часты кольца с крупнозернеными бусами, аналогичными тем, что входят в состав ожерелий и служат этноопределяющим признаком дреговичей.

Сравнительно богаты дреговические шейные ожерелья. Срединное положение в них занимают одна-две большие металлические бусины, покрытые крупной зернью (встречены более чем в 120 погребениях). Наиболее многочисленны в составе ожерелий различные стеклянные и настовые бусы — зонные, бочонкообразные, призматические, ребристые и лимоновидные, довольно много стеклянных позолоченных и посеребренных, еще больше

цветных. Преобладают синие бусины, затем — желтые, серые и коричневые. В 36 курганных группах в составе ожерелий находились сердоликовые бусины — бипирамидальные, призматические, шарообразные и многогранные. В девяти курганных группах встречены бусины из горного хрусталя.

Несколько чаще, чем у волянян, древлян и полян, в дреговичских курганах встречаются браслеты. Наиболее часты круглопроволочные и витые тройные с завязанными или петлеобразными концами. В северной части дреговичского ареала попадаются браслеты со стилизованными змеино-головыми концами. Остальные браслеты (плосковыпуклые, пластинчатые тупоконечные, плетеные, а также стеклянные) представлены единичными экземплярами.

Более распространенной находкой являются перстни. Все они принадлежат к общевосточнославянским типам. Это перстни проволочные, витые (завязанные, тройные разомкнутые) жгутовые, плетеные, ложновитые, широкопластинчатые с завязанными концами и «усатые».

Захоронения мужчин в дреговичских курганах, как правило, не содержат вещей. Только в единичных погребениях обнаружены подковообразные застёжки, лировидные, четырехугольные и иные пряжки и поясные кольца, железные ножи, кресала и изредка перстни. Ножи, шиферные и глиняные пряслица и ножницы отмечены в захоронениях женщин. В погребениях мужчин и женщин встречаются глиняные горшки, обычно поставленные около ног умершего, в редких случаях — около головы.

Хронология дреговичских курганов разработана в работе А. В. Успенской. На основе корреляционной таблицы, составленной этой исследовательницей, можно утверждать, что смена обряда кремации обрядом ингумации в области расселения дреговичей произошла во второй половине X и в самом начале XI в. Эволюция курганов с трупоположениями протекала здесь так же, как и в других областях лесной зоны древней Руси. Для XI и первой половины XII в. характерны трупоположения на горизонте. Лишь в юго-восточных районах, там, где дреговичи соприкасались с полянами, рано появляются захоронения в грунтовых ямах под курганами. В остальных районах расселения дреговичей ямные трупоположения распространяются относительно поздно и датируются в основном XII—XIII вв.

Картография деталей погребальной обрядности и вещевых инвентарей дреговичских курганов XI—XIII вв. выявляет членение их ареала на две части (Седов В. В., 19706, с. 87-89). Курганы южной части дреговичской земли (поречье Припяти и области южнее этой реки), т. е. районов, где славяне появились еще в середине I тысячелетия н. э., по своему строению и вещевому материалу очень близки, если не тождественны, погребальным насыпям волянян, древлян и полян. Дреговичские курганные погребения здесь или безынвентарны, или очень бедны вещами, которые принадлежат исключительно к общеславянским типам. В насыпях не бывает домовин, ориентировка умерших общеславянская.

Наоборот, в северной части дреговичского ареала вещи в курганных трупоположениях встречаются чаще. Кроме предметов общевосточнославянских типов, здесь найдены металлические спиральки, служившие украшениями одежды, змеиноголовые браслеты, разные подковообразные застёжки, спиральные перстни, звездчатые пряжки и поясные бляшки латгальских типов. Все эти предметы обнаруживают многочисленные аналогии в памятниках литовско-латышских племен. Поскольку некоторые дреговичские находки в деталях отличаются от прибалтийских, нельзя объяснить их появление в курганах исключительно торговыми связями дреговичей с Прибалтикой. Да и при торговле предметы украшений расходились не повсеместно, а только там, где находили соответствующую среду.

Для северной части дреговичской территории обычны захоронения в деревянных домовинах-теремах. Большинство этих домовин срубные, сложенные из бревен на высоту 0,3—0,8 м и покрытые двускатной крышей. В курганах у д. Мохов домовины имели столбовую конструкцию, а в Эсьмонах брусья домовины поддерживались камнями. Погребальные домовины нельзя считать специфически дреговичскими, так как, во-первых, они известны не на всей территории этого племени, а, во-вторых, зафиксированы также в курганах радимичей и других восточнославянских племен. Мужчины, похороненные в курганных домовинах, как правило, имеют неславянскую ориентировку. Это обстоятельство наряду с распространением домовин исключительно в землях, прежде запятых бал-тами, дает основание предположить возможность связи домовин с погребальной обрядностью дославянского населения.

Подобное членение дреговичского ареала обнаруживают и материалы антропологии. Значительная часть дреговичей северной части Припятского Полесья и бассейна Березины принадлежала к долихокранному, относительно широколицему типу. Для южных районов дреговичей характерен длинноголовый среднелицкий тип.

Среди населения ряда районов Белоруссии термин курганы неизвестен. Курганные насыпи здесь называются концами (капцами) — по-видимому, от литовского *karas* (могила). Западные белорусы капцами называют древние грунтовые могилы, обложенные камнями. Термин концы для названия Курганов распространен только в той части Белоруссии, где до прихода славян обитали потомки носителей культуры штрихованной керамики. В южной части ареала дреговичей его не употребляют. Еще в прошлом столетии старожилы Припятского бассейна разделяли Полесье на две части: северная часть называлась литовским Полесьем, правобережная — волынским.

Намечаемая дифференциация земли дреговичей на две части явно свидетельствует об участии местного балтского населения в этногенезе славян северного Полесья. Иными обстоятельствами эту дифференциацию объяснить невозможно.

К востоку от дреговичей и к югу от кривичей жило восточнославянское племя радимичей. Русский летописец помещает их на Соже. Этнически определяющим племенным признаком радимичей являются височные кольца в виде пластинки с расходящимися книзу семи лучами и дужкой для прикрепления к прическе. Картографирование семилучевых височных колец очерчивает территорию радимичей от Днепра на западе до Ипути на востоке и от низовьев Прони на севере до устья Сожа на юге.

Височное кольцо радимичей

Ранние памятники радимичей на этой территории изучены плохо. В конце I тысячелетия н. э. здесь широко распространились курганы с трупосожжением. В среднем течении Днепра и бассейне Сожа такие курганы достигают высоты 3,5 м. Характерной особенностью в обряде является сожжение покойника на месте будущего кургана. В насыпи на подсыпке из песка обнаруживаются остатки кострища с пережженными костями и обломки глиняной посуды. Других вещей обычно нет.

В XI в. обряд трупосожжения был заменен трупоположением. На территории радимичей преобладает обряд погребения умершего на горизонте. По подсчетам Г. Ф. Соловьевой из 59 исследованных курганных групп в 49 группах погребения были совершены на горизонте, в остальных — либо в насыпи кургана, либо в ямах. Хотя курганы с трупоположением относятся уже к следующей исторической эпохе, наблюдения над деталями обряда и инвентарем позволили выявить несколько локальных групп, отражающих, по-видимому, некогда существовавшее племенное членение радимичского союза. Исследовавшая радимичские курганы Г. Ф. Соловьева выделяет 8 таких групп. Первая занимала район между Днепром и Сожем. Ее характерные особенности сводятся к следующему: погребения совершены в насыпи, покойник ориентирован головой на запад, посуда помещалась в ногах умершего. Вторая группа занимала бассейн Сожа. Характеризуется погребениями на горизонте, покойник лежит на спине головой на запад, следы гробов отсутствуют. Мужские захоронения обычно без вещей. Третья группа памятников расположена в бассейне Ипути. Погребения совершены на горизонте. Ориентировка смешанная — на запад и восток. Мужские костяки, как правило, ориентированы на восток. Обнаруживаются остатки деревянных гробов и ритуального кострища. Четвертая группа находится в бассейне Ипути и Снова. В обряде преобладают погребения на горизонте, но имеются в насыпях и ямах; женские погребения ориентированы на запад, мужские — на восток; прослеживаются остатки гробов и угли. Пятая группа расположена в бассейне Снова. Погребения совершены на горизонте. Ориентировка покойников западная. Шестая группа находится в нижнем течении Ипути. Известны все три вида захоронений — на горизонте, в насыпи, и в яме. Покойники ориентированы головой на запад. Угля нет. Седьмая группа занимает область среднего течения Днепра. Известны все три вида захоронений. Ориентировка погребенных преимущественно западная. Характерны погребения в деревянных колодах. Мужские костяки обычно не сопровождаются вещами. Наконец, восьмая группа радимичских курганов располагалась в междуречье Сожа и Беседи. Захоронения производились как в насыпи, так и на горизонте. Причем в насыпях встречены только мужские погребения с преобладающей восточной ориентировкой. Часто прослеживается уголь. Наличие в земле радимичей достаточно выраженных локальных групп памятников дает основание высказать предположение, что радимичский племенной союз сложился в результате объединения по меньшей мере 8 первичных племен. Названия их мы не знаем и едва ли когда-нибудь узнаем. Одно несомненно — восточнославянских племен было значительно больше, чем известно нам из «Повести временных лет».

Одно из крупнейших восточнославянских племен — кривичи, согласно начальной летописи, занимали земли в верховьях Волги, Двины и Днепра.

В середине и во второй половине I тысячелетия н. э. на этой территории, а также в отдельных районах Понеманья и Западного Буга были распространены длинные и удлинённые курганы,

на смену которым в IX в. пришли круглые курганы с одиночными трупосожжениями. Удлиненные курганы представляют собой невысокие в среднем до 1,5 м насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Под ними обычно на горизонте обнаруживаются трупосожжения, совершенные на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высыпанные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом. Длинные курганы имеют вид вала, протяженностью до 80...100 м. Ширина их бывает 20 м и больше, высота 2 м. Удлиненные и длинные курганы весьма бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапециевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки. Древнейшие длинные курганы на территории Белоруссии датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V...VIII вв. Там же между деревнями Машули и Шалтени раскопан длинный курган, датированный В-образными пряжками VI...VIII вв. Большинство исследователей прослеживается преемственная связь между удлиненными и длинными курганами, с одной стороны, и древнерусскими погребальными сооружениями — с другой. Для тех и других характерны ритуальные кострища, сохраняющиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Это обстоятельство позволяет связывать длинные и удлиненные курганы с кривичами. Последние исследования кривичских памятников приподнимают завесу над вопросом об их происхождении. К середине I тысячелетия н. э. наметилась территориальная обособленность кривичей от остальных восточнославянских племен. Древнейшие из известных пока длинных курганов расположены, по наблюдениям В. В. Седова, в области расселения псковской группы кривичей. Их нет ни в Смоленском Поднепровье, ни в Полоцком Подвинье. Но и в древнейшей Псковской области культура кривичей была пришлой. Кривичи принесли с собой традицию наземных построек в виде глинобитных домов с каменными печами, не известных до этого в тех местах. Поиски исходной территории формирования кривичских племен пока не увенчались успехом. Еще нигде не обнаружены кривичские памятники, более древние, чем на Псковщине. Однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в последних столетиях первой половины I тысячелетия н. э. в землях, расположенных между Псковщиной и Верхним Припятью, намечается какое-то передвижение населения, сопровождавшееся гибелью укрепленных поселений. Многие городища со штрихованной керамикой в западной части территории их распространения прекращают свое существование в IV в. Вместе с тем поселения со штрихованной керамикой распространяются на территории, занятой до этого угрофинским населением. Я. В. Станкевич отмечала в керамике и другом инвентаре поселений III...IV вв. сочетание славянских и восточно-балтийских элементов. По мнению В. В. Седова, эти явления следует объяснять проникновением с юго-запада на эту территорию кривичских племен, которые в своем движении увлекли и другие племена, в частности племена штрихованной керамики.

Дальнейшая история кривичей связана с колонизацией ими Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, куда они проникают приблизительно в VII в. н. э. Интересно отметить, что в древнейших длинных курганах Полотчины и Смоленщины отсутствуют балтийские вещи. По мнению В. В. Седова, это свидетельствует о том, что славяне первоначально не смешивались здесь с местным населением. Зато в поздних длинных курганах VIII...IX вв. балтийские вещи известны. Сельская община, пришедшая к этому времени на смену родовой общине, очевидно, уже допускала в свой состав инородческое население. О наличии племенной организации у кривичей середины I тысячелетия н. э. пока ничего неизвестно. Отголоски этнического своеобразия культуры кривичей дают о себе знать еще долгое время. В памятниках древнерусской эпохи отчетливо улавливаются черты, восходящие ко времени племенной обособленности. Это проявляется и в деталях погребального ритуала, долго сохранявшего свои особенности, и в устойчивости традиционных форм некоторых вещей. Археологически легко обнаружимым этническим признаком кривичей являются женские височные кольца в виде проволочного браслета с завязанными концами. Такие кольца вплетались в прическу возле висков обычно по три с каждой стороны. Картографирование курганов с кривичским погребальным ритуалом и браслетообразных височных колец позволяет значительно определеннее установить область расселения кривичей. К моменту вхождения в состав Древнерусского государства кривичские земли занимали значительную часть северо-восточной Белоруссии. Их южная граница проходила, видимо, севернее Минска.

На большей части Понеманья и в Среднем Побужье были распространены курганы или целиком сложенные из камней, или такие, в которых камень составлял существенный компонент. Отдельные могильники, состоящие из каменных курганов, известны и восточнее

их основной территории. На основании распространения в области каменных курганов ятвяжской гидронимии эти памятники приписывают западно-балтийскому племени ятвягам. Обычай погребать покойников под каменными насыпями распространился у западно-балтийских племен еще в I тысячелетии до н. э. и просуществовал у отдельных ятвяжских племен вплоть до конца XIII в. В VII...X вв. господствовали безурновые трупосожжения. В верховьях Вилии сосредоточены курганы, относимые к памятникам восточно-литовского круга древностей. Курганы иногда обкладывались камнями в виде венца у основания. Хронологически и по обряду захоронения восточно-литовские курганы делятся на три группы. Первую группу составляют ранние курганы с обрядом трупоположения, датирующиеся IV...V вв. н. э. Ко второй группе относятся курганы VI...VIII вв. н. э., в которых обряд трупоположения сочетается с трупосожжением. Покойники хоронились на грунте под насыпью кургана и в самой насыпи. Инвентарь погребений обычно не богат. Чаще всего при костях находят железные ножи. Более разнообразны вещи, положенные вместе с сожженными костями. Так, в одном из курганов при остатках трупосожжения были найдены узколезвийный топор, наконечник копья с ланцетовидным пером и фибула с подогнутой ножкой. Фибулы являются важными датировочными находками, позволяющими выделить во второй группе курганов более ранние погребения, относящиеся к V...VI вв. Курганы третьей группы содержат остатки трупосожжений, совершенных на стороне. Датируются они концом I...началом II тысячелетия. В Черный Луже, недалеко от оз. Свирь, остатки сожжения были высыпаны в небольшие каменные ящики, вкопанные в материк. Иногда остатки сожжения высыпались на камни или перекрывались камнями. Таким образом, в деталях обряда захоронения наблюдаются значительные различия. Известны случаи погребения вместе с остатками сожжения коней. Погребения часто сопровождаются разнообразными вещами. В мужских захоронениях обнаруживаются предметы вооружения и военного быта: мечи, боевые ножи, топоры, наконечники копий, детали щитов, шпоры, стремяна, удила; сельскохозяйственные орудия и бытовые предметы: серпы, шилья, пинцеты, точильные камни, кресала, пряжки и т. д. В женских захоронениях обычно встречаются украшения — браслеты, перстни, гривны, фибулы, различные бляшки, бусы. Иногда попадаются пряслица и миниатюрные серпы. Керамика в курганах встречается редко, форма сосудов самая разнообразная: миски, горшки в виде банок, горшки с округлым и ребристым туловом. В захоронениях курганов третьей группы отчетливо отразилось имущественное неравенство. В одних курганах совсем нет вещей, в других находятся ценные предметы. Так, в одном из курганов в Городилове был найден меч, серебряная с позолотой фибула, золотые бляшки. В северной Белоруссии курганы не были единственным типом погребальных памятников второй половины I тысячелетия. В 1911 г. возле поселка Нача был раскопан грунтовой могильник, в котором обнаружено 22 ямных захоронения с сожжением. При 11 имелись вещи, главным образом украшения: бронзовые браслеты и гривны, синие и желтые стеклянные бусы. Найдены также оружие, ножи, иглы, глиняные пряслица, керамика. Некоторые горшки имеют круглые плечики и отогнутый венчик, но в большем количестве представлены сосуды с цилиндрической шейкой. Горшки в верхней части орнаментированы полоской или ломаной линией. Шейные гривны относятся к типу пластинчатых. Поверхность их украшена насечкой. По аналогиям, известным в основном в материалах Прибалтики, грунтовой могильник у Начи может быть датирован VI...VIII вв. Таким образом, археологические материалы, относящиеся к середине и второй половине I тысячелетия н. э., рисуют этнически пеструю карту территории Беларуси, однако славянский элемент на ней становится, несомненно, господствующим.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В результате длительного внутреннего социально-экономического развития к IX в. у восточных славян сложились новые феодальные отношения. К этому времени в основном уже исчезло существовавшее ранее значительное различие в уровне развития производительных сил между северными и южными районами восточнославянской области. Экономической основой Руси было развитое пашенное земледелие, на базе которого начинают развиваться ремесло и торговля. Археологические памятники эпохи феодализма на территории Беларуси многочисленны и разнообразны. Поселения были представлены остатками деревень (селищами и сельскими городищами), феодальными усадьбами, пограничными крепостями, городами и т. д. Разграничение укрепленных поселений древнерусской поры иногда представляет немалую трудность. Из общей массы древнерусских городищ Б. А. Рыбаков по внешним признакам условно относит в разряд сельских маленькие земляные крепостцы, имевшие 60...150 м в поперечнике. Эти укрепленные поселения крестьян-общинников были представлены главным образом

мысовым типом городищ. Для первых веков существования Киевской Руси, т. е. для IX...X вв., такие городища составляли основную массу укрепленных поселений. Однако к концу X в. количество их сильно уменьшается. Для последующих эпох, начиная с середины или второй половины XI в., существование укрепленных поселений общинников уже маловероятно. Хозяйственной основой сельских городищ, естественно, являлось сельскохозяйственное производство, и это находит отражение в материальной культуре поселений. В конце XI и особенно в XII в. широкое распространение получают укрепленные поселения феодалов, приобретающие постепенно черты замков-крепостей. Одним из отличительных признаков феодальной усадьбы все исследователи древнерусских поселений называют малые размеры площадки городища при непропорционально мощным укреплениям. П. А. Раппопорт, классифицировавший древнерусские поселения по форме и характеру оборонительных сооружений, отмечает в качестве характерной черты феодальной усадьбы правильные геометрические формы укрепленного поселения. Экономической основой господства феодала является его собственность на орудия и средства производства, собственность, определяющая руководящую роль феодала в сельскохозяйственном производстве. Вместе с тем феодализировавшаяся знать была тесно связана с городской культурой. Все это находит отражение в археологическом материале, происходящем из феодальных усадеб. С одной стороны, он свидетельствует о сельскохозяйственном производстве как хозяйственной основе поселения, с другой — подчеркивает принадлежность владельца усадьбы к господствующим верхам Руси. Типичными недеревянскими вещами являются найденные в усадьбах особые глиняные сосуды — амфоры. К ним же следует причислить дорогие или сложные изделия городских ювелиров со сканью, зернью, чернью и эмалью, изделия, отлитые в тончайших литейных формах и т. д. По всей вероятности, значительная часть укрепленных феодальных усадеб принадлежала младшим дружинникам («дружине по селам»), хотя и связанным с деревней, но уже приобщившимся к городской культуре. Этот слой, по предположению Б. А. Рыбакова, был основным потребителем и заказчиком всевозможных имитаций: медных и позолоченных подвесок, имитирующих зернь и скань; медных и серебряных колтов и др. К городским вещам, не свойственным деревне, следует также отнести стеклянные браслеты. Характерной особенностью инвентаря из феодальной усадьбы является значительный удельный вес находок, связанных с военным бытом.

Раскопки феодальных замков обнаруживают значительную имущественную дифференциацию среди его обитателей, указывающую, что наряду с феодалом в замке проживали его многочисленные слуги и холопы. Феодальные замки сами по себе не были однородны. Существовали слабо укрепленные боярские дворы, обнесенные простым деревянным тыном; были сильные княжеские замки; имелись и специфичные пограничные крепости, отличающиеся и по своему назначению, и по своему устройству от обычных феодальных дворов. Феодальные усадьбы и пограничные крепости Руси — продукты одной исторической эпохи, и это обусловило некоторые общие, присущие им черты. Но если для боярской усадьбы и княжеского замка одной из важнейших функций оставалась функция подавления зависимого сельского населения, то основным назначением военно-пограничного поселения была защита границ государства или отдельных княжеств.

С переходом Руси к феодальной раздробленности, с обособлением отдельных экономически замкнутых и независимых политических княжеств в условиях непрерывного столкновения между феодалами появилась необходимость в создании системы круговой обороны границ княжеств. Возникновение целого ряда таких крепостей — характерная черта политической карты Руси эпохи феодальной раздробленности. В каждом русском княжестве, отмечает Н. Н. Воронин, мы можем найти такие пограничные крепости, обеспечивающие устойчивость территории княжеств и служащие базами походов князей на своих соседей. Если стены боярских дворов должны были противостоять напору крестьянских масс, то укрепления пограничных крепостей были рассчитаны на защиту от хорошо вооруженного войска неприятеля. Отсюда повышенные требования к конструкции укреплений, использование новейших фортификационных достижений, обеспеченность достаточным гарнизоном и создание условий для его существования с учетом возможностей длительной осады, достаточная площадь поселений, обеспеченность водой и т. д.

Новым и наиболее сложным археологическим памятником являются древнерусские города. Возникновение их на территории Белоруссии приходится на период феодализма.

Экономические и социальные предпосылки появления городов заключались в успехах земледелия и все возрастающем спросе деревни на разнообразные качественные орудия сельскохозяйственного производства, а феодализирующейся верхушки — на дорогие местные и привозные изделия, в развитии на этой основе ремесла и торговли при уже развитом институте частной собственности. Если раньше производство хозяйственных и бытовых предметов укладывалось в основном в рамки обычных домашних промыслов,

обслуживая текущие нужды семьи или в лучшем случае удовлетворяя заказ небольшого круга людей, то теперь такое производство становится основным занятием некоторых категорий населения. Их производство связано с рынком и рассчитано на него. Местом средоточия ремесленной и торговой деятельности становятся новые поселения — города, само появление которых означало итог отделения промышленного и торгового труда от труда земледельческого. Однако при всей ясности в теоретическом плане социально-экономических предпосылок проблема происхождения древнерусских городов остается сложной. Дело в том, что письменные источники помогают в этом вопросе слишком мало, а степень археологической изученности городов для решения проблемы в целом все еще не достаточна. За исключением сравнительно позднего (конца XIV в.) «Списка русских городов дальних и ближних», помещенного в Новгородской первой летописи младшего извода, письменные источники не дают перечня городов в западных областях Руси. Упоминания о городах случайны и отрывочны и связаны, как правило, с какими-нибудь политическими или религиозными событиями. Картографирование летописных «городов» дает известное представление о числе и размещении крупных укрепленных поселений на территории Беларуси в ранний феодальный период, но такая карта, естественно, неполна. Археологические материалы в значительной степени восполняют недостачу письменных источников. Более того, они обладают доказательной силой в вопросах установления специфики того или иного поселения, его социально-экономической природы.

Письменные источники называют свыше сорока географических пунктов на территории Беларуси в IX...XIV вв. К IX в. относится упоминание о Полоцке; к X в. — о Турове; к XI в. — еще о 10 городах: Бресте, Витебске, Копыси, Минске, Орше, Голотическе(?), Друцке, Логойске, Лукомле, Пинске. В связи с событиями XII в. упомянуты 17 новых городов: Слуцк, Борисов, Гродно, Клецк, Заславль, Неколучь(?), Стрежев, Гомель, Рогачев, Брагин, Мстиславль, Славгород, Мозырь, Кричев, Городок, Чечерск, Каменец; в XIII в. упомянуты также Новогрудок, Речица, Слоним, Волковыск, Копыль, Кобрин. Совершенно очевидно, что первое упоминание о том или ином «городе» отнюдь не означает времени его возникновения. Отмеченные в письменных источниках населенные пункты, как показывают археологические исследования, в своей подавляющей массе появились задолго до того, как о них сообщили летописи. Например, уже в XI в. существовали такие «города», как Волковыск, Слоним, Новогрудок, Гродно, Свислочь, Чечерск, Славгород, упоминание о которых относится к более позднему времени. Причем это только те города, по которым имеется археологический материал из начальных слоев. Можно смело утверждать, что именно на XI...начало XII в. приходится возникновение большинства летописных «городов» на территории Беларуси. Процесс возникновения и развития древнерусских городов сложен и многообразен. Общность экономических предпосылок не исключает различий в путях формирования городов. В большинстве случаев они развились из поселений иного социально-экономического облика. Проходит известное время, прежде чем ремесло и торговля становятся их наиболее характерной чертой, определяющей специфику самого поселения. Так, можно предполагать, что древнейший город на территории Белоруссии — Полоцк ведет свое начало от небольшого укрепленного поселения кривичей эпохи разложения первобытнообщинных и формирования феодальных отношений. В основе многих белорусских городов лежали феодальные и княжеские замки или пограничные крепости. Так, летопись рассказывает об основании ряда «городов» князьями. По свидетельству В. Н. Татищева, пользовавшегося некоторыми из утраченных ныне списков, полоцкий князь Борис Всеславич в 1102 г. построил город Борисов в ознаменование своей победы над ятвягами. Волею князей, судя по летописям, были основаны Изяславль и Каменец. Археологическое изучение Заславля и его окрестностей позволяет прийти к выводу, что город развился на базе нескольких сельских поселений. К югу и юго-западу от Заславля в радиусе до 2...2,5 км выявлены следы нескольких селищ. В X в. некоторые из них прекратили существование. Их жители, по-видимому, переселились под стены замка. Рядом с крепостью находился некрополь X...XI вв., насчитывавший до недавнего времени несколько сотен курганов. Среди раскопанных погребений некоторые принадлежали дружинникам, составлявшим близкое окружение и военную силу князя. Есть основания думать, что из феодальных замков развились Волковыск, Клецк, Копысь, Кричев, Мстиславль, Рогачев, Свислочь, Стрешин, Чечерск. Возможно, что возникновение некоторых замков было связано с процессом освоения новых территорий, занятых неславянским населением. Но, возникнув как центры властвования феодала над своей сеньорией или иноплеменным населением, они постепенно меняли свое лицо. Стекавшийся с окрестных деревень ремесленный люд селился возле стен замка, образуя ремесленно-торговые посады. Впрочем, мастерские ремесленников обнаруживаются при археологических раскопках и внутри укреплений. По имеющимся данным превращение таких поселений в ремесленно-торговые центры приходится в основном на XI...XII вв. Удобное

географическое положение на речных путях способствовало экономическому возвышению городов. Не случайно почти все они расположены вдоль рек. Археологические раскопки показали, что такие города, как Минск и Гродно, развились из военных пограничных крепостей. Не исключено, что некоторые города возникали на базе сельских поселений путем постепенного возрастания в них роли ремесла и специализации их населения на ремесле. Но применительно к территории Белоруссии таких примеров пока неизвестно. Каковы бы ни были пути происхождения городов, значение их в экономическом и культурном развитии русских земель чрезвычайно велико. Появление ремесленно-торговых центров обеспечило дальнейшее развитие производительных сил, способствовало еще большему разделению общественного труда, возникновению и развитию противоположности между городом и деревней. Обеспечивая нужды крестьян окрестных деревень в качественных ремесленных изделиях, города превращаются в промышленные центры сельских округ. Благодаря археологическому изучению древних белорусских городов уже можно представить их внешний облик. В известной мере в этом помогают письменные и графические материалы. Многие города в начальном периоде своей истории, по-видимому, не выходили за пределы крепости. Но по мере возрастания населения территория внутри укреплений становилась недостаточной. Поселение распространяется на примыкающие к крепости площади. С этих пор становится типичным деление городской территории на две основные части:

укрепленный центр — детинец — и ремесленно-торговый район — посад. Со временем укреплялись и отдельные участки за пределами собственно крепости. По-видимому, это и были так называемые окольные грады, упоминаемые летописью. Деление городов на детинец и посад в большинстве случаев прослеживается топографически. Детинцы, как правило, занимали территории, имеющие наилучшую естественную защищенность. Формы их и размеры в значительной мере определялись рельефом местности. Так, многие детинцы располагались на мысах, образованных слиянием двух рек. Часто они устраивались на городищах предшествующей поры. Средние размеры детинцев были от 1 до 6 га. Детинцы являлись не только военными крепостями, но и районами, где селилась преимущественно привилегированная часть городского населения — князь, дружина, высшее духовенство вместе со своей челядью. Инвентарь из раскопок детинцев обычно подтверждает принадлежность их обитателей к имущим слоям. Если детинцы западных городов Руси изучены более или менее удовлетворительно, то о посадах сведения пока очень скудные. Древний город немислим без укреплений. Исторические планы многих белорусских городов зафиксировали остатки древних валов. Хорошо сохранились валы до сих пор в Друцке, Заславле, Логойске, Копыси, Речице. Во время археологических раскопок они обнаружены в Полоцке, Минске, Волковыске, Пинске и других городах. В отличие от невысоких валов первобытных городищ земляные укрепления древнерусских городов достигали в высоту 10 и более метров. По верху вала возводились крепостные стены. Иногда и внутри вала сооружались специальные субструкции. Некоторые крепости обносились широким рвом, иногда заполняемым водой. Крепости большинства городов имели по одному въезду, защищенному воротной башней. Как можно судить по раскопкам, почти все города застраивались небольшими деревянными наземными срубами, состоявшими преимущественно из одного помещения площадью в 16...25 м². Изба на одно жилое помещение была традиционным типом белорусской постройки и в последующее время.

Техника рубки большинства построек была одинаковой. Угловые чашки и продольные пазы для лучшего скрепления венцов делались в верхней стороне бревна, щели между венцами часто проконопачивались мхом. Низкие двери вращались «на пятке». Возле некоторых изб во время раскопок были обнаружены крылечные лестницы. Археологические материалы, равно как и этнографические параллели, свидетельствуют о том, что древние городские постройки имели двускатную крышу «на самцах». Во второй половине XIII в. были крыши и на стропилах. Постройки имели деревянные полы. В углу жилых изб возле входа помещалась глинобитная или кирпичная печь на невысоком опечке.

Кроме срубов, археологические раскопки выявили в городах столбовые, каркасные и плетеные постройки. Но их было значительно меньше. В некоторых городах были и полуземлянки. Городская территория была поделена на отдельные участки, занятые усадьбами, которые включали в себя одну или две жилые постройки, несколько хозяйственных и внутренний дворик между ними. Заможенный деревом дворик иногда перекрывался легким навесом. Внутри детинцев, как показали археологические раскопки, площади городских усадеб составляли 220...250 м². В посаде, возможно, они были больше. Бросается в глаза чрезвычайная устойчивость внутренней планировки отдельных дворов. Усадьбы были отделены одна от другой или оплошным рядом построек, или деревянными заборами с запирающимися воротами. Имелись в городах и каменные постройки. Это были главным образом величественные храмы, резко выделявшиеся на фоне рядовых городских

построек. Только немногие из них сохранились до наших дней, да и то в неузнаваемо перестроенном виде. Однако существование каменных сооружений в большинстве крупных городов подтверждается археологическими раскопками, обнаруживающими остатки все новых и новых памятников монументальной архитектуры. Памятники архитектуры обычно являются объектами самостоятельных исследований. В заключение следует сказать о погребальных памятниках эпохи Древней Руси. В течение IX...XII вв. господствовал обряд захоронения в курганах. Правда, в связи с принятием христианства уже к XI в. этот обряд в основном исчезает в городах, но в деревне он продолжался до XII...XIII вв. По-видимому, под давлением церкви трупосожжение в XI в. было сменено трупоположением. Курганы XI...XIII вв. представляют собой преимущественно деревенские кладбища, дающие важный материал для изучения древнерусской деревни.

Древняя Русь была страной деревенской. Основу ее экономики составляло сельское хозяйство, на базе которого сложились и получили развитие разнообразные стороны древнерусской культуры, ремесла и торговли. Однако русские летописи почти ничего не говорят о деревне. Б. А. Рыбаков совершенно справедливо отмечает, что «история русской деревни будет написана впоследствии на основе археологических материалов». Но и археологические источники по русской деревне до сих пор очень односторонни: при обилии курганного материала еще не раскопано целиком ни одно сельское поселение. Кроме того, представляет известную трудность также разграничение городских и деревенских курганов. В деревне проживали и представители княжеской и боярской дружины. Они были связаны как с деревней, так и с городом. В их курганах одинаково встречаются изделия и городских мастеров, и деревенских. Остатками древнерусских деревень являются в основном многочисленные селища эпохи феодализма. Культурный слой селищ, как правило, незначителен по мощности. На месте большей части древних деревень расположены современные поселения или культивируемые поля, в результате чего культурный слой большинства селищ сильно поврежден. Все это затрудняет их поиски и изучение. Подавляющая часть селищ располагается в бассейнах рек и по берегам озер, в местах, благоприятных для земледелия и скотоводства. Реки были главными путями сообщений, и освоение новых территорий шло обычно вдоль них. Это особенно относится к областям, занятым лесами. Приречные земли были в первую очередь подвергнуты обработке. Для поселений чаще всего выбирались берега, приподнятые над уровнем речных долин. Отдавалось предпочтение местам, где имеется мыс, образованный слиянием двух рек, ручьем или оврагом, спускающимся к реке. Поселения обычно вытягивались полосой вдоль берега.

Размеры селищ различные — от 1 тыс. до 45 тыс. м². Хронологическую классификацию селищ, расположенных на территории Беларуси, еще никто не проделал, но можно предполагать, что размеры их зависели от времени, к которому они относились. Так, по наблюдению В. В. Седова над сельскими поселениями Смоленщины, селища раннего времени (VIII...X вв.) отличались более крупными размерами и представляли собой преимущественно поселения больших общин. По мере роста населения в общинах появлялись новые небольшие селения, образованные выселившимися из материнского поселка крестьянами. Известные на территории Белоруссии ранние селища возле Хотомеля и д. Городище (Минской области) тоже занимают большие площади. О застройке деревенских поселений и типах жилых и хозяйственных сооружений сведений еще очень мало. Можно предполагать, что преобладала рядовая застройка вдоль берегов рек и озер. Материалы раскопок на юге Белоруссии указывают на широкое распространение в деревне землянок и полуземлянок. Выше говорилось о землянках, выявленных на селище возле Хотомеля. Э. А. Сымановичем описаны две землянки X...XI вв., раскопанные за валом Чаплинского городища в Гомельской области. Одна землянка размером 3,6х3,6 м была углублена в землю на 1...1,05 м. Посреди пола сохранилась яма от центрального столба, поддерживавшего перекрытие. Возле одного угла были хорошо заметны три ступеньки входа. В противоположном от входа углу на небольшом возвышении размещалась сводчатая печь. Одна стена ее была сложена из камней, другая (примыкавшая к стене землянки) — из глины. Вторая постройка была углублена в землю всего на 0,5...0,55 м. Размеры ее — 3,15х2,95 м. В постройке тоже обнаружена глинобитная сводчатая печь, поставленная справа от входа. Основу стен жилища, по-видимому, составляли столбы. Конечно, этих данных недостаточно, чтобы сделать вывод о безусловном преобладании в древнерусской деревне северо-западных областей земляночных типов жилищ. Хорошо зная характер застройки городов, можно быть уверенным в том, что наряду с землянками и полуземлянками в деревне имелись и наземные деревянные срубы. Весьма скудные сведения письменных источников о древнерусской деревне, ограниченные по существу случайными упоминаниями об отдельных сельскохозяйственных культурах или предметах сельскохозяйственного обихода, породили

ложный взгляд на значение и характер земледелия в Древней Руси. Многие видные русские историки недооценивали роль земледелия в экономике раннефеодального времени. На первый план ими выдвигались охота, рыболовство и бортничество. Широко распространено было мнение об отсталости и примитивности земледельческой культуры и безраздельном господстве подсечной системы в сельском хозяйстве Руси. Археологические источники убедительно свидетельствуют о том, что в эпоху феодализма пашенное земледелие на Руси стало господствующим уже к концу I тысячелетия н. э.

История древнерусского земледелия раскрывается на основании изучения сельскохозяйственных орудий, древнего зерна и сопутствующих ему семян сорных растений. Характерным признаком пашенного земледелия является применение упряжных почвообрабатывающих орудий, а также широкий состав возделывавшихся культур. По мнению А. В. Кирьянова, использование лошади в качестве тягловой силы в лесной полосе Восточной Европы следует относить к VII...VIII вв. н. э. В лесостепной зоне это имело место значительно раньше. Археологически существование пашенного земледелия подтверждается находками железных наконечников почвообрабатывающих орудий. Основными пахотными орудиями были соха, рало и плуг. В лесной полосе господствовала соха, в лесостепной — плуг. Соха и рало относятся к орудиям рыхлящего действия. Они раздвигают землю и рыхлят ее. Плуг срезает пласт горизонтально и переворачивает его. Как полагает П. Н. Третьяков, соха развилась из древнейшего орудия рыхления периода господства подсечного земледелия — суковатки, представлявшей собой срубленную ель с обрубленными на половину длины крупными сучками. Древнейшие сохи были многозубыми, развившимися впоследствии в двурогие с полицей — приспособлением для отвала пласта. Размеры сошников, наральников и плужных лемехов были разными и зависели от характера производимых работ. Длина наральников в среднем была около 15...17 см, нижний рабочий край их закруглен. Сверху загнутые края образовывали втулку-трубицу, с помощью которой наральник закреплялся на станине. Отношение ширины наральника к его длине составляло 1:2 или 1:3. Сошники имеют более вытянутые пропорции, их ширина относится к длине, как 1:3, 1:4 или 1:5. Сошники многозубых сох имели симметричную форму с округлой в поперечном сечении трубицей. Основным функциональным назначением таких сох, как и суковатки, было поверхностное рыхление пашни. Такая соха была наиболее удобным и целесообразным орудием освоения и обработки лесных и каменистых почв. При встрече с препятствиями она легко и быстро извлекалась из земли. Симметричные сошники многозубых сох имеют длину 20...25 см. Сошники от двузубых сох отличаются своей асимметричной формой и размерами. Они несколько длиннее симметричных сошников (в среднем около 30 см)

Лемеха древних плугов значительно шире и массивнее сошников. Их ширина составляет 1/6 длины. Трубицы уже верхнего края рабочей части лемеха и сравнительно короткие. Для переворачивания пласта правый край лемеха обычно делался шире левого. Часто древнерусский плуг оснащался специальным ножом — череслом, укрепленным впереди лемеха. Чересло, разрезая пласт вертикально, облегчало работу лемеха. Плуг, а также рало более пригодны для мягких почв. Вследствие слабой археологической изученности сельских поселений находок землеобрабатывающих орудий в Белоруссии сравнительно мало. К тому же основная их часть происходит из раскопок древнерусских городов. Сошники были найдены при раскопках феодального городища возле деревни Городище Минской области и в городах Полоцке, Минске, Гродно, Волковыске, Новогрудке. Два фрагмента минских сошников, а также сошники из Волковыска и Новогрудка принадлежат многозубой сохе. Сошники из Городища, Полоцка и Гродно имеют хорошо выраженную асимметричность, свидетельствующую об их принадлежности к двурогим сохам. Как уже отмечалось раньше, наральник и, возможно, плужный лемех, а также чересло были найдены только однажды на селище в Хотомеле в слоях VIII...IX вв. На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов можно утверждать, что основным землеобрабатывающим орудием на территории Белоруссии в раннефеодальное время была соха, сначала многозубая, а позже двузубая. Для обработки земли использовались также мотыги и лопаты. Одна мотыга была найдена в минских раскопках В. Р. Тарасенко. Более частой находкой являются железные оковки лопат. При несомненном господстве пашенного земледелия в рассматриваемый период подсека, особенно как средство освоения новых лесных угодий, еще играла немаловажную роль. Основным орудием подсечного земледелия оставался железный топор. Находки в раскопках как сельских, так и городских поселений зерен и плодов дают представление о составе и удельном весе возделывавшихся культур.

Основной зерновой культурой на Руси была рожь. К X...XI вв. она занимает уже господствующее положение. Рожь была найдена при раскопках феодального замка X...XII вв. у д. Городище под Минском. По подсчету Т. Н. Коробушкиной, рожь в одной пробе составила

55%, в другой — 63% по отношению ко всему найденному зерну. В Гродно в слоях XI...XII вв. рожь составила 64 %, а в слоях XII...XIII вв. — 98% всех найденных зерен.[1]. Преобладала рожь и в зерновом материале из раскопок Минска и Полоцка. Второй по значению зерновой культурой была пшеница, найденная в раскопках у д. Городище, в Гродно, Минске, Полоцке. В зерновом материале городищенского замка пшеница составила в одном случае 15%, в другом — 44 %. В раскопках Полоцка, Гродно и Минска были найдены зерна ячменя. О ячмене говорит витебская берестяная грамота XIII...XIV вв. Зерна проса были найдены при раскопках феодального замка под Минском, в самом Минске, в Гродно и Полоцке. Однако это растение, как полагают, было более характерно для южных районов Руси. Большой интерес представляет находка в Гродно зерен гречихи, которую считали культурой довольно поздней, завезенной в Европу арабами не ранее XV в. При раскопках замка у д. Городище, а также в Гродно и Полоцке был найден овес. В одной пробе из городищенского замка он составил 21%. В Гродно в слоях XI...XII вв. овес составил 35% всего зернового материала.

Исключительно важный материал для суждения о характере использования пахотных земель, степени окультуренности почвы, места и условий возделывания той или иной культуры дает изучение видового и количественного состава сорных растений, почти всегда сопутствующих древнему зерну. Дело в том, что условия, создаваемые человеком для возделываемых им культурных растений, стали в результате длительного биологического приспособления жизненно необходимыми для многих сорных растений. Некоторые сорные растения вообще не встречаются в диком виде. От них практически невозможно полностью освободиться при применявшихся на Руси способах очистки зерна провеиванием на ветру с последующим просеиванием через сито. Значительная засоренность зерна из белорусских раннефеодальных памятников свидетельствует об использовании старопахотных почв. В зерновом материале, полученном во время раскопок раннефеодального городища под Минском, в Гродно и Полоцке, имеется костер ржаной, являющийся типичным сорняком озимой ржи и имеющий одинаковый с ней цикл развития. Это указывает на то, что рожь тогда была озимой культурой и произрастала на старопахотных давно окультуренных почвах. Как отмечает А. В. Кирьянов, «в условиях старопахотных почв предшественником поля с озимой рожью может быть только паровое поле». Таким образом, в рассматриваемое время был распространен типичный двухпольный севооборот. Можно предполагать также существование трехполья и некоторых переходных форм паровой системы. Из других культур, найденных на территории Белоруссии во время археологических раскопок, можно отметить горох (Гродно, Полоцк), бобы (Минск, Гродно, Полоцк), лен, коноплю и др. Основным орудием уборки зерновых на Руси был серп, являющийся частой находкой при раскопках и поселений, и погребений. В погребениях он обычно сопровождает женские захоронения; вероятно, как и позже, жатва серпом была женской работой. Исследователи древнерусских серпов отмечают большую близость их по конструкции, деталям, размерам и иногда технологии изготовления к современным серпам. Это не исключает их различий между собой по ряду признаков: положению рукоятки по отношению к клинку, высоте дуги лезвия, положению вершины дуги лезвия относительно ее основания, крутизне изгиба лезвия в начальной и конечной части клинка, углу резания в различных точках лезвия. Эти различия позволили наметить несколько локальных типов серпов, имеющих определенное географическое распространение.

Для белорусских серпов, происходящих из памятников раннефеодального времени, можно отметить характерный сдвиг вершины дуги лезвия в сторону рукоятки. Такая форма серпа не допускала чрезмерного увеличения углов резания в разных точках клинка, что делало его более удобным в работе. Некоторые серпы близки к так называемому ярославскому варианту новгородского типа серпов, являвшегося одним из лучших древнерусских серпов вообще. Большая часть серпов имеет насеченное лезвие, изготавливались они из железа и стали. Косьба производилась с помощью кос-горбуш, закреплявшихся на короткой рукоятке. Находки их часты при раскопках поселений. Зерно на Руси хранилось в специальных клетях и хлебных ямах. Мололи его на ручных жерновах, состоявших из двух каменных дисков с отверстием в центре. Нижний жернов имел конически выпуклую поверхность, верхний — конически вогнутую. Существовали ручные мельницы с регулировкой зазора между камнями. Об этом, в частности, свидетельствуют находки железных и деревянных порхлиц, посредством которых верхний жернов укреплялся на вертикальном штыре. В минских раскопках был найден деревянный боковой подшипник верхнего жернова. В нем укреплялся один конец ручки, за которую вращают жернов. Обдирка зерна на крупу производилась в деревянных ступах. При раскопках Минска были найдены две совершенно уникальные ножные ступы, одна из них найдена почти в собранном виде. Ступа состояла из трех основных частей: основания, рычага и песта. Основание сделано из толстой сосновой плахи длиной 1,3 м и шириной 0,5 м. Верх основания представляет собой плоскую площадку с невысоким бортиком.

В центре площадки выдолблена круглая конусообразная чаша глубиной 22 см с начальным диаметром входного отверстия 19 см. На другом конце основания сделан продольный сквозной выруб длиной 60 см и шириной 25 см. Через него проходил дубовый рычаг прямоугольного сечения, поставленный на толстую планку-ось, укрепленную в боковых крыльях основания. В месте насадки на ось рычаг имел выруб. На другом конце точно против чаши основания в рычаге было прорублено сквозное прямоугольное отверстие, в котором с помощью клина крепился деревянный пест.

Хозяйственной жизни деревни был присущ натуральный уклад. Большая часть необходимых в быту вещей производилась самими же крестьянами. Археологические материалы достаточно хорошо иллюстрируют состояние и технику прядения и ткачества. Сырьем для изготовления тканей служили шерсть, лен и конопля. Отряхивание костры и грубых частиц волокна производилось трепанием. Основное орудие этой операции — деревянное трепало — было найдено в раскопках некоторых городов. Для чесания волокон употреблялись деревянные гребни. Основным способом получения нитей было прядение на веретене. Веретена представляют собой тонкую деревянную палочку, круглую в сечении с некоторым утолщением в нижней части. Длина веретен 18...25 см. Для придания веретену большей инерции при вращении на него надевали грузик-пряслице. В XI...XIII вв. повсюду на Руси бытовали волынские шиферные пряслица, являющиеся очень частой находкой при археологических раскопках. Для снования нитей применялись полые костяные цилиндрики с двумя или тремя отверстиями сбоку — юрки. Они были найдены, в частности, при раскопках минского «Замчища». Сами по себе юрки свидетельствуют о наличии горизонтального ткацкого станка, ибо для снования на вертикальном ткацком станке они не нужны. В минских раскопках были найдены части от ткацкого станка — боковые планшеты от набилок, веретено с пряслицем(?). Как известно из этнографических примеров, процессы, связанные с домашним ткачеством, крайне длительны и трудоемки. Особенно много времени уходит на прядение. Оно, как и ткачество, целиком ложилось на плечи женщины. По подсчетам Н.И. Лебедевой, на прядение 16 кг кудели требуется 955 часов. Чтобы соткать три холста (150 м), нужно затратить около 1920 часов.

Большое место в хозяйственной жизни деревни занимало животноводство. При раскопках селища у д. Городиловка Гродненской области были найдены кости свиньи, козы, лошади, быка. К домашним животным относилась подавляющая часть костных остатков из городища и селища возле д. Городище Минской области. По количеству особей здесь на первом месте стоит мелкий рогатый скот и бык, затем следуют свинья и лошадь. Аналогичная картина наблюдается и при изучении остеологических материалов из раскопок древних белорусских городов (исключая Гродно). Известную роль в хозяйстве древней деревни играли охота, рыболовство, собирательство и бортничество. Значение последнего вида хозяйственной деятельности определяется тем, что на Руси не было тогда сахара. Из меда приготавливали медовку — излюбленный хмельной напиток. В бортничестве использовались специальные ножи — медорезки. Такой нож был найден в одном из курганов в южной Белоруссии. В деревне проживало значительное число ремесленников, обеспечивавших большую часть потребностей сельского населения в ремесленных изделиях. Занятие ремеслом для большинства деревенских мастеров было делом подсобным.

Важнейшей отраслью деревенского ремесла было кузнечное дело, причем деревенские кузнецы были главными добытчиками и поставщиками кричного железа. Сплошное археологическое обследование района западных кривичей дает, по подсчетам Б. А. Рыбакова, одну домницу на 500...800 м². Это значит, что одна производственная единица (домница-кузница) обслуживала район радиусом 12...16 км, т. е. несколько окрестных поселков. Деревенские кузнецы изготовляли по существу все необходимые в хозяйстве и быту железные изделия. Однако по техническому уровню и технологии деревенское кузнечное ремесло значительно уступало городскому. Деревенские кузнецы почти не изготовляли качественных стальных орудий.

Деревенские ювелиры удовлетворяли потребности сельских женщин в предметах украшения. Рыбаков, применив методику изучения и картографирования вещей, отлитых в одной литейной форме, пришел к выводу, что централизованного изготовления деревенских украшений не было. Так, изучение семилучевых височных колец, отлитых в двух разных формах, показало, что расстояние между пунктами, в которых встречаются отливки с одних форм, не превышает 40 км. Подвески так называемого петлистого типа, отлитые в одной форме, были найдены в курганах у Влазович и Казарич, расстояние между которыми равнялось 7 км. Другой «гроздевой» тип подвески с одной формы найден в курганах из Хизово и Торovich, находящихся друг от друга на расстоянии 17 км. Отсюда можно сделать вывод, что деревенские ювелиры-литейщики обслуживали ограниченный район радиусом 10...15 км. «Для самого маленького племени — радимичей — нужно было 40...50 литейных

мастерских, чтобы сеть их мелких рынков покрыла территорию распространения семилучевых височных колец».

Изделия деревянных ювелиров представлены всевозможными головными украшениями, нагрудными привесками, бронзовыми браслетами, перстнями, фибулами, пряжками и т. д. В женском наборе украшений всегда видное место отводилось всевозможным амулетам, якобы оберегавшим от бед и болезней. Их изучение раскрывает интереснейшую страницу языческой идеологии, свойственной древнерусской деревне.

Самой многочисленной категорией находок в сельских поселениях является керамика. Широкая сырьевая база и сравнительно несложная технология, основы которой были выработаны в глубокой древности, сделали гончарное производство одним из самых распространенных на Руси. Густая сеть деревянных гончарных мастерских покрывала и территорию западных земель Руси. В XI...X вв. здесь распространяется гончарный круг. Изготовление гончарных изделий на круге повлекло за собой замену домашнего изготовления посуды, находившегося ранее в руках женщины, производством мужчины-ремесленника. Этнографические материалы позволяют составить представление об устройстве ранних гончарных кругов. В Белоруссии до недавнего времени был известен примитивный гончарный круг, восходящий по своей конструкции, по-видимому, к X...XI вв. Его основой являлась низкая скамья, в которой укреплялась ось с насаженным на нее массивным деревянным кругом толщиной в 2...3 см и диаметром 15...20 см. При работе гончар сидел верхом на скамье, левой рукой вращал круг, а правой формовал глину. Для того чтобы глина легко отделялась от круга, его поверхность посыпалась песком. Небольшая инерция, обусловленная малой скоростью вращения и сравнительной легкостью деревянного круга, не позволяла вытягивать сосуд непосредственно из комка глины. Гончару приходилось проводить специальную подготовительную работу в виде лепки сосуда из раскатанных глиняных валиков-лент. Вращая круг, гончар сглаживал неровности лент правой рукой. Самый распространенный древнерусский тип горшка имеет устойчивые черты: конусообразное тулово, в достаточной степени выраженные плечики, широкое горло и отогнутый венчик. Излюбленными орнаментами были линейный и волнистый, либо линейно-волнистый. По форме венчика, степени его отгиба, крутизне плечика и некоторым другим признакам удается наметить хронологическую классификацию древнерусской керамики. При раскопках и особенно разведках сельских поселений керамика часто является единственным материалом, позволяющим установить дату. В деревне, несомненно, были развиты и другие ремесла, связанные с обработкой дерева, кости, камня. Однако вследствие недостаточной изученности сельских памятников Беларуси нельзя пока воспроизвести цельной картины их состояния и установить степень значимости этих видов деятельности деревенских мастеров.

Города были не только политическими и религиозными столицами отдельных областей, но и мощными очагами материального и духовного творчества. Все настоящие города были центрами ремесла и торговли. Самодовлеющий характер древнерусской экономики обуславливал разностороннее развитие городского ремесла, достаточное для обеспечения непосредственных нужд не только горожан, но и жителей близлежащих деревень, составлявших экономически связанную с городом сельскую округу. Многоликий характер городского ремесла не исключал различий в степени развития производства в отдельных городах и некоторой специфики их экономической и культурной жизни, вытекающих из ряда причин географического, экономического, политического и культурного порядка. Эти общие черты и различия в развитии городов нашли отражение и в археологическом материале; они тем заметнее, чем больше масштабы изучения отдельных городских памятников. Исследования городов большими площадями стали вестись преимущественно в послевоенный период. Изучение городских древностей сопряжено с рядом трудностей. Как правило, города представляют собой памятники многослойные с мощными культурными напластованиями. Их раскопки требуют больших затрат труда и времени и особых методических приемов. Как бы ни были велики раскопки, они обычно захватывают незначительную площадь по сравнению с общей площадью, занимаемой городскими поселениями. Для городской территории в целом они сравнимы с булавочным уколом. Применительно к территории большинства изучаемых городов археологические раскопки в лучшем случае могут быть названы широкими разведками. В связи с этим и в интерпретации добытого материала требуется особая осторожность. Совершенно очевидно, что далеко не всегда в материалах раскопок могут быть представлены в достаточной степени различные стороны городской культуры, обычно в одних случаях они освещены лучше, в других — хуже. Раскопки и крупные разведки затронули значительное число белорусских городов: Полоцк, Минск, Туров, Гродно, Новогрудок, Друцк, Мстиславль, Волковыск, Витебск, Пинск, Слоним, Браслав, Свислочь, Давид-Городок и др.

Древнейшим городом на территории Беларуси и одним из крупнейших политических центров Древней Руси был Полоцк. Впервые он появляется на страницах летописи под 862 годом в числе первых русских городов. Город занимал очень выгодное географическое положение, располагаясь у слияния рек — Полоты и Западной Двины, по которой в древности проходил один из путей «из варяг в греки». Правовые документы XIII в. рисуют Полоцк как крупнейший торговый центр Руси, находившийся в оживленных сношениях с Прибалтикой, островом Готландом и немецкими городами. Еще в XVI в. жива была память о славе и богатстве города, добытые его купцами и ремесленниками. «Берега Двины серебряные, а дно ее золотое», — говорил Иван Грозный. К сожалению, полоцкие летописи погибли, а другие летописные своды, хотя и упоминают Полоцк значительно чаще других белорусских городов, все же не дают достаточных сведений для раскрытия его ранней истории. Археологические материалы и здесь должны стать решающими. На исторических планах и рисунках Полоцка отмечены три большие самостоятельные части: Верхний замок, расположенный на левом берегу Полоты, при ее впадении в Западную Двину; Нижний замок, примыкающий к Верхнему замку с севера, и так называемое Заполотье, на противоположном берегу Полоты, как и Верхний замок, выходящее к Западной Двине. Эти три района топографически легко прослеживаются и на современном рельефе города. До сих пор превосходно сохранились мощнейшие валы Нижнего замка, известные под названием вала Стефана Батория или Иоанна Грозного. В городе обнаружено также городище, находящееся на правом берегу р. Полоты приблизительно в 800 м от Западной Двины. Полоцк замечателен своими древними архитектурными памятниками. Одни из них сохранились до наших дней в перестроенном виде (Софийский собор и церковь Спаса), от других остались только фундаменты. Ни один город Беларуси не может соперничать с Полоцком по количеству древних памятников.

Обширный археологический материал убедительно показывает развитость в городе различных видов ремесла. Найденные инструменты, заготовки, полуфабрикаты, сырье и многочисленные готовые изделия свидетельствуют о существовании местных производств, обслуживавших как нужды горожан, так и сельского населения городской округи. В материалах раскопок нашли отражение различные стороны хозяйственной и культурной жизни города. Находки убедительно свидетельствуют о высоком развитии железообработки, ювелирного ремесла, деревообработки, кожевенного дела. На исследованном раскопками участке проживали ювелиры. В слоях XI... XIV вв. найдено свыше двух десятков литейных форм различных конструкций, а также ювелирные клещи. Железообрабатывающее ремесло представлено многочисленными находками различных по своему назначению изделий, среди которых на первое место следует, естественно, поставить инструментальный. В слоях XI... XIV вв. были найдены кузнечные клещи, бородок (для пробивания отверстий в металлических изделиях), зубила, топоры, тесла, скобели, долота, сверла, гвоздодеры, ножи, ножницы, иглы. Из железных орудий, связанных с сельскохозяйственным производством и различными промыслами, найдены сошники, серпы, косы, оковки лопат, рыболовные крючки, гарпуны. Многочисленны находки предметов домашнего обихода и утвари, вооружения и т. д.

Металлографические исследования железных изделий показали, что кузнецы умели варить сталь, сваривать ее с железом, знали термическую обработку, искусно владели всеми необходимыми техническими приемами обработки черного металла: обточкой, опиловкой, пайкой, инкрустацией и покрытием другими металлами. Материалы из раскопок свидетельствуют не только о высоком уровне кузнечного и слесарного дела в городе, но и о единстве технологии производства в русских городах, об общем для них пути развития железоделательного ремесла.

Добыто довольно много отходов кожевенного производства. Давая оценку полученным материалам, следует, однако, иметь в виду, что раскопки коснулись очень небольшого участка города, вследствие чего может создаться несколько одностороннее представление о его культурном облике в целом. Излюбленным украшением городских женщин были стеклянные браслеты. На Руси существовало несколько больших центров их производства. Крупнейший находился в Киеве. Киевские мастера по стеклу обеспечивали потребность в стеклянных украшениях большей части русских городов. Изделия киевского производства найдены и в Полоцке. Однако спектральное изучение полоцких браслетов позволило прийти к выводу о существовании в Полоцке местного производства браслетов. В местном стекле содержится примесь титана, позволяющая отличать полоцкие изделия от привозных. В середине XIII в. киевские мастерские были разгромлены монголами и производство стекла там прекратилось. В Полоцке оно существовало вплоть до XIV в.

Ювелирное дело представлено льячкой, литейной формой, ювелирными пинцетами, находками медной проволоки, слитков олова и свинца, многочисленными готовыми изделиями. Ассортимент изделий представлен обычными недорогими бытовыми вещами, изготовленными простой техникой литья. Видно, что изделия эти изготовлялись для рынка.

Основными потребителями продукции ювелира были городские жители и младшие дружинники «по селам». Готовые ювелирные изделия многочисленны и разнообразны. Вне всякого сомнения, значительная часть их была изготовлена местными мастерами, хотя выделить их продукцию из общей массы находок пока не удается — слишком однообразны по форме и технике ювелирные изделия Древней Руси.

Большое место в хозяйственной жизни занимала деревообработка, которая, как и в других поселениях Руси, в значительной степени стояла на грани ремесла и домашнего промысла. В раскопках найдена большая часть из известного в то время деревообрабатывающего инструмента. Материалы свидетельствуют о существовании токарного станка по дереву. Местные мастера хорошо знали и разумно использовали различные породы дерева. Дерево было основным строительным материалом. Остатки жилых и хозяйственных построек дают отчетливое представление об уровне строительного дела. Из дерева изготовлялась домашняя утварь, посуда, бочки, корыта, лопаты, вилы, льнотрепалки, ступы, веретена, детали к различным механизмам, рукоятки к инструментам и т. д. Самой многочисленной категорией находок является керамика, вся изготовленная на гончарном круге. Хотя следов производства гончарных изделий не обнаружено, сомневаться в местном производстве основного керамического материала едва ли возможно. Очевидно, гончары проживали за пределами детинца. Наиболее распространенным типом посуды был обычный горшок. В единичных экземплярах были найдены фрагменты кувшинов, мисок, чашек. Сравнительно мало амфор и поливной посуды. Многие находки свидетельствуют о развитости косторезного дела. Основными инструментами были пила, нож, сверло, резец, напильник, токарный станок. Имеются прямые или косвенные свидетельства о существовании всех названных инструментов. Готовые изделия представлены рукоятками для ножей, шильями-проколками, всевозможными накладками, оружием, деталями одежды и бытовыми вещами, украшениями и т. д. Некоторые вещи сделаны с большим искусством, украшены гравировкой и резьбой.

Широкое развитие в городе получило кожевенное дело, представленное инструментами, многочисленными обрывками кож и серией готовых изделий. Два типа обуви были особенно распространены: мягкие туфли и поршни. Верх туфель состоял из одного или двух кусков кожи и обычно украшался нарядной вышивкой. Подошва была мягкой. Поршни изготовлялись из одного куска кожи. Были также сапожки и полусапожки. Из кожи делали рукавицы, кошельки, футляры для ножей, мячи и др. Значительную группу находок из раскопок составляют изделия из стекла: браслеты, перстни, бусы, обломки сосудов. Все эти вещи типичны для древнерусского города. Больше всего найдено браслетов. Их около тысячи. Браслеты различаются между собой по цвету, форме, толщине, химическому составу и т. д. Интересно отметить, что в разное время наблюдается мода на определенный тип или цвет браслета. Так, в конце XI... начале XII в. модными были цвета черный, синий и голубой. Зеленые и коричневые браслеты распространяются в XII и XIII вв. В конце XI...первой половине XII в. носили преимущественно крученые, довольно толстые браслеты. Со второй половины XII в. становятся модными гладкие браслеты.

Большой интерес представляет группа находок, связанная с военным бытом — детали мечей, наконечники копий и стрел, фрагменты защитного оружия, шпоры, стремяна, удила и т. д. Из предметов вооружения больше всего найдено наконечников стрел (около 60). Бросается в глаза чрезвычайное разнообразие наконечников, хорошо отразившееся в военном деле. Появление новых типов обусловлено усовершенствованием доспехов. В XI...начале XII в. еще широко распространены плоские двушипные или ромбовидные наконечники, то в XII в. в связи с усовершенствованием защитного оружия, значительно возрастает количество узких граненых наконечников стрел, специально предназначенных для пробивания брони. Стрелы носились в колчанах.

Во время археологических раскопок были найдены несколько «писал», предназначенных для письма. Они представляли собой заостренный стержень с лопаточкой на одном конце. Острым концом писали на специальных дощечках, покрытых воском. Лопаточкой стирали написанное. «Писала» найдены во многих древнерусских городах.

Городское ремесло базировалось на труде свободных ремесленников. Однако возможно также существование в городе и вотчинных ремесленников. В жизни города большая роль принадлежала домашним промыслам, земледелию, скотоводству, рыболовству, собирательству. Среди найденных зерен имеется рожь, пшеница, просо, бобовые. Изучение остеологического материала показало, что подавляющее большинство найденных костей относилось к домашним животным (92,9%), из них: кости свиньи составили 31,7%, домашнего быка—30,7%, лошади—5,9%, овцы и козы—15,2%. Охота не имела особого промыслового значения. Отраженное в археологическом материале состояние торговой жизни древнего Минска, по-видимому, неполно. Основным поставщиком стеклянных изделий был Киев. Из него же привозились некоторые украшения и предметы культа. С Волыни поступали

шиферные пряслица; с юга — амфоры с вином, самшит, грецкий орех; из Прибалтики — янтарь, (вероятно, в качестве сырья для местной переработки).